

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сезар Итье

ИНКИ

ИНКИ

Социальное и политическое
устройство империи
Армия
Экономическая жизнь
Государственное хозяйство
Религия
Языки и письменность

СЕЗАР ИТЪЕ

ИНКИ

Москва
«Вече»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
И93

*Издание осуществлено при поддержке
Национального центра книги
Министерства культуры Франции*

*Ouvrage publié avec le concours du Ministère
français chargé de la culture — Centre National du Livre*

Перевод с французского Л.С. Самуилова

Итье, С.

И93 Инки / Сезар Итье. — М. : Вече, 2013. —
288 с. — (Гиды цивилизаций).

ISBN 978-5-4444-0526-0

Знак информационной продукции 12+

Из малочисленного и безвестного племени долины Куско инки с течением времени смогли превратиться в могущественных правителей Анд. Они создали великую империю, поразившую пришельцев из Европы своими грандиозными сооружениями и научными знаниями.

Империя инков была крупнейшим по площади и численности населения государством в Южной Америке, включавшем в себя земли нынешних Перу, Боливии, Эквадора и частично Чили, Аргентины и Колумбии.

Правителем этих обширных территорий был Инка — так индейцы называли своего государя. Дословно «инка» означает «повелитель», «царь». А само слово «инка» являлось неотъемлемой частью имени вождя империи. С появлением завоевателей понятие «инка», или «инки», распространилось на все племя индейцев, населявших империю.

Книга французского исследователя доколумбовых цивилизаций Сезара Итье послужит читателю увлекательным путеводителем по древнему государству.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4444-0526-0

César Itier
Les Incas

© Les Belles Lettres, Paris, 2009

© Самуилов Л.С.,

перевод на русский язык, 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни одна другая цивилизация древней Америки не подсказала людям Запада столько утопических идей, как цивилизация инков. Историк Гарсиласо де ла Вега, потомок инкских правителей и метис по происхождению, в своих знаменитых на всю Европу «Подлинных комментариях об истории государства Инков» (1609) приводит образец государства, где царил беспристрастный и благосклонный порядок, освещенный солнечным квазимонотеизмом, который Провидение наделило основными христианскими заповедями. В XVIII веке уже госпожа де Графиньи, Вольтер и Мармонтель восхваляли законы инков, продиктованные здравым смыслом и справедливостью. Аббат Рейналь полагал подданных Инков процветающими и облагодетельствованными коллективистским режимом. В XIX веке инкская империя представлялась Уильяму Прескотту «самым умеренным из деспотизмов». В 1928 году Хосе Карлос Мариатеги, основатель перуанской компартии, видел в этом обществе автократическую форму коммунизма, пережитки которой мог-

ли послужить фундаментом для подлинно андского демократического социализма. В том же году французский историк Луи Боден разрушал стереотипы, изображая инкское общество, которое он также полагал социалистическим, как геометрическую и холодную империю, где некое «центральное бюро» думало вместо погруженного в ментальную инертность и пассивность населения. Даже сегодня отсылы к инкскому социализму нет-нет да и звучат в речах политиков андских стран.

Вот уже четыреста лет Инкская империя занимает особое место в политических рассуждениях европейцев. Это связано еще с размышлениями испанцев времен Конкисты, которые познакомились с этим государством накануне его краха. Инкская империя, даже больше, чем империя ацтеков, вызвала удивление завоевателей своей инфраструктурой, богатством, хранившимся на огромных складах, и организацией производства и обмена товарами, ничего подобного которой в Европе не было.

В первые же годы после Конкисты испанцы пытались выяснить, как появилась Инкская империя. В некоторых регионах их туземные информаторы вспоминали о существовавших незадолго до инков государствах и протогосударственных объединениях, зачастую воевавших друг с другом. Лишь на заре XX века, с началом археологических раскопок, когда стала видна историческая сущность

цивилизации древнего Перу, ученые начали понимать, что инкская империя была лишь завершающим этапом долгого процесса экономического, социального и культурного развития. Сегодня мы знаем, что Анды и их прибрежные и амазонские предгорья представляли собой один из наиболее древних очагов цивилизации на планете, а первым поселениям и монументальной архитектуре Перу примерно столько же лет, сколько и их собратьям из Месопотамии или долины реки Инд. Как на побережье, так и в высокогорьях нехватка дождей, судя по всему, стала основным фактором в возникновении централизованных, иерархических обществ, вожди которых мобилизовывали население для строительства ирригационных каналов, сельскохозяйственных террас, административных и церемониальных центров. Эта абсолютно теократическая по характеру элита поддерживала необходимый порядок за счет управления земледельческой инфраструктурой, от которой зависела жизнь людей.

С самых древних времен андский регион, с его прибрежными и восточными предгорьями, представляется пестрым миром, в котором многочисленные небольшие этнические и политические образования сосуществуют иногда мирно, но чаще всего — в жесткой конкуренции и конфликтах. На фоне такой разобщенности, многообразия соци-

альных слоев, языков и художественных стилей эти общества располагают одной и той же культурной основой, проистекающей из длинной истории контактов и обменов. Именно эту общую среду мы и называем «цивилизацией древнего Перу». Будучи ее наследниками, инки впервые создали из этого множества обществ единое политическое целое. Термин «инки» обозначает лишь несколько десятков тысяч обитателей небольшой долины Куско. В XIII и XIV веках они установили господство над своими ближайшими соседями, в радиусе примерно 70 километров вокруг их поселения. Лишь около 1400 года инки провели серию завоеваний, которые позволили им основать самое большое государство из когда-либо существовавших в доколумбовой Америке. В начале XVI века только Китайская и Османская империи были способны сравниться по своим размерам с Империей инков, которая простиралась примерно на миллион квадратных километров. Ее северные и южные границы разделяли 5500 км, и это расстояние сопоставимо с тем, что существовало между противоположными концами Римской империи. Территория Инкской империи охватывала часть того, что ныне является Эквадором, Перу и Боливией, а также северо-запад Аргентины и северную половину Чили.

Сегодня мы знаем, что инки и их предшественники располагали настоящей системой письма —

знаменитой *кипу*, — расшифровать которую мы не в состоянии. Тем не менее многочисленные документы, составленные на испанском, кечуа и аймара на протяжении последовавшего за Конкистой столетия, проливают свет на некоторые аспекты жизни в Инкской империи. Прежде всего это пресловутые «хроники», термин, включающий в себя как сделанные конкистадорами (например, Мигелем де Эстеде, Франсиско де Хересом или Педро Писарро) первые описания империи, которые сопровождаются рассказами об их «подвигах», так и чисто исторические произведения, написанные испанцами (такими как Хуан де Бетансос, Педро Сьеса де Леон или Кристоаль де Молина) между первой четвертью XIX и первой половиной XX века. Начиная с 1950-х годов историки пользуются и другими типами источников, также относящихся к XVI и XVII столетиям: данными административных инспекций и судебных тяжб, фискальными документами и описаниями процессов, связанных с обвинениями в идолопоклонничестве. Анализ этих документов вдребезги разбил некоторые из выводов, построенных на основе буквального чтения хроник.

В 1960-е годы и позднее новые археологические данные глубоко изменили наше представление об инкском обществе. Сконцентрировав внимание на социальной, экономической и политической организации некоторых провинций, археология,

в частности, доказала, что Инкская империя была отнюдь не столь монолитной, как мы полагали, основываясь на хрониках, а взаимодействие инков и разнородных местных обществ породило крайне разнообразные формы политического контроля и экономической эксплуатации. Этнология, изучая общества, живущие в среде, которая ничуть не изменилась с инкской эпохи и унаследовала древние символические традиции, технологии и знания, помогает нам лучше понять смысл и значение информации, содержащейся в исторических источниках. Филология местных языков, которая анализирует тексты, составленные на языках кечуа и аймара в XVI и XVII веках, систему терминов, относящихся к древним социальным, политическим, экономическим и религиозным институтам, — в последние годы сделала важный вклад в наше понимание общества и культуры Инкской империи.

Цель нашей книги — дать читателю элементарные познания о древнем Перу инкской эпохи. Издание разделено на две части. Первая обобщает сведения о том, что касается истории и социальных, политических и экономических понятий. Вторая часть посвящена тому, как были устроены инкский мир и общество, сводя друг с другом материальную организацию жизни людей и концептуальные представления, придающие ей связность и жизненную силу.

ΠΕΡΟΥ

I

ИСТОРИЯ

Все исторические источники, касающиеся Инкской империи, увидели свет уже после падения этого государства. Нам неизвестно ни одного документа, составленного кем-либо, кто вырос в самой Империи инков. Та система письма, которой пользовались древние перуанцы, не расшифрована и по сей день, а живопись, представлявшая историю инков, была вся уничтожена в первые десятилетия после Испанского вторжения. Таким образом, наши знания инкской истории во многом основываются на хрониках, написанных на протяжении столетия, следовавшего за Конкистой. Их авторы, судя по всему, передавали рассказы своих туземных информаторов в соответствии с своими априорными культурными и идеологическими позициями, и даже теми политическими интересами, к которым они были привязаны, например, интересами того или иного вице-короля или же религиозного ордена. Инки первых десятилетий колониального периода стремились передать своим испанским со-

беседникам те версии истории, которые выглядели благоприятными для их собственных родов, к тому же следует принимать во внимание, что и до Конкисты их историческая память то и дело подвергалась подгонке со стороны каждого из правителей (вроде удаления из династического списка отстраненного от власти предшественника). В общем, нетрудно понять, с какими сложностями сталкиваются современные исследователи, пытаясь установить хотя бы фундаментальную основу Инкской империи. Так как древние перуанцы не вели счет лет, хронология расширения Империи нам до сих пор неизвестна. С 1980-х годов археология, однако же, начала находить важные дополнения к нашим познаниям об истоках и развитии Инкского государства. Так, теперь, после датирования радиоактивным углеродом и методом термолюминисценции, мы можем уверенно заявлять, что экспансия Империи началась около 1400 года, то есть на сорок лет ранее, чем это указано в хрониках. Для более ранних периодов мы располагаем сведениями, которые предоставлены археологией и могут быть дополнены теми, что дает нам сравнительная и историческая лингвистика.

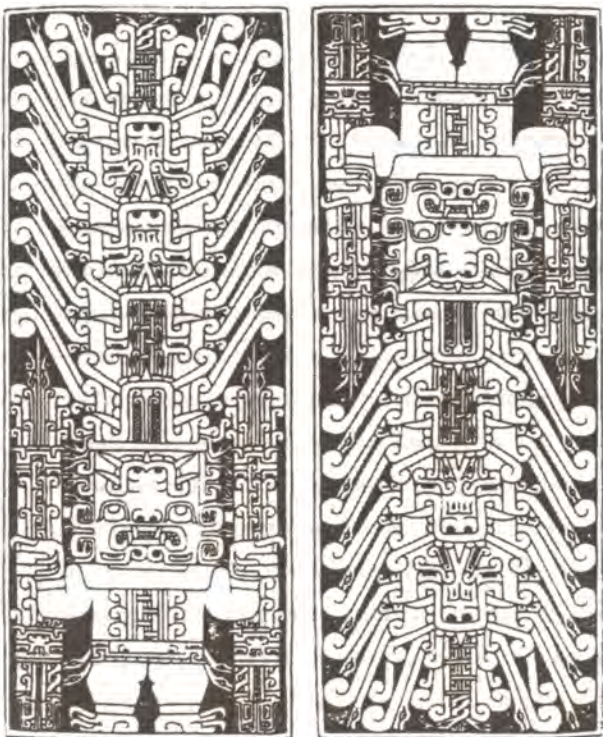
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВЕКА

Инкская империя возникла в результате многовековой адаптации к окружающей среде, от

крытий и складывающихся традиций. Первыми людьми, поселившимися в андском регионе, были охотники-собиратели, пришедшие с севера в эпоху, относительно которой у специалистов не существует единого мнения. В любом случае есть свидетельства того, что за 14 000 лет до н.э. люди уже проживали в этой части Южной Америки, которая также является одним из наиболее древних мировых очагов возникновения сельского хозяйства. Действительно, некоторые растения, вроде фасоли или стручкового перца, выращивались здесь уже за 8000 лет до н.э. Одомашнивание лам и альпак закончилось примерно за 3500 лет до н.э. В III тысячелетии до н.э. в этом регионе выращивались уже практически все растения, известные в эпоху инков, но лишь к 1800 году до н.э. растениеводство перестало быть дополнением к охоте, рыбной ловле и животноводству, становясь основной экономической деятельностью.

На оседлый образ жизни древние перуанцы перешли, не дожидаясь наступления всецело сельскохозяйственной экономики, так что первые постоянные поселения возникают уже за 4000 лет до н.э. на побережье и в горных районах центрального и северного Перу. Примерно с 3000 года до н.э. прибрежные общины начинают возводить церемониальные центры, архитектура которых — наиболее древняя на континенте. Наиболее из-

Бог с посохами на стеле в Чавине

вестным из таких поселений является Карал, отстроенный в долине Супе, который между 2600 и 1500 годами до н.э. занимал территорию в 50 гектаров. Его функция была главным образом церемониальной: если не считать нескольких жилых секторов и хлебных амбаров, 32 его окрашенные постройки являлись платформами, храмами и алтарями, причем шесть из них представляли собой огромные пирамиды. Экономика общин, которые

строят эти церемониальные центры, основывается на рыбной ловле, дополняемой примитивным ирригационным земледелием и торговлей с далекими высокогорьями и Амазонией. Еще одно экономическое и культурное пространство **возникло в центре северной части Перу, образуя начальное географическое ядро андской цивилизации.** Зарождение там цивилизации становится возможным благодаря целой совокупности экологических и географических факторов. С одной стороны – холодные воды течения Гумбольдта, пришедшие с Антарктики, снабжают прибрежное население исключительно богатыми морскими ресурсами. С другой стороны – цепь Анд в этой части Перу является как относительно узкой, так и очень высокой, что благоприятствует экономической взаимодополняемости между общинами, осваивающими ближайшие, но такие разные территории. **Отношения обмена, которые возникают между этими общинами, производящими самую разнообразную продукцию, дают им продовольственную безопасность, что приводит к их непрерывному и продолжительному развитию.**

Начиная с 2000 года до н.э. распространяется **использование керамики**, что знаменует собой начало так называемой «образующей» эпохи. Церемониальные центры стали более многочисленными и грандиозными, нежели в предыдущую эпоху, – те-

перь их на побережье по меньшей мере 45, — тогда как развивались и системы орошения. На протяжении веков наиболее интенсивно цивилизация развивалась именно в долине Касмы, на северном побережье центрального Перу. Примерно в 500 году до н.э. активизировались отношения обмена на огромных территориях, простирающихся от Кахамарки до Аякучо, где также возникли богатые жреческие элиты, наблюдался необычайный рост искусств и архитектуры. Основным культурным центром этой эпохи является **Чавин**, находящийся в горах северного Перу. Расположенное в стратегическом — с точки зрения торговли — месте, это поселение распространяло свои художественные стили и религиозные живописные каноны, в частности знаменитого «Бога с посохами» на большей части Перу.

Этот завершающий этап образующей эпохи известен под названием «**ранний горизонт**», по причине происходившего в это время процесса культурной унификации.

Когда, около 200 года до н.э., пришел конец культурной гегемонии Чавина, находившиеся под его влиянием регионы примерно на семь веков вступили в процесс культурной дифференциации, известный как «древний переходный период». Некоторые из общин этой эпохи приступают к возведению крупных гидравлических сооруже-

ний. На побережье развиваются наиболее яркие культуры, такие как **Викус, Мочика, Паракас и Наска**. Но и в некоторых горных регионах наблюдается значительный подъем, например, в долине реки Санта, где процветает культура **Рекуай**, или на севере бассейна озера Титикака, где возникает изысканное поселение **Пукара**. На северном побережье Перу к культуре **Мочика**, судя по всему, принадлежали элиты сразу нескольких небольших государств, зачастую конфликтующих друг с другом. Малые форты и крепостные стены, которыми отмечены границы их территорий, наводят на мысль о том, что основной причиной этих конфликтов, становилась вода. На южном побережье, в долине Наска на 150 гектарах находятся пирамиды и монументальные площади паломнического центра Кауачи. Его строители являются также авторами знаменитых **линий Наска**, которые, вероятно, служили в качестве церемониального пространства.

В VI веке н.э. возникают два крупных горных государства – Уари и Тиауанако. Это начало **«среднего горизонта»**. Империя *уари*, столица которой размещалась неподалеку от современного Аякучо (в Перу), тянулась от региона Куско до района Кахамарки. **Это самое крупное государство Южной Америки из тех, что существовали до Инкской империи**. Возведенная на высоте 2800 метров, его столица, Уари, является одним из самых больших

городов древнего Перу. В этом лабиринте многоуровневых каменных, оштукатуренных под белый мрамор строений, снабженном высокими (от 10 до 12 метров) укреплениями и системой водостоков, проживало, по разным подсчетам, от 35 000 до 70 000 человек. Строители Уари соорудили также большую сеть мощенных щебнем дорог, являвшуюся прямым предшественником инкской, и провинциальные административные центры, вроде Пикильякты (регион Куско), Вилькаваина, что в долине реки Санта, или Виракочабамбы (провинция Уамачуко). Эта империя постепенно канула в Лету между 800 и 1000 годами н.э.

Расположенный на высоте 3850 метров, неподалеку от южных берегов озера Титикака, **Тиауанако** в полной мере становится городским центром лишь к 350 году н.э. Мало-помалу это поселение берет под свой контроль все верхнее плато и к 550 году начинает распространять свою власть за пределы бассейна Титикаки. В конце концов его сфера влияния распространилась на прибрежные долины крайнего юга Перу и севера Чили, пустыню Атакама, всю сухую *пуну* боливийского запада и долины восточных боливийских предгорий. В Тиауанако могло проживать от 30 000 до 40 000 человек, к которым следует добавить примерно 10 000 обитателей каждого из городов-спутников, расположенных в его окрестностях. Таким обра-

зом, общее население метрополии могло приближаться к 250 000 человек, из которых 115 000 были городскими жителями. **Никогда больше, даже при инках, в доиспанских Андах не будет столь активного процесса урбанизации, как в этот период «среднего горизонта».** Церемониальный характер основных строений Тиауанако и в основном религиозная направленность его искусства, а также значительное преобладание предметов культа над военными предметами наводят на мысль, что власть метрополии скорее основывалась на ее технологических достижениях и религиозном влиянии, нежели на могущественном военном аппарате. По непонятным причинам Тиауанако и его города-спутники были оставлены приблизительно в 1000 году.

Закат крупных горных государств знаменует собой возврат к более автономному развитию местных объединений. Начинается так называемый «**поздний переходный период**». На побережье крайнего севера Перу, между долинами Сульяны и Чикамы, блестящим наследником культуры Мочика становится культура **Сикан**. В X веке это объединение приступило к массовому производству мышьяковой бронзы (сплав бронзы и мышьяка), которая постепенно заменила камни и кости в изготовлении инструментов. Его огромная столица, Батан-Гранде, становится крупнейшим метал-

лургическим центром. Примерно в это же время объединения бассейна озера Титикака начинают производить бронзу на основе меди и олова. Центральные Анды вступили в настоящий бронзовый век, который представляет собой новый этап в завоевании человеком территорий: вооруженные бронзовыми земледельческими орудиями, андские крестьяне возделывали все больше и больше земель, сооружая все больше и больше сельскохозяйственных террас, прорывая еще больше ирригационных каналов, вырубая леса, покрывающие восточные склоны Анд.

В первой половине XI века Батан-Гранде уничтожает пожар, возможно, вызванный взбунтовавшимся населением, и власть Сикана рушится. Примерно в 850—900 годах н.э. обитатели прибрежной долины Моче основывают новое поселение немного южнее старого, известное сегодня под названием Чан-Чан, но инками называемое *Чиму*. На протяжении XII и XIII веков обитатели Чан-Чана, индейцы племени *чиму*, в результате серии завоеваний создают империю, которая, в период своего апогея, простирается на 1300 километров вдоль побережья, от Тумбеса до окрестностей Лимы. С его 20 000 или 30 000 жителей и площадью в 20 000 квадратных километров, застроенной исключительно сооружениями из кирпича-сырца, Чан-Чан становится крупнейшим андским горо-

дом той эпохи. На центральном побережье Перу город-храм **Пачакамак** распространяет свою политическую власть на долины рек Римак, Лурин и Мала, а религиозное влияние — на большую часть Перу. Чуть южнее возникает еще одно относительно могущественное государство — Чинча. **В высокогорьях, напротив, закат государств Уари и Тиауанако открыл эпоху постоянных конфликтов между множеством небольших территорий, подвластных амбициозным вождям.** Население перемещается в горы, где концентрируется и окружает себя укреплениями. Но в большинстве своем эти забравшиеся на возвышенности деревушки удалены от мест добычи воды, до которых зачастую приходится добираться по несколько часов, поэтому оборонительные возможности их обитателей весьма ограничены, так что, судя по всему, военные операции того времени представляют собой обычные набеги. Таков контекст, в котором предстоит возникнуть могущественной Инкской империи.

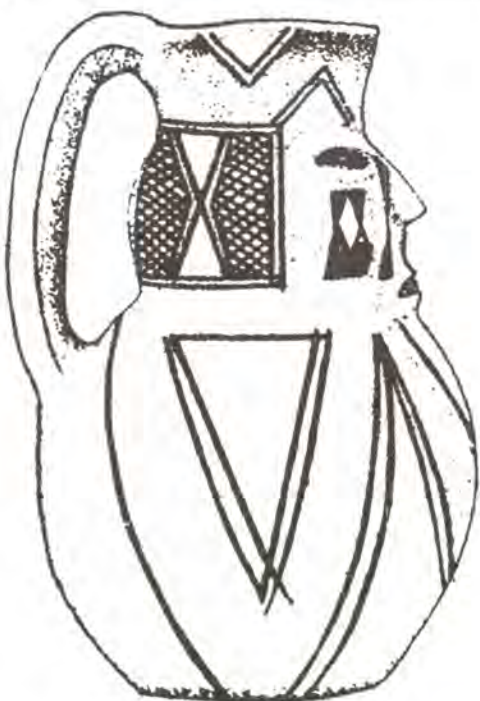
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

Испанские хронисты, идя в этом на поводу у своих туземных информаторов, объясняют начало имперской экспансии инков одним чудесным

событием. Будучи всего лишь небольшой группой земледельцев, занимавших долину Куско и постоянно воевавших с соседями, инки якобы были атакованы индейцами племени чанка, пришедшими в этот регион из других земель. Пожилой инкский правитель *Виракоча* обратился в бегство, а один из его сыновей, *Инка Юпанки*, которого отец не ценил, при помощи нескольких друзей, героически встал на защиту города. Трижды отбив атаки противника, он затем отогнал индейцев чанка на их земли, где и разбил. По возвращении *Инка Юпанки* был провозглашен правителем и начал править под именем *Пачакути* («Возвращение Эпохи»), а *Виракоча* был сослан в свое загородное имение. За этими событиями последовала серия завоеваний, которые за небольшой период времени привели к образованию Инкской империи.

Археологические раскопки показывают, что такую интерпретацию фактов, которую, должно быть, сам Пачакути возвел в ранг официальной истории, едва ли стоит принимать на веру. Также они свидетельствуют о том, что в начале XV века инки были лишь малочисленным племенем, подвергавшимся нападениям соседей. По сути, лишь после 1200 года н.э. небольшая долина Куско становится центром региональной экономики и начинает распространять керамику по всему этому краю.

Ваза стиля кильке (доимперский инкский)

В то время как в окрестностях жилища прятались в горах, а маисовые поля, расположенные в глубине долины, зачастую оказывались заброшенными ввиду большой удаленности от обитаемых мест, деревни региона Куско не были окружены укреплениями, а орошаемое возделывание маиса интенсифицировалось. Все это наводит на мысль, что инки заключили с ближайшими соседями взаимовыгодные союзы, постепенно распространив свою политическую гегемонию на весь

регион и покончив тем самым с распространением конфликтов, возникавших там между соседними деревнями по всем Андам.

Датирование радиоуглеродным методом тех поселений региона Куско, где были обнаружены первые образцы архитектуры имперского инкского типа, говорит о том, что эти постройки были возведены еще до эпохи, в которую жил *Пачакути*, и могут восходить к концу XIV века. Стало быть, еще до *Пачакути* инки представляли собой могущественную региональную силу, возможно, зачаток государства. **Таким образом, Пачакути являлся не единственным и гениальным создателем великого государства, но был наследником долгого опыта создания политической гегемонии.** Однако же несомненно и то, что он смог перенести этот опыт на более высокую ступень, недоступную его предшественникам.

Нам известно, что официальный список Верховных Инков, правивших до *Пачакути*, был составлен именно последним. Эта генеалогия правителей, включающая в себя всего восемь Инков, не может считаться абсолютно исторической, даже несмотря на то, что упомянутые в ней личности действительно существовали, так как потомки сохраняли их мумии до середины XVI века. Вероятно, из нее было исключено немало властителей, память о которых, слишком далекая, мало что зна-

чила для их предков. И потом, инкская история не могла позволить себе быть слишком сложной, так как должна была провозглашаться во время основных публичных церемоний. Предание гласит, что *Пачакути* вычеркнул из династической памяти даже имя своего сводного брата *Инки Урку*, который правил незадолго до него.

Династия Инков

Манку Капак		
Синчи Рока		
Льоке Юпанки		Доимперская эпоха
Майта Капак		(список,
Капак Юпанки		составленный
Инка Рока		при Пачакути)
Яуар Уакак		
Виракоча		
<hr/>		
Пачакути		
Тупак Инка		Имперская эпоха
Уайна Капак		
Уаскар	– 1532	
<hr/>		
Манко Инка	1533–1545	
Сайри Тупак	1545–1558	Эпоха испанских
Титу Куси	1558–1571	завоеваний
Тупак Амару	1571–1572	

ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

О жизни инкских правителей мы знаем лишь по рассказам, составленным хронистами колониальной эпохи, в большинстве своем — испанцами, на основании свидетельств представи-

*Война инков против обитателей леса (анти)
на раскрашенном деревянном кубке колониальной эпохи*

телей знати из Куско. Эти рассказы, таким образом, сильно зависели от самых различных интересов, как правило, политических, а также от этих хронистов и их информаторов. Несмотря на это, критика и сопоставление источников позволяют восстановить основные черты **имперской экспансии инков**. Судя по всему, **она восходит как минимум к правлению Инки Виракочи, то есть к первой трети XV века**. Куско встречает тогда достойного соперника, племенной союз *колья*, власть которого распространяется на огромные территории к северу и востоку от озера Титикака. Столица этого союза, Атун-Колья, и обнаруженные в Сильюстани погребальные башни, как нельзя лучше свидетельствуют о могуществе его правителей. Возможно, экспансионистские намерения инков относительно бассейна озера Титикака были вызваны желанием взять под прямой контроль этот регион, известный производством бронзы. Этот металл действительно представлялся стратегическим средством производства ин-

кам, которые только-только приступили к завоеванию новых пригодных для земледелия земель в собственном регионе и в амазонских предгорьях, вследствие чего испытывали жизненную необходимость в бронзовых орудиях труда.

Вот почему инки заключают альянс с индейцами племен *кана*, которые занимают промежуточную территорию между инками и *колья*, и *лупака*, южными соседями и давними врагами *колья*. Взятые в клещи, последние потерпели поражение от этого тройственного союза, возглавляемого инками, которые таким образом получили доступ к верхнему плато.

Затем инки бросили вызов племени *чанка*, обитавшему в районе современного Андауайласа, к западу от Куско. При помощи проверенных союзников, *кана*, инки вышли победителями и из этого конфликта. Данная война привела к заключению союза между инками и *чанка*, и уже вместе они устремились навстречу новым завоеваниям.

Вероятно, индейцы *чанка* были не единственным племенем, объединившимся в тот момент с *Пачакути*. По сути, молниеносная экспансия империи в какой-то мере объясняется умением инков из Куско присоединять к своим силам армии завоеванных народов. Войска, которыми располагали инки, были многонациональными, так как каждое племя вступало в них на правах отдельного

Договор между Инкой и вождем племени колья на раскрашенном деревянном кубке колониальной эпохи

подразделения и в собственных, специфических одеждах. **Возглавляемая Инкой армия представляла перед ее врагами уже не как войско инков из Куско, а как большая коалиция племен.** Этот «снежный ком» рос с такой быстротой, что Инка начал награждать наиболее отличившихся в боях воинов украшениями, дорогой одеждой, землями, скотом и, что еще более изысканно, «младшими», или «второстепенными», женами. Таким образом, выгода, которую человек или племя могло извлечь в деле строительства империи, была куда более очевидной, нежели та, какую они получали в результате прежних набегов. В общем, кусковцам удастся извлечь максимум пользы из боевого этоса, развившегося у горных народов за долгие века сражений. Присоединение некоторых племен к империи порой происходит совершенно беспре-

*Верховный Инка в воинских одеждах на раскрашенном
деревянном кубке колониальной эпохи*

пятственно, так как, прежде чем отправиться в очередной завоевательный поход, инки сочетают угрозы разрушений и массовых убийств с обещаниями выгод тем, кто согласится на их гегемонию. Протогосударство *чинча*, которое одним из первых присягнуло на верность Инке, получило таким образом привилегированный статус в недрах империи. И напротив, обитатели Уарко, находившегося в долине Каньете, на центральном побережье Перу, или *харанги* региона Кито, были истреблены Инкой после того, как попытались оказать ему сопротивление, что им долгое время и удавалось.

Разъединенные в силу их соперничества, горные территории, расположенные к северо-западу от Куско, быстро, уже к середине XV века, были завоеваны *Пачакути*. Единственной мощной силой, которая сумела оказать сопротивление инкам, ока-

зался союз между правителем Кахамарки — богатой долины в Андах на севере современного Перу — и вождем племени *чиму*, хозяином всего северного побережья. Однако в конце концов *Пачакути* удалось одержать победу и над ними. Добившись желаемой цели, он вернулся в Куско по дороге, шедшей вдоль берега, покоряя те земли, которые еще не находились под его властью. Позднее он предпринял и другие победоносные походы на север и на юг. Со временем *Пачакути* уступил командование этими экспедициями тому из сыновей, которого он выбрал на роль преемника, *Тупаку Инке*. **Именно Пачакути и Тупак Инка завоевывают большую часть той территории, на которой будет существовать Инкская империя на момент прихода испанцев**, тогда как преемник *Тупака Инки*, *Уайна Капак*, сможет добавить к Империи лишь то, что сегодня является крайним севером Эквадора и востоком Боливии.

Продвижение инков было остановлено на юго-востоке сопротивлением *чиригуанов* и на крайнем юге — *арауканов* (или *мануче*), которые вынудили инков зафиксировать границу у реки Мауле и укрепить ее малыми фортами. Территории, находящиеся за этими южными границами, в любом случае не представляли для инков никакого экономического интереса. Совсем иначе обстояли дела с югом современной Колумбии, регионом богатым

Уайна Капак (согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

и густонаселенным, на который инки, судя по всему, и намеревались обратить свое внимание, когда произошло Испанское вторжение.

КРИЗИС ДИНАСТИИ И ИСПАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

В первые годы XVI века Уайна Капак обосновался на севере Империи, где создает «второй

Куско», *Томебамбу* (на юге современного Эквадора). Там он пробудет до самой смерти, дабы лучше контролировать те стратегические регионы, которые с таким трудом удалось завоевать его предшественникам. Примерно в 1524–1528 гг. он становится жертвой болезни, завезенной европейцами — уже присутствующими на континенте, — оспы, которая убивает также и назначенного им преемника. Верховная власть переходит к одному из его сыновей, остававшемуся в Куско, *Уаскару*. Вскоре через несколько лет, в 1530 г., *Атауальпа*, еще один сын *Уайна Капака*, восстает против *Уаскара*. Причины этого конфликта нам все еще не известны. Династические кризисы не были редкостью для инков, так что каждое междоусобице характеризовалось кровавыми конфликтами между родами Куско за право выбора будущего правителя. *Тунак Инка*, возможно, был убит, тогда как *Уайна Капак*, ради восшествия на престол, сам убил двух своих братьев. *Манко Инка* таким же образом поступил в отношении двух своих. *Атауальпе* удается заручиться поддержкой нескольких племен империи, в частности, северной ее части, и страна погружается в беспрецедентную гражданскую войну. Силы севера одерживают ряд побед над войсками Куско и быстро продвигаются на юг. Вскоре тридцатитысячная армия *Атауальпы* переправляется через реку

Апуримак. Нанеся кусковцам сокрушительное поражение, солдаты *Атауальпы* захватывают *Уаскара* в плен в окрестностях столицы, которую подвергают разграблению, заодно истребляя и местное население.

Когда оставшийся на севере *Атауальпа* уже собирается отправиться в Куско, ему сообщают о вы-

*Атауальпа, пленник испанцев
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)*

садке в Тумбесе испанцев, на северном побережье Перу. Инкам уже было известно об их нападениях на северные территории Империи на протяжении последних десяти лет. На сей раз отряд из 168 испанцев впервые продвигается в глубь страны, приближаясь к Кахамарке, где остановились *Атауальпа* и часть его армии. 15 ноября 1532 года отряд под командованием Франсиско Писарро вступил в город. Инкская армия стояла лагерем неподалеку от Кахамарке, пока правитель наслаждался термальными ваннами, расположенными неподалеку. Писарро направил к *Атауальпе* посольство. Его эмиссары предложили Инке явиться на следующий день в Кахамарку, дабы встретиться с их командиром. Дружеские манеры чужестранцев отнюдь не ввели в заблуждение Инку, уже слышавшего о тех грабежах и бесчинствах, которые они учинили на побережье. 16 ноября, после полудня, правитель отправляется в Кахамарку с пышностью и помпой, в сопровождении десятка наиболее приближенных лиц и нескольких тысяч вооруженных людей, с намерением пленить непрошенных гостей и забрать их лошадей для дальнейшего разведения. Вероятно, он и представить себе не мог, что чужестранцы являются авангардом могущественного мира, готового в любой момент прислать им необходимую помощь, и что они намерены взять противника в заложники. Писарро и его отряд были рассредото-

чены по строениям, окружающим площадь. *Атауальпа* и его люди прибыли на площадь и замерли в недоумении, не увидев ни одного испанца. Висенте де Вальверде, монах-доминиканец, вышел из одного из зданий и приблизился к Инке, чтобы вручить ему требник. После короткого диалога *Атауальпа* швырнул этот предмет на землю, уже готовый бросить своих людей в атаку. В этот момент испанцы появились из укрытий, верхом, в доспехах и с эскапетами в руках. Вооруженные пиками и палицами, воины *Атауальпы* были не в силах оказать им достойного сопротивления. **Христиане захватили Инку и истребили тысячи сопровождавших его людей**, притом что сами вышли из завязавшегося сражения целыми и невредимыми, все до единого.

**Пленение Атауальпы (согласно письму,
написанному неким испанским
солдатом своему дяде 20 июля 1533 г.)**

Этот сеньор [Атауальпа] располагал шестьюдесятью тысячами воинов, тогда как нас было всего сто шестьдесят человек, включая губернатора [Франсиско Писарро]. Мы думали, что пришел наш последний час. Могущество этих людей было таким, что даже женщины насмехались над нами и уже заранее оплакивали нас. Но последующие события опровергли эти плохие мысли. Сеньор прибыл со своим воору-

женным войском, остановившись на расстоянии двух арбалетных выстрелов от того места, где был разбит наш лагерь, и там встал лагерем сам. Затем он отправился к губернатору примерно с пятью тысячами человек (все — в военном облачении), чтобы взглянуть, что мы за люди. Он сидел на украшенных золотом носилках, посреди сотни других сеньоров, которые выступали в качестве носильщиков или подметали землю на всем пути следования кортежа. Все пели в унисон. Как только они подошли ближе, губернатор устремился вперед со всем своим войском. Налетев на них, мы схватили сеньора и убили большинство окружавших его людей; затем мы атаковали воинов, вооруженных копьями в 25 пядей длиной, и сокрушили их. Примерно за два с половиной часа мы истребили восемь тысяч человек, захватили много золота, серебра, тканей и кучу народу.

Отныне *Атауальпа* их пленник.

В обмен на его освобождение Писарро потребовал огромный выкуп золотом и серебром. Все еще надеясь обрести свободу, *Атауальпа* приказал доставить в Кахамарку немыслимое количество предметов из драгоценных металлов. В свою очередь, испанцы получили подкрепление из Панамы и успели ознакомиться в политической ситуацией

Писсарро захватывает Перуанского Инку.
Художник Д.Э. Милле

в стране. Понимая, что чужестранцы готовы заключить союз с *Уаскаром*, *Атауальпа* распорядился убить своего сводного брата, которого его полководцы удерживали в плену на юге. Не имея ни малейшего намерения удовлетвориться выкупом и покинуть страну, испанцы тогда решили казнить *Атауальпу* за предательство и братоубийство и встать под защиту сторонников убиенного *Уаскара*. Столкнувшись с таким непредвиденным развитием событий, последние заново собрали войско. Ожидая нападения армий *Атауальпы*, испанцы поспешно покидают Кахамарку, дабы направиться в Куско. Когда, после нескольких стычек с войсками Кито, христиане приблизились к столице Империи, молодой сын *Уайна Капака*, *Манко Инка*, предстал перед Писсарро в качестве кандидата, избранного жи-

телями Куско в качестве преемника *Уаскара*. Войдя в столицу, **Писарро признал Манко как «нового правителя страны».**

Молодой Инка собрал армию и первые месяцы своего правления посвятил тому, чтобы, при помощи контингента испанцев, отбросить войско из Кито на север. Сам город Кито, остававшийся в руках одного из полководцев *Атауальпы*, *Руминьяви*, вскоре не устоит перед штурмом испанского отряда, коему значительную поддержку оказывают уроженцы *Томебамбы*, *каньяри*.

Цель *Манко* — при помощи европейцев установить свою власть над империей и положить конец династическому кризису, начавшемуся со смертью *Уайна Капака*. Но официальный акт признания испанцами Куско своим городом (март 1534 г.), разграбление храмов столицы (май того же года), а затем и королевских гробниц, прибытие в Империю все более и более многочисленных испанских отрядов и оскорбления, нанесенные представителям аристократии, вскоре дали *Манко* и его окружению понять, сколь неверно они оценили ситуацию. То, что им казалось обычным вмешательством небольшой группы чужеземцев во внутренний конфликт, теперь приняло характер вторжения. Отношения между правителем и его испанскими союзниками ухудшились настолько, что последние дважды брали его в заложники, чтобы потребовать от него

выкуп. В апреле 1536 года, воспользовавшись тем, что часть захватчиков находится в Чили и в Лиме, Манко мобилизовал свою армию и напал на Куско, где расквартированы всего 190 испанцев. За этим мятежом следуют другие по всей стране, и Манко идет на штурм Лимы, которую испанцы двумя годами ранее превратили в свою столицу. Но осада это-

Манко Инка (согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

го прибрежного поселения успеха не приносит, так как Писарро получил подкрепление от союзнических племен — *уайлья*, *уанка* и *каньяри*, — а также от обитателей Лимы и центрального побережья, с касиков которых представители Инки решили вдруг востребовать многие годы не платившиеся в казну подати. Манко не удалось вернуться и в Куско, так как христиане получили военную помощь от индейцев *каньяри* и *чачапоя*, тогда как по истечении годичной осады войска Манко, прокормить которые он больше не мог, перешли на сторону противника. Неудача при осаде Куско (1537 г.) знаменует собой настоящий конец Инкской империи.

**Обращение Манко Инки к своим
капитанам во время его первого
пленения испанцами в 1535 г.
(согласно его сыну Титу Куси, 1570 г.)**

Братья мои, друзья мои. Когда-то я вас собрал, как сегодня, чтобы вы познакомились с новыми людьми, прибывшими в наши края, бородачами, которые сейчас в этом городе. Так как они сказали мне, что они — *виракочи*, на которых они и походили своими одеждами, я приказал всем вам прислуживать им и уважать их, как меня самого, и выплатить им подать из того, что есть в ваших землях, полагая, что они — люди признательные, присланные сюда

тем, кто, по их словам, был «Тикки-Виракоча», то есть Богом-Создателем. Сейчас я осознаю, что все пошло не так, как я ожидал. Знайте же, братья мои, что эти люди, как они отчетливо показали с тех пор, как появились в моем королевстве, являются сыновьями не Виракочи, но дьявола, так как с тех пор, как они здесь, они действовали и действуют против меня, как оные, что вы и можете видеть собственными глазами. Если вы действительно меня любите, думаю, вы не можете не чувствовать огромную боль и печаль, глядя на меня, вашего короля, закованного в цепи, но явно не заслуживающего такого обращения, — и все это лишь потому, что я впустил в мое королевство подобных людей, за что должен был бы сам себе отрубить голову. Жизнью вашей заклинаю, если вы хотите видеть меня довольным, соберите в своем кругу как можно быстрее побольше серебра и золота, раз уж эти люди любят их так страстно, чтобы я мог избежать этого унижения и выйти из этой тюрьмы, в которой вы собственными глазами видите меня таким подавленным и удрученным.

Манко и несколько сотен инков нашли прибежище в горах Вилькабамбы, к северу от Куско, лесистом регионе с множеством отвесных крутых

склонов. Однако там находились несколько небольших поселений, таких как Вилькабамба, Виткос, Пампаконас и Рангалья. *Манко* располагал лишь несколькими тысячами воинов-горцев и не мог поднять против испанцев остальное население страны, заметно уставшее за годы войн и эпидемий. **В итоге в Вилькабамбе инки пытались организовать некое неподвластное чужестранцам пространство,** сочетая переговоры с колониальной властью с нападениями на испанцев, проезжающих по дороге, что соединяла Куско с Лимой. Но не вся инкская элита высказалась за новое восстание. **Некоторые предлагали принять условия новых хозяев страны,** дабы сохранить хоть толику богатств и власти. Для других же присутствие чужаков даже являлось возможностью занять позиции, о которых прежде они не могли и мечтать. Именно таков был случай *Паулью*, выбранного испанцами в качестве преемника его сводного брата *Манко*, тогда как претендовать на престол в обычных условиях *Паулью* не смог бы, так как мать его принадлежала к верхушке завоеванного племени, *уайлья*. Под властью испанцев *Паулью* изображал верховного правителя инков до своей смерти в 1549 году.

Колониальный порядок устанавливался постепенно. Сначала вооруженный конфликт разгорался между конкистадорами, затем — между испанцами и королевской властью, когда последняя пыталась

воспрепятствовать им воцариться на ее территориях на правах феодалов. Эти войны продолжались до 1551 года, и местное население, встающее то на одну сторону, то на другую, стало их главной жертвой. Надеясь сыграть на разногласиях между конкистадорами, *Манко* принял в Вилькабамбе тех испанцев, что восстали против присланного испанским королем губернатора. В конце 1544 года один из этих вероломно убил правителя инков. Сопrotивление возглавил сын *Манко*, *Сайри Тунак*. Рассчитывая на капитуляцию инков Вилькабамбы, испанские власти приступили к переговорам, которые завершились в 1558 году «выездом» *Сайри Тунака*, коeму было обещано богатое владение неподалеку от Куско. Но это соглашение оказалось выгодным лишь для Верховного Инки, так как *Сайри Тунак* обрел возможность обеспечить безбедное существование своим родным и потомкам, тогда как другие инки, остававшиеся в Вилькабамбе, не получали ровным счетом ничего. *Туту Куси*, который сменил *Сайри Тунака* во главе сопротивления Вилькабамбы, активизировал политическую и военную деятельность мятежных инков. После его смерти (1571 г.) власть переходит к другому сыну *Манко*, *Тунаку Амару*, но уже в следующем году вице-король Толедо направляет в Вилькабамбу отряд из 250 испанцев, которым оказывают поддержку сотни *каньяри* и *чачапойя*. Плененного *Тунака Амару* доставляют в Куско, где

вскоре казнят. Инкскому сопротивлению в Вилькабамбе приходит конец.

Те из инков, что пережили эти события и эпидемии, лишились большей части своего имущества, которое перешло в руки конкистадоров. В одном из писем королю Карлу V, датированном 1539 годом, епископ Куско сетовал на материальные нужды детей и внуков *Уайна Капака*: «Ваше величество должны распорядиться, чтобы им назначили пенсию, так как они выглядят такими потерянными, что на них больно смотреть». В последующие годы король пожаловал потомкам инкских правителей дворянский статус, что освободило их от уплат податей, тяжким бременем легших на плечи простых инков. **Так инкам удавалось еще почти триста лет существовать в качестве особой этнической и социальной группы.** Именно из их рядов выходили касики, под властью которых на протяжении всей колониальной эпохи живут сообщества региона Куско. Другие представители этой местной знати проживали в городе, где занимались различными ремеслами. Завоевание Америки европейцами повлекло за собой беспрецедентную демографическую катастрофу в истории человечества. Подсчитано, что в 1520 году численность инкского населения составляла от 12 до 15 миллионов человек. Веком позже инков было уже не более 600 000. Местное население, изолированное на протяже-

нии ста пятидесяти с лишним столетий от внешнего мира, оказалось бессильно против таких высокозаразных болезней, как корь, оспа, грипп, тиф, чума и холера, и эта иммунологическая уязвимость сопровождалась огромной экономической эксплуатацией, которой колониальная власть подвергала тех, кого называла «индейцами». Это демографическое падение продолжалось до начала XVIII века, когда началось медленное восстановление.

ОСНОВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

До инков

8000—3000 гг. до н.э.: окультуривание растений и приручение диких животных.

4000—1800 гг. до н.э.: докерамическая эпоха (создание первых церемониальных центров на центральном побережье).

Ок. 1800 г. до н.э.: сельское хозяйство становится главным экономическим ресурсом в центре Перу.

1800—500 гг. до н.э.: период становления (развитие ирригационного сельского хозяйства и увеличение числа монументальных церемониальных центров).

500—200 гг. до н.э.: ранний горизонт (рост межрегиональных товарообменов и культурный подъем поселения Чавин).

200 г. до н.э. — 500 г.: ранний промежуточный период (развитие региональных культур Мочика, Рекуай, Лима, Наска, Уарпа, Пукара, Чирипа и т.д.).

500—1000 гг.: средний горизонт (горные империи Уари и Тиауанако).

1000—1400 гг.: поздний промежуточный период (возрождение некоторых региональных государств, особенно на побережье).

Инкская империя (поздний горизонт: приблизительно 1400—1532 гг.).

Приблизительно первая половина XV в.: правление *Виракочи*.

Приблизительно середина и третья четверть XV в.: правление *Пачакути*.

Приблизительно последняя четверть XV в.: правление *Тупака Инки*.

Приблизительно первая четверть XVI в.: правление *Уайна Капака*.

Испанское завоевание

Январь 1532 г.: испанцы сходят на берег в Тумбесе.

16 ноября 1532 г.: испанцы захватывают в плен Атауальпу в Кахамарке.

26 июля 1533 г.: Атауальпа казнен испанцами в Кахамарке.

14 ноября 1533 г.: испанцы входят в Куско.

18 января 1535 г.: основание Лимы.

Конец апреля или начало мая 1536 г.: начало осады Куско войсками Манко Инки. Город в огне.

Август или сентябрь 1536 г.: штурм Лимы войсками *Манко Инки*.

1537 г.: конец осады Куско. Манко Инка отступает в Вилькабамбу. Его место на троне Куско занимает *Паулью*.

1544 или 1545 г.: убийство *Манко* неким испанцем, которому он предоставил убежище.

1545 г.: *Сайри Тунак* возглавляет сопротивление Вилькабамбы.

Май 1549 г.: смерть *Паулью*.

1558 г.: *Сайри Тунак* оставляет Вилькабамбу. Во главе инкского сопротивления встает *Титу Куси*.

1561 г.: смерть *Сайри Тунака*.

1571 или 1572 г.: смерть *Титу Куси*. Лидером инкского сопротивления в Вилькабамбе становится *Тунак Амару*.

24 августа 1572 г.: пленение *Тунака Амару* испанцами.

22 или 23 сентября 1572 г.: казнь Тунака Амару в Куско.

II

ИМПЕРИЯ

Покоренные инками народы в большинстве своем принадлежат к одной и той же цивилизации, географические контуры которой могут быть определены довольно четко. **Область, которую археологи называют «центральными Андами», включает в себя побережье, горы и амазонское предгорье современного Перу, высокогорья Боливии и крайний север Чили.** С запада она ограничена Тихим океаном, с востока — амазонским лесом. Ее северный рубеж совпадает с рекой Тумбес (вблизи современной границы между Перу и Эквадором), линией изменения режима дождей (экваториального на севере, тропического на юге) и понижением горной цепи. Эта экологическая граница дублируется барьером географическим: 400 километров лесистых тропических гор и пересеченная местность разделяют Кахамарку, что на севере Перу, с эквадорской Лохой. На побережье 200 километров пустыни разделяют долину Ламбайеке с долиной Пиуры (север Перу). У южных границ центральных Анд

верхние плато, которые продолжают бассейн озера Титикака к югу, плавно переходят в огромные соленные пространства, почти необитаемые, которые на тихоокеанском побережье утыкаются в обширную пустыню Атакама. Боливийская долина Кочабамбы, уже отделенная от верхнего плато тремястами километров гор, изолирована и от регионов, расположенных чуть восточнее, крайне негостеприимной боливийской горной цепью.

Эти границы не стали помехой для культурных, экономических и даже политических отношений. Товарообмен между Андами и, к примеру, Амазонией всегда был интенсивным, а в некоторых местах инки распространили свое господство и до верхней Амазонии. Эти рубежи определяют скорее территории с достаточно разнящимися географическими условиями, где можно развивать различные способы организации жизни. Испанцы очень быстро уловили эти географические и культурные совпадения. Они дали определенному нами чуть выше пространству имя «Перу» — по названию южноколумбийского или эквадорского участка побережья, с которым одна из экспедиций впервые ознакомилась в 1520-х годах, — отчетливо противопоставив его «провинциям Кито», соответствующим современному Эквадору (который является частью северных Анд), и «Чили», территории индейцев мапуче (которая является частью

Анд южных). Именно в этом смысле здесь и будет употребляться слово «Перу», из него исключаются лишь две амазонских трети современной республики Перу и, наоборот, к нему присоединяется высокогорья современной республики Боливия и север Чили. За исключением верхних южных плато, центральные Анды представляют собой раздробленную, неоднородную территорию. Прибрежные долины перемежаются с пустынями в несколько десятков километров длиной. Андские долины зачастую очень узкие, даже крошечные, и, опять же, изолированы одни от других крутыми склонами или практически непреодолимыми цепями гор.

РЕГИОНЫ ПРОИЗВОДСТВА

В центральных Андах путешественник, перемещаясь от океана к амазонскому лесу, может обнаружить на пространстве в 200 км огромное множество экосистем. **Подобное разнообразие и близость различных жилищ и поселений не встречается больше ни в одном уголке мира и детерминировано крайне самобытными формами экономической и социальной организации.** Перуанцы различали (и продолжают различать) три основных типа сфер и регионов производства, которые распределяются по вертикальной оси. На языке кечуа термин *юнка* называют жаркие влажные земли, которые

простираются от одной части Анд до другой между 1500 и 2800 м (в зависимости от места) над уровнем моря. Умеренные горные долины, которые в некоторых регионах поднимаются до 3500 м – верхний предел разведения маиса, – получили имя *кечуа*. Высокогорные безлесные саванны, расположенные на высоте от 3000 или 3500 м до 4800 или 5200 м, называются *пуна*. Заморозки здесь делают бесполезным всяческое орошение. На высоте порядка 5000 м пуна сменяется скалистыми образованиями, над которыми высятся заснеженные вершины и ледники и вся растительность которых ограничивается лишайниками и мхом. Высота нескольких десятков горных вершин превосходит 6000 м.

Между песками Атакамы и Пиуры побережье Южной Америки представляет собой пустынную полосу, где, за исключением легкой зимней изморози, никогда не идут дожди. Спускающиеся с Анд реки образуют там долины-оазисы, разделенные расстояниями в 20–60 км. Очень узкие на юге, более широкие, но короткие в центре, эти долины широки и глубоки на севере, где они дали пристанище некоторым наиболее сложным и блестящим обществам древнего Перу. За долгие тысячелетия обитатели побережья развили гигантскую сеть ирригационных каналов, что позволяло им разводить маис, хлопок, обычную и бутылочную тыкву. Выше 300 м, где наиболее жарко, разводили коку (которая

является возбуждающим средством и притупляет чувство голода), стручковый перец и фруктовые деревья: аннону, авокадо, гуаву и паку. Чрезвычайно богатые планктоном, омывающие побережье холодные воды поражают многообразием морской фауны, благодаря чему в тех местах обитают огромные стаи промышленяющих рыбной ловлей птиц, помет которых (гуано) еще с древних времен используется в качестве удобрения. Восточные предгорья Анд были заселены не столь густо, как побережье и высокогорья, но представляли большой экономический интерес для горцев, которые устраивали там поселения, разводя коку, хлопок, тыкву, перец, арахис и авокадо. Из этих растений они экстрагировали смолу и благовония, а также использовали их в качестве лекарственных средств.

Наибольшая концентрация горного населения наблюдалась в умеренной зоне, *кечуа*, между 2500 и 3500 м, где туземцы культивировали маис, фасоль, киноа, а также корнеплоды и таруи (семейство бобовых). Благодаря ирригации эти земледельцы давным-давно научились удлинять сельскохозяйственный сезон и сглаживать неудобства, вызванные переменчивостью погоды. При инках были построены тысячи километров каналов, которые добавились к тем, что были возведены предыдущими государствами. Они повсеместно увеличили число орошаемых террас, так как умеренная зона

располагается главным образом на склонах и не может должным образом эксплуатироваться без значительных работ по благоустройству территории.

Пуны — это покрытые всевозможными злаками и кактусами степи, которые занимают большую часть территории центральных Анд. Там обитают представители семейства оленевых (*луйчу* и *тафука*), грызуны, семейства шиншилловых (*вискача*), дикие верблюды (викуньи) и хищники (например, лисицы или пумы). На многочисленных озерах можно встретить самых разнообразных птиц. Для людей *пуна* является приоритетной зоной экстенсивного разведения лам и альпак. В нижней части *пуны*, во впадинах, защищенных от ночных заморозков, между 3500 и 4000 м, выращивают корнеплоды: картофель (*пана*; известно 470 его разновидностей), оку, олюко, машуа, анью, маку, а также зерновые — каньиву и киноа. От Кахамарки до Куско *пуна* представляет собой одну большую волнистую степь. На юге она образует вокруг бассейнов озер широкие плато, которые простираются вплоть до боливийской провинции Липес. Эти верхние плато определяют в недрах центральных Анд специфичное пространство, центром которого и являются, — испанцы называли его «Чаркас», затем «Верхнее Перу». В сердце этого пространства расположено озеро Титикака (самый высокий судоходный водоем в мире), у берегов которого

находятся самые плодородные земли верхнего плато, — умеренный климат этих мест благоприятствует земледелию. «Доиспанские» обитатели верхних плато расширили сельскохозяйственные площади благодаря технологии «затопляемых полей», которая создает вокруг борозд тепловую защиту. Эта технология, способствовавшая развитию Тиауанако, канула в Лету вскоре после Испанского завоевания. В той части Перу, что расположена к северо-западу от линии водораздела между бассейном озера Титикака и регионом Куско, *пуна* представляет собой скорее периферийное пространство, гораздо менее значимое с точки зрения демографии и политики. Но относительно слабое заселение этой волнистой *пуны* ничуть не принижает ее экономическую важность для населения, проживавшего в нижних ее районах: в этих степях обитает множество животных, которые в Андах являются одним из основных источников богатства.

Погода в центральных Андах почти не меняется, и времена года определяются не «теплыми» и «холодными» месяцами, но выпадением осадков. **Здесь есть сезон дождей, от октября до апреля, и сухой сезон, от мая до сентября.** На восточном склоне дожди не редкость, тогда как на западном они проходят нечасто.

Северные Анды («провинции Кито») в географическом плане от Анд центральных отличаются

довольно-таки сильно. Побережье там покрыто мангровыми и тропическими лесами, которые инки сочли негостеприимными и, в сущности, даже не пытались интегрировать в свою империю. Влажные прерии, которые простираются выше 3500 м, хотя и благоприятствуют разведению лам и альпак, эксплуатировались лишь тогда, когда инки приводили туда свои стада. Горные долины (пейзаж которых во многом схож с ландшафтом перуанской кечуа) с давних времен густо населены земледельцами, чем, судя по всему, и объясняется тот величайший интерес, который проявили к ним инки. Никакой другой регион, однако, не оказал им столь ожесточенного сопротивления, вероятно, потому, что северные андские общины, развивавшиеся в несколько иной среде, нежели их перуанские соседи, сильно отличались от последних с социально-экономической и культурной точки зрения, чтобы легко согласиться на вступление в те политические и идеологические структуры, которые хотели навязать им инки.

ИМПЕРИЯ «ЧЕТЫРЕХ СТОРОН СВЕТА»

На момент Испанского завоевания Инкская империя насчитывала от 10 до 12 миллионов жителей и представляла самую густонаселенную горную

цепь в мире. Инки называли свое государство *Тауантинсуйу*, что на языке кечуа буквально означает «четыре объединенные полосы» и что иногда переводят как «четыре стороны света». *Тауантинсуйу* действительно было разделено на четыре части, каждая из которых простиралась от одной до другой из четырех основных дорог, что отходили от столицы. Ввиду отсутствия двухмерных карт, инки представляли себе контролируемые ими территории как пространство между дорогами, вдоль которых находились возведенные ими административные центры и постоянные дворы. Каждая из четвертей империи, таким образом, инкам казалась «полосой», определенной одной из этих дорог. Существовали текстильные «карты» в форме кипу, где каждая дорога была обозначена веревочкой, на которой узелками отмечались провинции, города или постоянные дворы. Название *Тауантинсуйу* указывает также на то, что, через свое господство, инки намеревались обеспечить общность территории, которая представлялась им в виде этнической и лингвистической мозаики, помещенной в некое географически раздробленное пространство. Обряды и легенды инков свидетельствуют о том, что в Куско они видели как раз таки священный центр этого воссоединившегося мира.

Каждая из четырех частей, составлявших Империю, была известна под именем одной из эт-

нических групп, которая в ней обитала и которая метонимически обозначала другие группы. К северо-западу от Куско простиралась *Чинчасуйу*, или «полоса чинча», по названию богатого прибрежного государства, с которым инков связывали многовековые связи. К юго-западу тянулась *Кунтисуйу*, или «полоса конти», важной группы, поселившейся в этой части приморского склона гор. К югу уходила *Кольясуйу*, или «полоса колья», народа, который занимал северную часть бассейна озера Титикака и долгое время являлся главным соперником инков. К востоку разворачивалась *Антисуйу*, где, помимо прочих, жили *анти*, которых испанцы также называли «анды». Они занимали покрытый тропической растительностью горный массив, находившийся к северо-востоку от Куско и именуемый испанцами «Горной системой андов». Сам термин «Анды» начал употребляться в отношении этой горной системы гораздо позже.

КУСКО

Расположенный на высоте 3450 метров, в долине реки Уатанай, Куско **не выглядел четко структурированным городом**. Столица была относительно мелким центром, разместившимся у подножия холма, поселением, в котором были

сконцентрированы элитные строения и окрестности которого расстились по отрогам долины.

Действительно, чтобы максимально расширить площадь пригодных для обработки земель, инки возводили в глубине долины лишь террасы, дороги и каналы. Строения Куско были «зажаты» между двумя реками-каналами, *Уатанай* и *Тульюмайу*.

Центр Куско

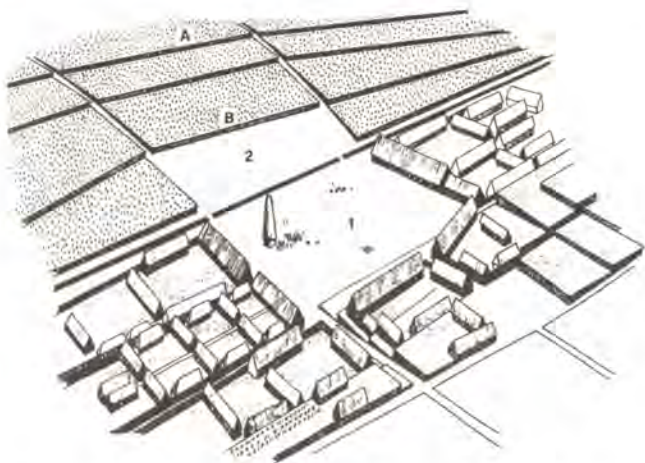
«Канча» в Ольянтайтамбо

Принято считать, что в Куско проживало от 15 000 до 20 000 человек, главным образом представителей элиты и их слуг. Здесь же находились дворцы умерших Инков. В них хранились мумии правителей и их потомков, а также, как и в храмах, множество золотых и серебряных предметов в виде посуды, статуй и пластин, украшавших стены и крыши. Для инков эти металлы не имели денежной ценности, а их использование являлось уделом лишь знати. Крайняя степень аккумуляции их в столице, вероятно, должна была подчеркнуть священный характер этого места. Куско, таким образом, был прежде всего религиозным городом и своего рода музеем памяти об инкских правителях. Боги и умершие почти беспрестанно и в огромных количествах получали там подношения, потребляя довольно-таки значительную часть ренты правящего Инки. Хуан Поло де Ондегардо, испанский чиновник, который тщательно изучал инков

в 1550-е годы, описывал столицу так: «Куско был домом и жилищем богов, и в городе невозможно было найти ни одного фонтана, прохода или стены, о которых бы не говорили, что у них есть своя тайна». Стоило путешественникам открыть для себя этот город, перейдя через перевал, как они уже не жалели для него молитв и подношений.

Базовым элементом инкского градостроительства являлась совокупность прямоугольных в плане, однокомнатных и одноуровневых, строений, расположенных вокруг какого-либо двора. Такую постройку называли *канча* («огороженное место»), так как обычно она была окружена высокой стеной

*Предположительная перспектива площадей
Аукайпата (1) и Кусипата (2) в Куско.*

*А – Современное расположение церкви св. Франциска;
В – Современное расположение дома Гарсиласо де ла Веги*

с одной или двумя входными дверьми, что гарантировало обособленность проходившей за этой «оградой» жизни.

Такая структура была характерна как для обычных жилищ, так и для дворцов и храмов, в которых «проживали» боги. Улицы Куско представляли собой узкие проходы между высокими стенами, заключавшими в себе эти жилые или религиозные комплексы. С одной из сторон города находилась огромная, 190×165 м, площадь. Она была известна под названием *Аукайпата* («площадь отдыха»), так как служила для проведения крупных обрядовых пиршеств. Ограниченная с одной из сторон рекой Уатанай, она тянулась вдоль этой реки, плавно переходя в другую, почти столь обширную площадь, которая называлась *Кусипата* («площадь увеселений»), — на ней проходили военные парады.

Куско выглядел относительно однообразным: большинство домов, храмов и дворцов были одноэтажными, и все без исключения имели соломенную кровлю; никакое сооружение, вроде мексиканских пирамид, не выделялось среди этих однородных строений. Городской рисунок во многом был продиктован топографией: здания центра располагались на высоком отроге, разделявшем реки *Тулумайу* и *Уатанай*, тогда как прочие постройки громоздились друг над другом на склоне холма.

Над всем этим скоплением зданий высилась огромная крепость и храм Саксайуаман, построенная на возвышенности в северной части города. Сегодня от нее остались лишь самые большие камни, те, которые испанцам не удалось переместить при строительстве колониального города.

Город Куско в описании Педро Санчо (1534 г.)

Этот город — величайший и прекраснейший из всех, когда-либо виденных в этой стране или где-либо в Вест-Индии. Он настолько красив, а здания его настолько прекрасны, что он был бы великолепен даже в Испании. Он весь состоит из жилищ, принадлежащих сеньорам, так как простые люди в нем не живут. [...] Большая часть зданий построена из камня, а у остальных из камня сделана половина фасада. Есть также много домов из саманного кирпича, очень умело построенных. Они располагаются вдоль прямых улиц по крестообразному плану. Все улицы — мощеные, а по середине каждой улицы проходит облицованный камнем канал для воды. Единственный недостаток этих улиц в том, что они узкие: только один человек может проехать верхом по каждой стороне канала. [...] Площадь, квадратная по форме, находится в наиболее рав-

нинной части и полностью покрыта мелким гравием. Вокруг высятся четыре господских дома, из тесаного камня и раскрашенные. Самым красивым из четырех является жилище Гуайнакабы [=Уайна Капак], старого касика. В него ведет вход из красного, белого и разноцветного мрамора, и он украшен другими двугранными конструкциями, великолепными на вид [...] На вершине круглого и очень крутого холма, нависающего над городом, стоит невероятно красивая крепость из камня и самана. Ее большие окна выходят на город, что делает ее еще более прекрасной. За крепостной стеной находятся многочисленные здания, а посреди них — главная башня цилиндрической формы, в четыре или пять этажей. [...] Камни [башни] такие гладкие, что могут сойти за полированные доски. [...] В крепости столько помещений и башен, что одному человеку никак не осмотреть их за день. Многие испанцы, бывавшие в Ломбардии и в других чужеземных королевствах, утверждают, посетив ее, что никогда не видели ни подобного здания, ни столь же хорошо укрепленного замка. [...] Самое прекрасное, что можно увидеть в этом городе, — это его крепостная стена. Она сложена из камней столь огромных, что ни за что не поверишь, что их поставили

на места обычные люди. Они такие крупные, что кажутся кусками скалистых гор.

Долина реки Уатанай отличалась очень плотной застройкой. Рядом, в предгорьях инки возвели террасы, ирригационные каналы, комплексы хлебных амбаров и новых деревень, где они размещали крестьян, прибывавших из различных провинций империи. Здесь же находились и загородные дома представителей местной аристократии, а также храмы. **Общее количество жителей столицы и ее предместий могло достигать 100 000 человек.**

«Куско» (*Куску*) — термин из языка аймара, означающий «сова». Согласно инкскому мифу об основании этого города, *Манко Капак*, прибыв в окрестности будущего Куско, приказал одному из

Стены Саксайуамана (согласно Джорджу Сквайру, 1877 г.)

своих братьев, *Айару Ауке*, взлететь на каменный столб, расположенный неподалеку от того места, на котором однажды возникнет Золотой Храм (*Кориканча*), и закрепиться там, дабы обозначить свое владение этой территорией. *Айар Аука* так и сделал, превратившись в указанном месте в камень. Этот монолит известен с тех пор под именем *Куску Уанка*, «Скала Совы», вероятно, потому, что *Айар Аука* превратился именно в эту птицу, чтобы долететь до сего межевого камня. Он-то и дал свое имя этому поселению, постепенно разросшемуся вокруг него и ставшему называться просто *Куско*.

ОБЛАСТЬ МЕТРОПОЛИИ

Выше долины реки Уатанай, в радиусе примерно 70 км, простиралась собственно территория инков, та, на которой они основали протогосударство за несколько веков до образования *Тауантинсуйу*. Защищенная каньоном реки Апуримак, через которую можно было переправиться лишь по подвесным мостам, и граничащая с амазонским лесом, эта территория была почти неприступной, за исключением разве что долины реки Вильканота — владений племен *кана* и *канчи*, союзников инков.

Все правители, начиная с *Виракочи* и заканчивая *Уаскаром*, возводили себе загородные резиденции именно в этом регионе, вместе со своим

Двором проживали в течение сухого и холодного сезона. Излюбленной территорией для строительства этих загородных дворцов была долина реки Вильканота, между Писаком и Мачу-Пикчу, находившаяся неподалеку от столицы, но обладавшая гораздо более мягким климатом. Все резиденции были оснащены усовершенствованными гидравлическими конструкциями: резные фонтаны изливали воду каскадами посредством каналов, а также искусственных озер, в которых, под звуки журчащей воды, отражались строения. Повсюду вокруг простирались леса, парки и охотничьи заповедники. В регионе Куско имелось по меньшей мере 18 таких владений. Одним из наиболее утонченных являлся дворец *Киспигуанка*, построенный *Уайна Капаком* неподалеку от современного городка Урубамба, на высоте 2800 метров. С точки зрения географического положения одним из наиболее впечатляющих выглядит принадлежавший *Инке Виракоче* дворец *Какиа-Шакшагуана* (современный *Учуй-Куску*) — расположенный на выступе на высоте 3650 метров, он на 600 м возвышается над долиной Вильканоты. **Но самая знаменитая резиденция правителей — это, конечно же, Мачу-Пикчу**, находящаяся в трех-четыре днях пути от Куско. Построенный *Пачакути*, дворец Мачу-Пикчу, с его 200 строений, мог послужить комфортным прибежищем для 750 человек одновременно. Еду

и напитки в него доставляли из столицы, так как Мачу-Пикчу почти не располагает сельскохозяйственными террасами и по соседству нет ни одного крестьянского двора, как, впрочем, и складских помещений. Не было обнаружено в нем и земледельческих орудий. Воины и управляющие, вероятно, размещались лагерем вокруг поселения. В резиденции Инки имеются термы и сад, как и в других местах, например в Кахамарке. Но главная деятельность Двора разворачивается внутри, на площади, которая занимает примерно треть всей площади поселения (если не считать террасы). **Мачу-Пикчу, вероятно, главным образом был призван укреплять социальные связи между инками посредством пиршеств и религиозных церемоний во время сухого сезона.** *Пачакути* знал, что соперничества и конфликты — отнюдь не редкость в недрах элиты, и, по всей видимости, хотел создать приятную и гармоничную обстановку, в которой можно было бы поклоняться богам и наслаждаться жизнью в обществе представителей самых могущественных семейств Куско.

ЦЕНТРЫ ПРОВИНЦИЙ

Инки создали около 80 административных и церемониальных центров на новых местах, призванных служить центрами провинций. Большинство

Церемониальная платформа (усну) в Пумпу (Чинчасуйу)

из них были расположены в четырех или пяти днях пути друг от друга. В этих центрах всегда есть очень большая площадь, прямоугольная или трапециевидная, где население провинции периодически пировало на средства Инки, в благодарность за работу на благо правителя. В таких случаях религиозные церемонии позволяли обновлять соглашение, заключенное между Инкой и его подданными. Обряды подношений богам проводились на возвышенной платформе (усну), чтобы в них мог участвовать весь собравшийся на площади народ.

Таким образом, инкские поселения были не просто настоящими городами, или даже административными центрами, но «центрами благосостояния». В них отсутствовал рынок, и на протяжении большей части года обитаемыми были лишь некоторые из их строений. К тому же после Испанского завоевания эти «искусственные» города были поспешно оставлены. Так, постоянное население Атун-Шауши, одного из наиболее крупных центров, составляло всего порядка 7000 человек.

Но когда город заполнялся людьми для совершения обрядов, которые превозносили имперское единодушие, его численность возрастала многократно. Конкистадор Мигель де Эстете, который в 1532 году видел это поселение в подобных обстоятельствах, решил даже, что оказался в одном из крупнейших городов на всем континенте. Эрнандо Писарро, побывавший там в 1533 году, утверждает, вероятно, несколько преувеличивая, что видел там 100 000 «служивых индейцев», которые пировали и танцевали. В этих городах имелась, как правило, и резиденция правителя, где Инка останавливался проездом, а также храм Солнца и «дом избранных женщин» (*акльяуаси*), в котором постоянно проживали и работали женщины, посвятившие себя культу Солнца и приготовлению маисового пива и церемониальных одежд.

Из всех этих центров провинций лучше всего, вероятно, сохранился город Уануко. В центре этого поселения, расположенного на высоте 3700 м, на дороге, что соединяет Куско и Кито, находилась огромная площадь (520 x 360 м), способная вместить очень большое количество людей. Посреди нее высилась платформа, служившая сценой для обрядов подношения, столь грандиозная, что ее мог видеть каждый. В случае дождя гуляки укрывались в окружавших площадь больших строениях продолговатой формы и продолжали пировать

План Уануко (Чинчасуйу)

уже там. От площади исходили несколько улиц, деливших город на сегменты, которые простирались на 2 квадратных километра и включали в себя при-

Административный центр: Ума-Порко (Кольясуйу)

мерно 4000 построек в типично инкском архитектурном стиле. На ближайшем холме размещались около 700 хлебных амбаров, которые служили для снабжения армий и временных жильцов.

Подобные центры чаще всего встречаются в высокогорьях и в срединной части *Тауантинсуйу*. На побережье инки возвели лишь два поселения: Инкауаси, в долине Каньете, и Тамбо-Колорадо, в долине Писко. Ни одного инкского города не существовало на территории древней Империи чиму, за исключением разве что Тумбеса, от которого уже ничего не осталось. В *Кольясуйу* инки построили гораздо меньше административных центров, чем в высокогорьях *Чинчасуйу*, предпочитая занимать древние поселения, вроде Атун-Кольи или Чукуито. На крайнем юге Империи, в регионах, принадлежащих сегодня Аргентине и Чили, где плотность населения была несколько меньшей, а единственными полезными ископае-

мыми являлись минералы — в частности, чилийский обсидиан, — инки приказывали возводить лишь постоянные дворы.

ДОРОГИ, ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ, ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ

Самым впечатляющим материальным достижением инков, вероятно, является их дорожная сеть. В 1532 году Мигель де Эстете, участвовавший в экспедиции Писарро, замечал относительно ее главного участка, того, что соединял Куско с Томебамбой: «Это одно из величайших сооружений, которые видел мир». Менее чем за сто лет инки построили 40 000 км дорог, по большей части мощенных щебнем. Это самая значительная дорожная сеть из существовавших до промышленной эры. Ввиду отсутствия тягловых животных, а стало быть и телег, по этим путям перемещались лишь пешеходы да караваны лам, и лишь оборудованные системой дренажа мощенные щебнем дороги могли обеспечить ровное и постоянное движение по крутым горным склонам, ежегодно разрушаемым проливными дождями. К тому же в Центральных Андах заселенные районы отделены друг от друга практически необитаемыми зонами, представляющими значительные препятствия для движения: пустынями, горными цепями, крутыми склонами,

*Мост через реку Апуримак
(согласно Джорджу Сквайфу, 1877 г.).
Сквайф был одним из последних, кому довелось увидеть
этот инкский мост (45 м в длину), поддерживаемый
до того времени в порядке окрестными общинами*

лесистыми зонами. В общем, государство не могло функционировать без инфраструктуры, которая бы сделала возможным относительно легкое и быстрое перемещение армий, представителей власти, рабочей силы и товаров. В этом плане инкские дороги не только служат общественным целям, но и помогают государству держать под контролем свои территории, свободно перебрасывая в любое место войска и своих представителей. Эта дорожная сеть, называемая *капак ньян*, «Великая дорога», являлась наиболее осязаемым и повсеместным выражением власти Инков. Главный ее участок был главной артерией империи и в некоторых местах достигал более шестнадцати метров в ширину. В основном же ширина инкских дорожных путей колебалась от одного до четырех метров, притом что, в зависимости от рельефа, они могли трансформироваться в вереницу ступеней. Особую значимость имели и два других участка: тот, что соединял Куско с южными провинциями, и тот, что шел вдоль побережья. Поперечные дороги соединяли эти продольные оси или уже уходили к восточным предгорьям. В прибрежной пустыне, где любые возможные пути были покрыты песком, дороги были отмечены палками, вбитыми в землю через регулярные интервалы.

Переправа через реки и каньоны осуществлялась по мостам различного типа. Империя на-

считывала более сотни **мостов из переплетенных волокон**, технология производства которых была весьма сложной. Сделанные из лиан и досок, закрепленные на каменных выступах, они обеспечивали относительно легкий переход для скота и армий.

Там, где движение было менее интенсивным, через реку перебирались в подвешенном к канату подъемнике. В теснинах переходы осуществлялись по каменным или деревянным мостам.

Вдоль инкских дорог, через каждые 15–25 км (что равнялось дню пути для каравана лам) стояли *тампу*, своего рода постоянные дворы. Путники находили там кров и еду, а также загоны и фураж для скота. По всей империи таких *тампу*, по разным подсчетам, было от 1000 до 2000. Их размеры, план и архитектура сильно различались в зависимости от их значимости и дополнительных функций, которые они могли выполнять. Некоторые служили административными центрами в тех регионах, где не существовало провинциальных центров, как это часто случалось у южных границ империи, например, в Катарпе, в оазисе Сан-Педро-де-Атакама (на севере современного Чили).

У большинства дорог, через каждый 1–8 км — в зависимости от рельефа — проживал с семьей специальный гонец, *часки*, «передающий из рук

в руки». В его задачу входило доставлять по назначению (как правило — бегом) послания или небольшие предметы, которые ему приносил *часки*, располагавшийся на предыдущей почтовой станции. Таким образом то или иное послание доходило из Лимы до Куско всего за три дня, хотя разделяют эти города 750 км. Адресат и место назначения указывались устно, но само послание сохранилось в кипу.

III

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

По сути, в инкскую эпоху андское общество состояло всего из двух классов: простых людей, которые выполняли всю тяжелую работу и платили дань, и знати, которая всем этим пользовалась. К последней относились традиционные элиты покоренных народов и сами инки, образовавшие тот подкласс, который в действительности и руководил Империей. Различия между этими двумя классами в принципе были выражены очень ярко, настолько, что знать отстаивала свое право на иное, нежели у простолюдинов, происхождение. Инки, к примеру, провозглашали себя потомками Солнца, а касиков считали потомками утренней звезды. Те из касиков, что стояли во главе всего одного рода, были, вероятно, по своему образу жизни и даже по статусу ближе к простым людям, чем к инкской аристократии. С другой стороны, за народами региона Куско, давнишними союзниками

инков, был признан статус «инков внешнего мира» (*ауа инка*), вследствие чего они пользовались привилегиями, коих не было у покоренных племен. Большую часть низшего административного персонала Инки набирали среди своих соплеменников. С точки зрения политического устройства, *Тауантинсуйу* представлял собой пусть и не однородный и цельный аппарат власти, но гибкую административную структуру, приспособленную к самым различным местным ситуациям. Молниеносная экспансия империи породила персональные альянсы между правящим Инкой и местными вождями — и на них и держалась. Эти личные отношения поддерживались за счет обмена подарками, публичных празднований и установления родственных связей. Как следствие, Инка правит по большей части со стороны, через элиты покоренных народов, ввиду чего Тауантинсуйу, вероятно, являлось одной из наименее бюрократических империй прошлого.

АЙЛЮ, БАЗОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА

В древнем Перу человек прежде всего определялся по его принадлежности к тому или иному

роду, *айлью*. *Айлью* состоял из всего множества потомков предка-родоначальника, мумифицированное тело которого тщательно хранили, а память регулярно почитали. Этот прародитель, как считалось, получил в пользование некий надел земли, как правило, благодаря военным подвигам. Он оставался его собственником и после своей смерти, но передавал право пользования землей потомкам. Вступив во владение этой территорией, последние больше не зависели от того рода, в котором родился их предок, больше к этому роду не принадлежали, но создавали собственный *айлью*. Величина рода различалась; самые крупные могли включать в себя сотни крестьянских подворий. Термин *айлью* обозначал в первую очередь оружие — лассо с шарами, состоявшее из веревок, к концам которых были привязаны камни. Брошенное издали, *айлью* спутывало ноги врага, и, упавшего, его добивали ударами палиц. Таким образом, через эту метафору род определялся как некое боевое сообщество. Инки и сами объединялись в *айлью*, рода, каждый из которых происходил от основателя того или иного земельного надела. Все эти исторические предки-родоначальники, коими были инкские правители, в свою очередь, происходили от пары общих для всех жителей Куско предков, *Манко Капака* и *Мамы Окльо*.

Каждый род имел определенную экономическую специализацию. В сьерре одни айлью эксплуатировали область пуны, тогда как другие занимались ирригационным земледелием в долинах. На побережье существовали не только айлью земледельцев и рыбаков, но и рода гончаров, ткачей, производителей сандалий, торговцев и т.д. Вследствие такого разделения труда айлью не был автономной единицей, но, по сути, жил в тесном единении с другими айлью, дополнявшими его экономически. В андских провинциях Касатампу и Уайлья, к примеру, эта экономическая специализация выражалась в виде классификации родов по двум категориям: айлью земледельцев умеренных долин назывались *уафи*, по имени их покровительствующего божества, тогда как айлью животноводов и тех, кто выращивал корнеплоды, были известны как *лякуас* (этот термин обозначает сок пуйя Раймонда (кункуса), дикого растения, растущего на высоте более 4000 м). Если *уафи*, по общему мнению, были первыми, кто обосновался на этой территории (их предки когда-то жили в пещерах, расположенных по ее периметру), то *лякуас* считались чужаками, которые после долгих странствований получили приют у туземцев либо обосновались в верхней части их территории на правах покоренного теми народа.

НАРОДЫ И ПРОВИНЦИИ

Эти сообщества взаимодополняющих родов составляли *льякта*, термин, который испанцы, в данном контексте, перевели как «народ» или «провинция». Несколько *льякта* могли, в свою очередь, объединяться в более крупную единицу, обозначаемую тем же термином и признававшую централизованную власть. В инкскую эпоху вождь большого «народа» лупака, к примеру, правил семью малыми «народами», каждый из которых состоял из нескольких айлью. Когда эти крупные сообщества существовали, как это, к примеру, было в случае «народов» Кахамарки, Уамачуко и Кольи, инки, которые правили, опираясь на местные элиты, сделали их провинциями своей империи. В более раздробленных, в политическом плане, регионах они объединяли в одну-единственную административную общность прежде автономные группы, как это, к примеру, произошло в долине реки Санта, где они создали провинцию *Уайлья*. На северном побережье, напротив, инки разбили на части, в административном отношении, то, что прежде было Империей чиму, — из-за опасности, которую представляла поддержка прежних порядков в регионе, где долгое время эта империя была единственным крупным государством. Восточные границы территории племени чиму были подведе-

ны к среднему течению рек, что позволило горцам взять под свой контроль каналы, орошающие побережье. Последний вождь чиму, Минчансаман, как и его потомки, был вынужден перебраться на постоянное жительство в Куско, откуда и правил. Наиболее густонаселенными считались провинции Лимы, племен чинча, уанка и лупака, которые насчитывали от 20 000 до 30 000 подворий каждая, причем численность племени лупака составляла 100 000 человек, а уанка — около 200 000. О численности «небольших народов», входивших в каждую провинцию, мы знаем значительно меньше. Исходя из данных археологических исследований, можно предположить, что народность асто (инкская провинция Ангараес) насчитывала порядка 15 000 человек. В каждой деревне племени асто, которая, вероятно, соответствовала одному *айлью*, проживало от 500 до 5000 индейцев. Различные роды, составляющие *лякта*, символически делились на две части: нижнюю (*урин*) и верхнюю (*анан*). Между этими частями существовало соперничество, которое инки умело использовали как в военных, так и в производственных целях.

КАСИКИ

В *айлью* один человек, касик или *курака* (первое значение этого термина — «старший»), представ-

ляющий предка-родоначальника, стоит во главе всего рода. Согласно каким принципам назначался тот или иной *курака* в доимперскую эпоху, в точности не известно — похоже, это зависело от места проживания. Иногда касик принадлежал к тому из семейств, которое пользовалось особыми привилегиями внутри своего рода. Случалось и так, что он избирался членами *айлью* в соответствии с некой неизвестной нам системой. В эпоху инкской администрации выборная должность касика стала наследственной, вследствие того, что Верховный Инка присвоил себе право назначения *кураки*. Одна из основных функций *кураки* того или иного *айлью* заключалась в том, чтобы следить за распределением обязанностей и организацией работы среди своих сородичей. Он носил титул *камачикук*, «тот, кто наделяет каждого обязанностями». Во главе любой *лякты* стоял *курака* высшего ранга, главный касик (*ану курака*), одной из функций которого являлось исполнение правосудия. В тех провинциях, где этой централизованной власти не было вовсе или ее эффективность была недостаточно высокой, Инки ее создавали, выказывая свою благосклонность какому-то одному семейству. **Как правило, инкская администрация подтверждала обязанности местных властей и даже укрепляла их авторитет и богатство.** Касики высшего ранга, те, что руководили «народами» или

«провинциями», составляли своего рода знать, более или менее подобную по статусу Инкам, тогда как касики *камачикук* располагались практически на одном социальном уровне с общинниками (*руна*). В экономически развитых регионах разница между представителями знати и общинниками была более заметна.

Касики, особенно высокого ранга, распоряжались основной рабочей силой. Будучи представителем основателя рода, *курака* практически являлся собственником той или иной территории. Он наделял других членов *айлью* правом пользования имуществом. В обмен на это его подопечные поочередно возделывали его земли или работали у него на дому. С другой стороны, представители местной знати, как и Инки, были вправе иметь сразу нескольких жен. Чем больше у *кураки* их было, тем на большие щедрости он мог сподобиться, приглашая вассалов к себе домой — покушать и особенно выпить маисового пива. Делая их своими должниками, он узаконивал и укреплял свою власть. Этим многочисленных жен касики получали во многом благодаря Инке. Во время одной из церемоний в Кахамарке *Тупак Инка* преподнес в дар местному касику сразу сто жен. Вследствие того, что полигамия касиков являлась одной из основ их богатства и власти, Церкви и колониальным администрациям пришлось приложить большие усилия, чтобы ее

упразднить. Даже в 1567 году один из касиков Ламбайеке, помимо первой супруги, имел и 27 «младших», или «второстепенных», жен. В 1571 году у одного из касиков провинции Сорас их было 12.

ИНКСКАЯ ЭЛИТА

Истинный господствующий класс империи состоял из представителей тех родов, которые происходили от инкских правителей и располагали в Куско дворцами, расположенными между реками Уатанай и Тульюмайу. Их также называли *куску*, то есть «жители Куско, кусканцы». Во времена *Уаскара* таких *айлью* было двенадцать. Эта элита и сама была стратифицирована. После Инки и его старшей жены на вершине социально-экономической иерархии в Куско стояли *ауки*, «принцы», и *койя*, «принцессы», то есть дети, внуки и правнуки того или иного правителя, которые совместно пользовались владениями, доставшимися им от основателя их *айлью*. Если какому-то *ауки* третьего поколения не удавалось прийти к власти и в свою очередь стать Инкой, наследство предка-родоначальника делилось на столь незначительные части, что сыновья и дочери этого *ауки* считались уже обычными представителями инкской знати: *инка* и *нюста* («инфанта»). В следующем колене, то есть в пятом после предка-родоначальника,

женщины, возможно, получавшие меньшую часть наследства, нежели мужчины, опускались еще на одну категорию и становились *палья* («госпожа»). Такая система заключала в себе как преимущества, так и неудобства. С одной стороны, она побуждала молодых людей проявлять себя на войне — то был главный способ достижения политической власти, — способствуя тем самым динамике имперской экспансии. Но она также порождала соперничество и конфликты, приводя к династическим кризисам после кончины каждого правителя. Без одного из подобных кризисов, быть может, не состоялось бы и испанское вторжение.

Инкские женщины занимали почетное положение в обществе, возможно, по причине небольшого количества войн — если не брать в расчет короткий период инкских завоеваний — и отсутствия агрессивной торговой деятельности. За некоторыми представительницами знати был закреплён наставник, от которого они получали то же формальное образование, что и мужчины. Имелись у них и собственные слуги или *яна*, некоторые из которых могли занимать высокие политические должности. Так, *Туаличуску*, касик Лимы на момент Испанского завоевания, был одним из личных слуг жены Уайна Капака. Старшая и младшие жены Инки, по-видимому, играли центральную роль в интригах, имевших целью возвести на «престол»

сына одной или другой. К примеру, Мама Окльо, мать Уайна Капака, можно сказать, единолично привела сына к власти. Некоторые женщины напрямую занимали политические посты, как, например, *Кунтаруачу*, дочь влиятельного касика из провинции Уайлья и младшая жена Уайна Капака, унаследовавшая должность касика от отца. Она заключила выгодный стратегический союз с испанцами, предложив им помощь и гостеприимство во время проезда отряда под командованием Писарро (сентябрь 1533 г.) через ее столицу, Уайлью. Впоследствии она выдала Киспи Сису, свою дочь от Инки, замуж за самого Франсиско Писарро. Во время штурма Лимы войсками Манко Инки (1536 г.) Кунтаруачу прислала зятю, осажденному в его новой прибрежной столице, подкрепление, что во многом и предопределило исход сражения.

В течение того столетия, которое просуществовал Тауантинсуйу, инкская элита и элиты провинциальных вождей частично объединились. Во-первых — культурно, так как Инка требовал от своих главных касиков, чтобы те присылали своих детей или хотя бы некоторых из них в Куско, и не только для того, чтобы обеспечить их культурную и языковую «инкаизацию», но и для того, чтобы оградить себя от малейших попыток их родных к восстанию. Во-вторых — через кровные узы, так как отношения между властью имперской и вла-

стью местной в каждом поколении закреплялись посредством браков между инкскими женщинами и представителями провинциальной знати, или же между инкскими аристократами и женщинами из местных элит. Хуан де Бетансос, испанский солдат, женившийся на племяннице *Уайна Капака*, в 1557 году докладывал, что *Пачакути*, тотчас же после своего возведения на престол, собрал *кураков* «и всем им отдал в жены женщин из Куско, принадлежавших к его роду, чтобы каждая из них стала старшей супругой того касика, которому она предназначалась, и чтобы их дети стали наследниками их государств и территорий». *Уанка Ауки*, сын *Уайна Капака* и некой принцессы из племени уанка, служит прекрасным примером этой интеграции представителей инкской и неинкской знати, так как он был главнокомандующим армии *Уаскара* во время конфликта последнего с *Атауальпой*. Другому сыну *Уайна Капака*, *Паулью*, чья мать принадлежала к элите провинции *Уайлья*, в хаосе, вызванном испанским вторжением, удалось даже захватить верховную власть в Куско.

Те из групп, проживающих в регионе Куско, над которыми инки установили свой контроль еще в доимперскую эпоху и которые помогли *Пачакути* отбить атаки индейцев племени чанка, получили привилегированный статус *ау инка*, «инки внешнего мира», который испанские хронисты пере-

вели как «привилегированные инки». Они вводят в администрацию своих представителей низшего ранга, в частности инспекторов, отвечающих за строительство дорог, контроль за мостами и системой почтовых станций.

ПРАВИТЕЛЬ

Тот, кого мы называем сегодня «Инкой», был прежде всего воином, который благодаря военным победам заставил равных ему признать его лидером и объединителем всех кусканских родов.

Два из знаков отличия правителя представляли собой типы оружия: *чампи* (палица), и *сунтур паукар* (нечто вроде алебарды). Этот «первый среди равных» на языке кечуа звался *Сапа Инка*, «Едиственный Инка». Никаких правил наследования не существовало, и смерть правителя влекла за собой ожесточенные сражения внутри элиты с целью посадить на престол того или иного кандидата. В им-

Инка на своей «тийяна» (на раскрашенном деревянном кубке колониальной эпохи)

перскую эпоху правители, судя по всему, пытались ограничить эти конфликты, назначая своей старшей женой свою же сестру или лично выбирая себе преемника среди ее сыновей. Впрочем, не похоже, чтобы такие ухищрения отбивали охоту оспорить трон у сыновей «младших» жен усопшего правителя и даже у самых дальних его родственников. Фактически молодому *Уайна Капаку*, даже будучи сыном сестры и старшей жены *Тупака Инки*, *Мамы Окльо*, удалось взойти на престол лишь после того, как его мать подавила несколько заговоров.

Новоявленный монарх, помимо прочих привилегий, получал еще и право основать новый айлью: власть позволяла правителю обеспечить себя богатыми и обширными владениями, которые становились семейной вотчиной его потомков. Поступая так, правитель уподоблял себя первым в истории основателям родов. Точно так же, как те чудесным образом создали поля, террасы и ирригационные каналы, инкские правители призывали возвести в долине Вильканоты, у границ их частных имений, комплексы террас, внушительные размеры которых не только отвечали нуждам сельского хозяйства, но и **показывали всем могущество Инки как земледельческого героя** и преобразователя пейзажа. Таким образом, Инка был не просто правителем, но, подобно предкам, переходной фигурой между богами и людьми, в связи

с чем и обращения заслуживал соответствующего: предстать перед ним было должно с босыми ногами и чем-нибудь тяжелым на затылке, что вынуждало склонить голову и смотреть в землю.

Среди самых важных знаков отличия монарха следует назвать *маскапайчу*, нечто вроде красного

Инка в воинском облачении

помпона из очень тонкой шерсти, который свешивался с *льяуту*, несколько раз обернутой вокруг головы шерстяной же повязки, каковую носили все инкские мужчины.

В отличие от корон европейских монархов, *маскапайча* не была чем-то уникальным, существовавшим в единственном числе. Некоторые государственные служащие в своих поездках по Империи носили ее как знамя, дабы показать всем, что они являются представителями Инки. Помпон был личной собственностью правителя, и каждый новый Инка приказывал изготовить ему подобный (иногда — даже несколько). Другим важным знаком отличия верховного правителя был *тупайаури* («блистательная игла»), деревянный посох с медным ножом, прикрепленным к верхнему концу.

**Айлью, основанные инкскими правителями
(согласно Педро Сармьенто де Гамбоа, 1572 г.)**

Манко Капак	Чима Панака
Синчи Рока	Раурау Панака
Льоке Юпанки	Ауайни Панака
Майта Капак	Уска Майта Панака
Капак Юпанки	Апо Майта Панака
Инка Рукья	Викакирау Панака
Яуар Уакак	Аукайли Панака
Виракоча	Соксо Панака
Пачакути	Иньяка Панака (=Атун Айлью)
Тупак Инка	Капак Айлью
Уайна Капак	Томебамба Айлью

Власть *Сапа Инки* основывалась на отношениях личной привязанности с касиками покоренных племен. Государство было не чем иным, как самим Инкой, и смерть каждого правителя влекла за собой упразднение отношений, установленных с местными вождями, всякий раз порождая серьезные политические проблемы. Кончина импе-

Мама Окльо, мать Уайна Кака
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

ратора давала покоренным народам почти что законную возможность бросить элите Куско новый вызов, так что в начале своего правления каждому Инке приходилось, можно сказать, вновь завоевывать некоторые провинции. Например, *Тупаку Инке* пришлось «повторить» многие завоевания отца, так как после смерти *Пачакути* почти вся империя восстала. Эти личные связи поддерживались за счет регулярных подарков со стороны правителя в виде лам (товара крайне ценного, так как они были единственным транспортным средством), дорогой одежды, раковин моллюсков (*мулью*) — для подношений богам, и т.д. Такая щедрость, конечно же, обязывала *кураков* к взаимности.

Большую часть правления Сапа Инка проводил в долгих поездках по Империи в компании главной жены, причем в путешествия он отправлялся, возлежа на роскошных носилках и в окружении тысяч воинов и слуг. Эти караваны демонстрировали подданным, которые в большинстве своем не имели ни малейшей возможности увидеть столицу, все могущество Инки. Они являли собой живое воплощение **Империи, казавшейся мирным и упорядоченным союзом всех народов земли, так как носильщики и воины**, будучи выходцами из различных племен, к тому же одетыми в национальные костюмы, образовывали крайне пеструю толпу.

*Статуя Сапа Инки со знаком маскапайча
в одном из перуанских городов*

АДМИНИСТРАЦИЯ

Долгое время считалось, что кусканское господство везде насаждалось по одной и той же модели. В последние тридцать лет XX века историки и археологи предъявили обществу новые факты, которые в пух и в прах разбили наше представление об инкском социуме как об обществе унифицированном и централизованном. **В действительности, государство приспосабливалось к крайне разнородным местным условиям.** В горных регионах центра и юга Перу, где никаких государств до инков не существовало, последние построили центры провинций, в которых проживали представители власти. Эти чиновники не были много-

численной группой. Их число практически сводилось к одному инкскому наместнику (*тукрикук*), который представлял правителя на проходивших в административных центрах празднествах и заведовал делами каждой провинции, в чем ему помогали *кипукамайук* (секретари, «записывавшие» информацию узелками на веревочках) и несколько судебных работников. Какую-то часть имперского контроля обеспечивали регулярные, но нечастые инспекции.

Текущими делами занимались местные элиты, продолжавшие жить в окрестных деревнях.

На северном побережье, где уровень урбанизации всегда был гораздо выше, чем в каком-либо другом месте Анд, инки, напротив, не возвели ни одного административного центра. Раздробив до крайности местные элиты, они даже на какое-то время замедлили этот рост городов. Опасаясь прибрежного климата, смертоносного для горцев, они предпочитали управлять этим регионом косвенно, через туземных вождей, примерно так же, как монголы управляли Персией или Китаем, или римляне — греческими провинциями на Востоке.

В сильно удаленных от Куско горных регионах Инки вынуждены были создавать администрации более сильные и устойчивые, нежели те «центры благосостояния», что существовали в южной части Тауантинсуйу. Томебамба (Северные Анды),

вероятно, был самым величественным городом империи после Куско, вследствие чего Двор проводил там многие месяцы подряд. В Томебамбе, в отличие от других центров провинций, проживала также и часть туземных элит региона. По причине его верности *Уаскару*, этот город был полностью разрушен *Атауальпой* незадолго до его пленения испанцами. Подобные же поселения инки возвели

Переезд высокого чиновника
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

в Кито, у северной границы империи, и в Самайпате, неподалеку от современного боливийского города Санта-Круз, но все они не успели достичь того уровня развития, какого добилась Томебамба.

ВОЙСКО

В Инкской империи не существовало профессиональной армии, обученной и хорошо подготовленной. Конечно, Инка располагал постоянной личной охраной — у *Атауальпы*, к примеру, в нее входило порядка тысячи человек, — **но войско в основном состояло из рекрутов**, набранных в присоединенных к Империи племенах. В основном эти рекруты — крестьяне и пастухи, исполнявшие воинскую повинность, аналогичную экономической *мите*. У большинства завоеванных народов военная подготовка с давних пор являлась главным аспектом воспитания мальчиков, причем с самого юного возраста. Таким образом, **каждая этническая группа поставляла инкам свое собственное войско**, которое использовало собственное оружие, носило собственные отличительные знаки и подчинялось приказам собственных командиров, которые, в свою очередь, выполняли распоряжения кусканских военачальников, близких родственников Инки. Последний являлся главнокомандующим всех войск и основную часть своего

персонального авторитета зарабатывал военными победами. Судя по всему, любой такой военный набор ложился на каждое племя тяжелым бременем: индейцы лупака, к примеру, при 20 000 дворов, послали 6000 воинов на север, чтобы поддержать *Уаскара* в сражении против *Атауальпы*. Около 5000 из них погибло. Наиболее известными типами оружия были: палица с круглым набалдашником (*макана*), палица с бронзовым набалдашником в форме звезды (*чампи*), копье (*чуки*), лук и стрелы (*уачи*), праща (*уафака*), метательное орудие из веревки с привязанными камнями или шарами (*айлью* или *риви*). Инки имели собственное оружие, нечто вроде алебарды (*сунтур наукар*).

Оружие инков, согласно Франсиско де Хересу (1534 г.)

А вот какое было найдено оружие и как индейцы воюют. В первых рядах идут пращники, которые мечут небольшие гладкие камни, обработанные вручную, размером с куриное яйцо; у каждого сделанный самим круглый щит, из узких и прочных деревянных полосок; одеты они в стеганые хлопковые камзолы; вслед им идут воины с палицами и боевыми топорами; палицы длиной в полторы сажени, а в толщину такие же, как копья наших верховых, и имеют они металлический набалдашник, величиной

с кулак, заканчивающийся пятью или шестью заостренными выступами, каждый толщиной с большой палец; в битве ими орудуют двумя руками; боевые топоры такого же, даже большего, размера, а металлические лезвия шириной в ладонь напоминают алебарду. Некоторые топоры и палицы сделаны из золота и серебра, и ими вооружены военачальники. В следующих рядах воины вооружены небольшими копьями для метания наподобие дротиков; в арьергарде идут копьеносцы с длинными копьями, примерно в тридцать пядей; на левом плече воина лежит набитый хлопком мешок, на который опирается палица. Войско индейцев разделено на отряды, каждый со своим знаменем и командиром, воины действуют столь же согласно, как турки. Некоторые воины носят на голове большие шлемы, надвинутые почти до самых глаз, а сделаны они из дерева, и внутрь вложено много хлопка; шлемы эти покрепче железных.

Правитель зачастую сопровождал свои войска и должен быть великим стратегом. На поле боя его можно было увидеть не часто — он предпочитал держаться в стороне, в отдалении, откуда и руководил битвой. С войском в поход шли носильщики — как правило, молодые родственники рекрутов — и жены воинов, иногда даже дети, родившиеся

во время долгих кампаний. Так как этих «помощников» было почти столько же, сколько и воинов, **инкские войска мобильностью не отличались.** Их сила в основном держалась на численном превосходстве, которое зачастую являлось устрашающим фактором. Так, большинство из 200 000 обитателей верхней долины Мантаро, *уанка*, среди которых было не очень много воинов, без боя капитулировали перед 30 000 солдат Инки. Судя по всему, ближе к закату Империи для некоторых сражений инкам удавалось мобилизовать более 100 000 бойцов. Инки появлялись с этим войском перед непокоренным еще народом и предлагали ему знати соглашение: если те согласны во всем подчиняться инкам, то станут получать от Верховного Инки регулярные дары, их статус будет подтвержден, а *айлью* сохраняют все свои запасы. Правитель проявлял великодушие по отношению к тем, кто ему подчинялся, и был безжалостен к любому, кто оказывал сопротивление. Многие Инки, дабы подавить сопротивление или мятеж, приказывали истребить целые племена, вроде каямби Эквадора или жителей долины Каньете. В верхней долине Мантаро обитатели *Тунамарки*, отказавшиеся подчиниться Инки, были все до единого отправлены на поселение.

По мере того как разрастался *Тауантинсуйу*, становилось все сложнее содержать войско, основны-

ваясь на одной-единственной системе *миты*: так как сражения проходили все дальше и дальше от родных селений воинов, те не могли больше достаточно быстро вернуться домой для участия в необходимых ежедневных работах, что ставило под угрозу существование их общины. Тогда Инка решил освободить некоторые группы от всех прочих повинностей, кроме воинской, которая таким образом становилась своего рода их специализацией. Так, например, произошло с некоторыми племенами центра *Кольясуйу* — чарка, каракара, чуи и чича, — которых кусканская власть, по всей видимости, сочла верными союзниками. Те же, кому она не доверяла, напротив, освобождались от военной *миты*, подвергаясь лишь *мите* экономической. Так было с обитателями древней Империи чиму, которым и вовсе запретили носить оружие.

Когда закончилась эпоха великих завоеваний, инки столкнулись с проблемами контроля покоренных народов и обеспечения безопасности границ. Недовольные тяжелой повинностью *миты* племена нередко поднимались на восстание. Для предупреждения или подавления подобных мятежей государству приходилось повсеместно держать значительные военные контингенты, для снабжения которых всем необходимым была разработана система хлебных амбаров и складов, расположенных в непосредственной близости от

центров провинций: каждый воин получал комплект одежды, сандалии, одеяла, а также паек, состоявший из маиса и коки. Строительство широкой сети дорог частично объясняется вставшей перед Инками необходимостью быстро мобилизовать значительные контингенты войск для подавления восстаний. В отличие от большинства империй Древнего мира, Инкская империя могла не опасаться вторжения извне (по крайней мере, так она полагала). Если кто и уходил воевать за пределы своих территорий, то именно инки, а построенные ими укрепленные поселения скорее служили базами для будущих завоеваний и местами для гарнизонов в еще не полностью покоренных районах, нежели сугубо оборонительными сооружениями. Именно так было в 37 укрепленных поселениях, обнаруженных неподалеку от Кито. В некоторых регионах, однако, как, например, у восточной границы Кольясуйу (современная Боливия), инки, судя по всему, все же опасались вторжений **восточных племенных союзов**, в частности *чиригуано*, так как воздвигли линию укреплений примерно в сотне километров вглубь от границ империи (она проходила параллельно одной из главных имперских дорог). Инкальякта, расположенная к востоку от Кочабамбы, является единственным укрепленным инкским провинциальным центром.

IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Инкская империя с точки зрения ее экономической организации, мало походила на другие империи прошлого: городское население было в ней очень незначительно, в силу чего все то, что необходимо для обеспечения потребностей населения почти не перемещалось на большие расстояния. Куско не был, как Рим, центром обширной сети перемещения товаров. В большей части высокогорий местная экономика не знала ни рынков, ничего такого, что могло бы позволить инкам извлечь пользу из того, что производилось в той или иной местности. Кусканцы используют традиции, согласно которым касики обычно привлекала рабочую силу своих подчиненных, мобилизуя ее для строительства земледельческих террас и ирригационных каналов на пустошах, которые теперь государство присваивало себе и отдавало для возделывания местному населению. Так инки заставляли ра-

ботать на них жителей горных селений. Те же механизмы позволяли Верховному Инке повсеместно добиваться постоянного увеличения поголовья скота в своих стадах. Главным образом продукция, полученная с земель и от племенного скота, потреблялась на местах: она позволяла содержать и снаряжать гарнизоны и кормить подданных Инки, пока они трудились на благо правителя. Квалифицированные работники, рекрутированные и распределенные Верховным Инкой по центрам провинций или ремесленным объединениям, производили товары, которыми Инка вознаграждал своих подданных и особенно провинциальных вождей за такую мобилизацию рабочей силы. Таким образом, в Инкской империи шла двойная экономическая жизнь, так как в ее недрах сосуществовали две связанные между собой, но отдельные организации: натуральное хозяйство, в котором *айлью* продолжало производить большинство товаров, необходимых для жизни его членов, и государственная экономика, вынуждающая крестьянские дворы производить излишки, которые инки перемещают и перераспределяют. Торговля не то чтобы отсутствовала, но на большей части территории государство пыталось подменить ее собой и само обеспечить циркуляцию товаров. На побережье, где существовали более специализированные хозяйства,

государство довольствовалось тем, что взи­мало вперед часть дани, не развивая произ­водственный аппарат.

◆ Личное хозяйство

ПРОИЗВОДСТВО

Благодаря крайнему разнообразию природных зон **Центральные Анды являлись одним из самых крупных центров окультуривания растений в мире.** Этот процесс там начался столь же давно, как и на Ближнем Востоке или в Китае. Перуанцы культивировали несколько десятков видов растений, больше, чем любой другой американский народ. В нижней *пуне*, между 3700 и 4000 м, выращивают киноа и различные корнеплоды: картофель, которого сейчас существует порядка 470 разновидностей, оку, машуа и олюко. Выше 4000 м, в верхней *пуне*, помимо сельского хозяйства развито разведение лам и альпак. В горных долинах (*кечуа*) выращивают главным образом маис, тогда как ниже 2500 м культивируют еще и фасоль, тыкву бутылочную и обыкновенную, авокадо, маниоку и хлопок.

В *пуне* заморозки зачастую уничтожают весь урожай. Тем не менее во многих регионах обитатели этой природной области занимаются разведением скота. Лама используется как вьючное жи-

вотное (за день может она перенести до 30 кг на расстояние примерно в 20 км) и дает мясо, шерсть и шкуры. Альпаку, более слабую, выращивают исключительно ради мяса и шерсти. Засохший навоз этих двух животных является прекрасным топливом в горах, где деревья встречаются весьма редко. Опять же, именно в *пуна* находится большинство соляных копей, рудников и озер, где можно заняться рыбной ловлей и где обитают гуанако и два вида оленей, на которых перуанцы периодически охотятся. **Но развитие демографически и политически значимых обществ выше 3700 м не было бы возможным без изобретенных жителями *пуны* технологий консервации продуктов питания.** Высокогорные прерии Центральных Анд действительно достаточно сухие и холодные для высушивания корнеплодов и мяса за счет попеременного воздействия ночных заморозков и солнечных лучей. Итак, древнеперуанские общества располагали способами, благодаря которым продукты можно было хранить в течение нескольких лет, поэтому населению были не страшны неурожаи, вызванные частыми морозами или засухами.

К тому же *пуна* всегда представлялась жителям Анд диким пространством, вероятно, потому, что ее унылый пейзаж резко контрастирует с ландшафтом *кечуа*, где сразу чувствуется рука челове-

ка. Действительно, в горных долинах в сезоны дождей, когда с вершин сходят потоки камней и грязи, равнинное пространство становится весьма ограниченным и крайне опасным. Обитателям *пуны* зачастую приходилось буквально вырезать на склонах сельскохозяйственные террасы, к которым вода поступает по специальным каналам. Иригация жизненно необходима в долинах, так как земледельцы там страдают от хронической нехватки продуктов, ввиду короткого периода пахоты и посевной в начале сезона дождей. Таким образом, для тех, кто выращивает маис, крайне важно расширить этот период за счет орошения. В инкскую эпоху повсеместно использовались удобрения: навоз ламы или помет морских птиц — гуано, толстые слои которого находились на необитаемых островах у побережья. Пригодные для возделывания земли, крайне ограниченные, эксплуатировались так интенсивно, что для пропитания целой семьи достаточно было и урожая, собранного с одного гектара.

Основу питания обитателей высокогорий и даже долин составлял картофель. Маис ежедневно могли позволить себе лишь представители высшего класса; простые люди потребляли его в виде пива, во время проведения ритуалов или по праздникам. Таким образом, маис являлся важным фактором политической жизни, особенно

по причине значимости маисового пива в отношениях между касиком и его подданными: *курака* должен был угощать этим напитком всех, кто трудился в полях, в его доме или же выполнял для него какую-то иную работу. Любой знатный инка обязан был иметь дома не только запас маиса, но и как можно больше младших жен, которые могли бы приготовить для него необходимое количество пива.

В Андах были одомашнены пять видов животных (больше, чем где-либо еще в Америке): лама, альпака, собака, морская свинка и мускусная утка. Собак разводили как поедателей отходом и на счастье, тогда как морская свинка и мускусная утка, наряду с ламой и альпакой, были главными поставщиками мяса на столы древних перуанцев.

Полезность ламы и альпаки (согласно Хосе де Акосте, 1589 г.)

Нет в Перу большего богатства и ценности, чем местные животные, которых наши называют индейскими баранами, а сами индейцы на их языке — ламами; так как, с какой стороны ни посмотри, это самое полезное и неприхотливое животное из всех известных. От него, как в Европе от овец, получают пищу и одежду; ко всему прочему, можно его использовать и в качестве тягловой скотины. К тому же нет ни-

какой необходимости тратиться на подковы, вьючные седла или овес, так как лама служит своему хозяину совершенно бесплатно, довольствуясь травой, которую находит в полях. [...] Из плоти этих животных [лам и альпак] они делают *чарки* или сушеное мясо, которое хранится очень долго и очень дорого стоит. [...] Скот этот дружит с холодными температурами; вот почему он живет в сьерре и умирает на побережье. Бывает, он весь покрывается льдом и инеем, но несмотря на это остается вполне довольным и здоровым.

В отсутствие тягловых животных андские земледельцы использовали примитивные орудия труда. Основным из них является *чакитакля*, заступ, которым работают как с нашей лопатой.

Мужчины поднимали пласты земли, в то время как женщины отрясали комья или опускали в борозду семена. Так как это медленный процесс, работа в поле требовала одновременное участие сразу нескольких семейств, сотрудничество между ними, таким образом, являлось одной из основ крестьянской жизни. Такая, ставшая нормой, кооперация между крестьянскими дворами выражается термином *айни*, что на языках кечуа и аймара обозначает предложенную помощь, на которую выгодоприобретатель должен ответить какой-либо

равнозначной услугой. *Айни*, как правило, действует среди членов одного и того же *айлью* и создает или поддерживает между ними некие социальные отношения.

Насколько нам известно, *равнина* и *пуна* эксплуатировались различными и символически противоположными «сословиями», что, впрочем, не делало эти *айлью* менее взаимодополняе-

Пахота (согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

мыми в экономическом плане. Те, кто выращивал маис, нуждались в ламах для перевозки урожая с полей в амбары и почти ежедневно потребляли продукцию *пуны* (свежие или сушеные корнеплоды, вяленое мясо, соль, шерсть и т.д.), не считая того, что источники или озера, от которых отходят их ирригационные каналы, зачастую находились посреди пастбищ. Что касается обитателей *пуны*, то они обожали маис, наиболее ценное из всех выращиваемых растений, и маисовое пиво. Иногда эти различные *айлью* проживали в одних и тех же деревнях, на границе между двумя природными областями. Но их отношения, ввиду того, что постоянно приходилось о чем-либо договариваться, зачастую были весьма сложными, порой даже конфликтными. Там, где существовала централизованная власть, они регулировались касиком льякты, политической общности, охватывающей, как правило, обе природные области.

На побережье наиболее важной экономической деятельностью являлась рыбная ловля. Так, из 30 000 крестьянских подворий, которые насчитывает «государство чинча», 10 000 тысяч занимались рыболовством и лишь 12 000 земледелием. Рыбаки составляли особую группу, которая не занималась земледелием, но получала сельскохозяйственные и ремесленные товары путем обмена.

СТРЕМЛЕНИЕ К АВТАРКИИ

Одной из особенностей андской природной среды является то, что различные экосистемы зачастую мало удалены друг от друга. Всего от одного до десяти дней пути отделяют любую горную долину от амазонских предгорий или от побережья, и всего нескольких часов достаточно для того, что пройти от пастбищ, расположенных на высоте 4000 м до долин, в которых выращивают маис, а в некоторых случаях — и до побережья или тропического леса. **Это близкое соседство природным областей способствовало стремлению к автаркии в недрах каждой горной общины.** По сути, оно позволяло менее дорогим и более надежным путем обеспечить себе прямой доступ к той или иной среде для получения товаров, не производившихся на собственной территории, — легче было направить в эти природные области поселенцев, нежели всецело зависеть от торговцев. Эксплуатация всего разнообразия климатических зон позволяла к тому же уменьшить риск голода, особенно для обитателей *пуны*. Итак, этнические территории не обязательно были постоянными, но могли образовывать настоящие экологические архипелаги, состоявшие из основного уровня и целой россыпи периферических «островков», расположенных на различных высотах и эксплуатировавшихся посе-

лившимися там колонистами либо периодически, либо же постоянно.

В регионе Уануко, в центральной части современного Перу, *чупайчу*, этническая группа языка кечуа, состоящая из нескольких тысяч подворий, имела свой собственный территориальный уровень в *кечуа*, на высоте 3000–3200 м, между долинами рек Уальяга и Мараньон. В трех или четырех днях пути по направлению к горной вершине, в *пуне*, это индейское племя располагало картофельными полями, пастбищами и соляными копиями. В трех или четырех днях пути в противоположном направлении, в жаркой климатической зоне (*юнке*), *чупайчу* выращивали хлопок и стручковый перец, еще чуть ниже — коку. Эксплуатировали они и тропический лес, откуда возвращались с древесиной для изготовления различных предметов. Претензий на промежуточные территории, которые им приходилось пересекать, чтобы достичь этих периферических анклавов, где они сосуществовали вместе с представителями других горных групп, *чупайчу* никогда не заявляли.

В бассейне озера Титикака, *лунака*, этническая группа языка аймара, насчитывавшая от 100 000 до 150 000 человек, имела собственную территорию на высоте 4000 м. Сотни подворий поселенцев *лунака* возникли в десяти или пятнадцати днях пути от верхнего плато, на побережье Тихого океана,

где они выращивали маис и хлопок, удили рыбу, собирали гуано и водоросли. Эти прибрежные оазисы были полиэтническими: *лупака*, к примеру, соседствовали там с индейцами племени *пакаса*, их южными соседями по верхнему плато. На восточном склоне Анд другие поселенцы *лупака* выращивали коку и добывали древесину.

◆ Государственное хозяйство

УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Изначально Центральные Анды характеризовались слабым сельскохозяйственным потенциалом: всего пятая часть их территории была пригодна для земледелия. В доколумбову эпоху значительно увеличилась площадь пахотных земель, соорудив каналы и террасы и осушив болотистые почвы. С начала II тысячелетия н.э. основной заботой обустроившихся в прибрежных и горных долинах обществ становится вода. Расширение сельскохозяйственных территорий ускорилось с развитием государств, которые перешли к более рациональному и широкомасштабному управлению рабочей силой. **Инкская империя** продолжила дело своих предшественников, особенно в горных долинах, где она всячески поощряла выращивание маиса (для потребления аристократией и войском), опять же возводя террасы и ирригационные каналы.

Увеличение производства в имперскую эпоху обусловлено также и возделыванием прежде пустующих — по причине постоянных местных войн прошлого периода — земель. К примеру, в верхней долине Мантаро (владении племени *уанка*), где местное население проживало в находившихся на возвышенностях укрепленных деревнях, Инки перемещали людей к новым, более компактным и рассеянным поселениям, которые находились в глубине долины. Так был оставлен один из главных городов *уанка*, Тунанмарка. По сути, власть приступает к развитию производства маиса на тех землях, которые не обрабатывались в предыдущую эпоху в силу большой удаленности от укрепленных поселков.

Во многих регионах интенсивная обработка до сих пор почти не эксплуатируемых земель производится за счет переселения туда *митма* (что означает «чужак по отношению к тому краю, где он обустроился»), колонистов, приведенных из других провинций. Инки проводили широкомасштабные переселения племен, размещая почти во всех провинциях *Тауантинсу́йу* доставленных из других мест колонистов, — как на землях, ранее не обрабатывавшихся, так и на тех, что освободились после перевода в другой регион местного населения. Эти перемещения населения отвечали целям не только экономическим, но и политическим: раз-

бивая этническую связность провинций, Инки надеялись воспрепятствовать возможным мятежам и акциям неповиновения. Доходило до такого, что эти колонисты, которые зачастую получали гораздо более обширные участки, чем те, которыми они располагали прежде, нередко оказывались наделенными землей лучше, чем местные жители. Стало быть, существовали *митма* «экономические», переселенные на некую территорию для развития там мало или вовсе не использовавшихся доселе ресурсов, и *митма*, так сказать, «обеспечивающие безопасность», — перемещение последних направлено на лучший контроль над неблагонадежными провинциями и стратегическими местами, вроде окрестностей центра какой-либо провинции или одной из главных дорог. Вполне возможно, что две эти цели колонизации часто совмещались. Среди поселений «экономической» направленности можно назвать 200 подворий *митма*, принадлежавших пяти этническим группам центра и севера империи, которые были размещены в деревнях нижней части территории чупайчу, в регионе Уануко, неподалеку от дорог, ведущих в тропический лес, к всеобъемлющей эксплуатации которого и хотели приступить инки. Среди поселений скорее «политической», даже «военной» направленности фигурируют самые различные по происхождению *митма*, которых инки распределили по некото-

рым землям обитателей долин Кахамарки (крайний юг *Тауантинсуйу*), оказавших им ожесточенное сопротивление. И напротив, случалось и так, что инки депортировали мятежное население в ту из провинций, жители которой были известны своей преданностью Инке. **Так, судя по всему, было раздроблено большинство горных племен.** Благодаря этим перемещениям населения Инка выравнивал свою империю демографически, добавляя жителей туда, где их было мало, и «убирая» оттуда, где их было слишком много. На момент Испанского завоевания количество *митма* в каждой провинции составляло от 10 до 80 процентов от общего числа населения. Эти «чужаки» всегда помещались в местность, экологически похожую на ту, из которой они были выдернуты и которая была им знакома. Столь широкомасштабные перемещения населения, вероятно, оказались возможными потому, что на одной и той же высоте представители того или иного племени не испытывали ни малейших проблем с адаптацией, в какую бы часть *Тауантинсуйу* ни попадали.

МОБИЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

С экономической точки зрения, по сравнению с империями Древнего мира и Ацтекской империей, **характерной чертой Инкского государства яв-**

ляется то, что оно взимало со своих подданных не налоги, а рабочие дни: покоренные племена были обязаны возделывать земли Инки, присматривать за его стадами, возводить дороги, здания, сельскохозяйственные инфраструктуры, содержать постоянные дворы и ткать одежду из поставляемой государством шерсти или хлопка. Эта обязанность называлась *мита*, «круг, оборот». Земли Инки, даже те, которые повсеместно закреплены им за теми или иными божевами, происходили либо от конфискации тех земель, что принадлежали местным элитам, либо от возделывания некогда целинных земель. Зачастую отданные под выращивание маиса, эти земли обрабатывались в режиме *миты* крестьянами, приносящими доход государству и храмам. Каждый из членов того или иного рода, как только у него появлялось собственное подворье, был обязан периодически присоединяться к группе работников, которых *айлью* ежегодно, на месяц или на два, представляло в распоряжение правителя. Человек, выполняющий *миту*, получал от государства еду и питье и работал в праздничной атмосфере, благодаря чему тот тяжелый труд, за счет которого Империя строилась руками представителей покоренных народов, выглядел вполне сносным. Через двадцать с лишним лет после событий, случившихся в Кахамарке, испанский чиновник, Хуан Поло де Ондегардо, от-

мечал, что уплату подати испанскому королевству туземцы считают менее правомерной, нежели собственно работу на испанцев: «Все, что индейцы отдавали верховному правителю, было личными услугами [...] Они не были обязаны ни к чему другому, как только работать [...], так как они скорее согласятся отправиться куда-нибудь на две недели с людьми из их общины для выполнения какой-либо задачи, чем отдадут буасо картофеля, который получили благодаря своему труду». Огромное количество строений и дорог, которые были возведены по приказу Инков всего за несколько поколений, свидетельствует об эффективности этой системы мобилизации рабочей силы. Такая организация и обилие работников с лихвой компенсируют технологические слабости перуанцев (относительно их европейских или азиатских современников) и отсутствие тягловых животных.

Инки изменили политические границы между этническими группами таким образом, чтобы создать демографические единицы, кратные десяти, то есть такие, которые может легко подсчитать имперская администрация. Эти группы были разделены на части, состоявшие из десяти, ста и тысячи подворий. К примеру, племя *чупайчу* было организовано в четыре *уранги* («тысяча»), каждая из которых насчитывала десять *пачака* («сотня»). Но, так как индейцы *чупайчу* располагали немно-

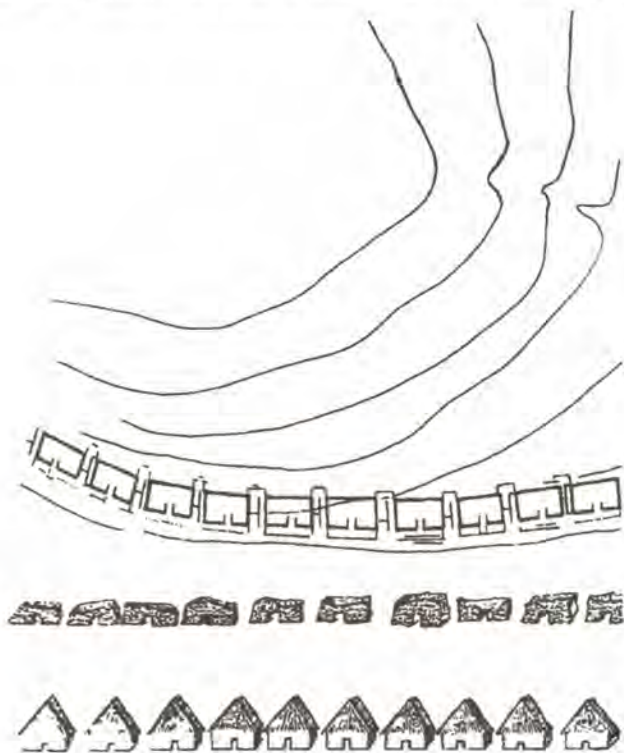
гим менее 4000 подворий, для того, чтобы это единое целое соответствовало десятичной модели, к ним добавили три *пачаки* соседнего племени *керо* и одну — племени *уаранка*. Во главе каждой «сотни» и каждой «тысячи» подворий стоял *курака*. Касики трех «сотен» подворий *керо* подчинялись касику *чупайчу* той «тысячи», в которую входили их «сотни». Таким образом, **инкское управление сводилось главным образом к системе мобилизации рабочей силы**. Но имелись и нюансы: **обитатели побережья**, представлявшие значительную часть населения *Тауантинсуу*, **платили дань**, которая в основном сосредоточивалась в городе Пачакамак. Как именно эта дань сосуществовала с *митой*, нам неизвестно.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Легитимная (скорее всего) обоснованность требований Инкского государства в том, что касалось поставок рабочей силы, частично держится на взаимодействии, которое, как считалось, создавала связи между правителем и населением. Инка регулярно преподносил подарки *куракам*, которые распределяли часть полученного между подданными, вследствие чего те оказывались в каком-то роде должниками касиков, которые, в свою очередь, яв-

лялись таковыми по отношению к Инке. Будучи не просто проявлением политической этики, но чем-то большим, эта щедрость, принимавшая почти официальный характер, подчинялась законам экономической целесообразности: в *Тауантинсуйу* человек, располагающий определенными средствами, не имел возможности ни купить какие-либо предметы роскоши, ни инвестировать во что-либо, дабы преумножить свой капитал; он мог лишь раз-

Склады в Пумпу (Чинчасуйу)

дать бóльшую часть своих богатств, чтобы извлечь из этого хотя бы политическую выгоду. Распределяемые Инкой товары были тем более ценны, что являлись редкостью для тех, кто их получал. Так, нам известно, что в южных провинциях Инка раздавал раковины моллюсков, выловленные в экваториальных морях, тогда как северные народы получали лам, редких в этой части империи. В 1558 году испанские чиновники Кристобаль де Кастро и Диего де Ортега Морехон так описали эту систему: «Инка приказывал, чтобы дань, уплаченная Колясуйу [юг], распределялась в Чинчасуйу, а та, которую выплачивало Чинчасуйу, раздавалась в Колясуйу, так как одним недоставало того, что имелось у других». Та дополнительная ценность, которую приобретали эти предметы при перемещении, составляла экономическую и политическую выгоду государства, то есть самих Инков. В высокогорьях Центральных Анд Инка таким образом присваивал себе квазимонополию на весь товарооборот. Он заменял собой торговлю и рынок, завладевая излишками произведенных населением товаров и обменивая их у того же населения на другие. Он получал огромную прибыль, которая позволяла содержать войско и обогащать кусканскую и провинциальные элиты, тогда как простые люди могли позволить себе разнообразить питание и попробовать экзотические для них продукты, притом что,

конечно же, работать им приходится все больше и больше. Так, археологи обнаружили, что в верхней долине Мантаро, к примеру, в инкскую эпоху резко возросло потребление мяса представителей семейства верблюжьих. Словом, создание *Тауантинсуйу* знаменуется резким скачком не только производства, но и потребления.

Склады Инки (согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

В большинстве своем, однако же, товары, произведенные общинами для государства, не перемещались на очень далекие расстояния, а предназначались божествам, куракам, работникам, выполняющим *миты*, и гарнизонам. В окрестностях каждого административного центра имелся обширный комплекс хлебных амбаров и складов, в которых хранились пищевые продукты (маис, картофель, киноа, таруи и т.д.), а также одежда, сандалии и все виды оружия.

Таким образом, большинство производимых в провинциях товаров служило для поддержания функционирования государства на местном уровне. Потребности инкских родов и культов обеспечивались за счет того, что производилось в королевских владениях, расположенных в регионе Куско. Из товаров, производимых в провинциях, лишь наиболее значимые направлялись в Куско, где хранилось самое ценное из того, что изготавливалось в *Тауантинсуйу*. Педро Писарро, один из самых первых испанцев, побывавших в столице еще до ее разрушения, описывает свое недоумение при виде хранившихся там товаров так:

Склады Куско (согласно Педро Писарро, 1571 г.)

Когда мы вошли в Куско, в городе находилось большое число складов, заполненных

очень тонкими тканями и другими, более грубыми тканями; и склады, в которых хранились скамейки и разные стулья, продукты питания или кока. В них хранились переливающиеся перья, одни из которых были похожи на чистое золото, а другие отливали золотым и зеленым цветом. Это были перья очень маленьких птичек, едва больше цикады, которых называли «пахарос коминес» [колибри] из-за их крошечных размеров. Переливающиеся перья растут у этих птичек только на груди, и каждое перышко размером чуть больше ногтя. Огромное количество таких перышек были нанизаны на тонкую нить и искусно прикреплены к волокнам агавы так, что полученные образцы имели в длину более пяди. И все они хранились в кожаных сундуках.

[...] Что до одежды, то ее там были целые груды, даже не поддающиеся описанию: индейцы производят ее всех видов. Времени было в обрез, поэтому я не успел все увидеть и как следует оценить качество всего этого изобилия.

После прибытия испанцев, для того чтобы опустошить все эти склады и хранилища Инкского государства, потребовалось несколько десятилетий политического беспорядка и грабежей.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И УСЛУГИ

Основная часть производства товаров и услуг для государства проходила через режим *миты*, но Инка имел доступ и к специализированным товарам и услугам. Действительно, не может же Империя развиваться на основе одной-единственной системы общественных работ. Необходимость повышать качество и количество продукции заставляла Инков увеличивать число ремесленных объединений. Они набирали гончаров, ткачей, золотых и серебряных дел мастеров в различных регионах Тауантинсуйу и размещали их в построенных специально для них деревнях либо в центрах провинций. Контроль над качественной текстильной продукцией был особенно важен для государства, так как Инка вознаграждал местных вождей за оказанные ему услуги роскошными одеждами, то есть они представляли собой особое средство платежа, предназначенное для знати. *Кураки*, таким образом, были заинтересованы в поддержании установленного кусканами экономического и политического порядка: потеряв самостоятельность власти, они в какой-то степени выиграли в богатстве и социальном статусе. Что касается текстиля, то нам известно пять крупных центров специализированного производства, причем большинство из них

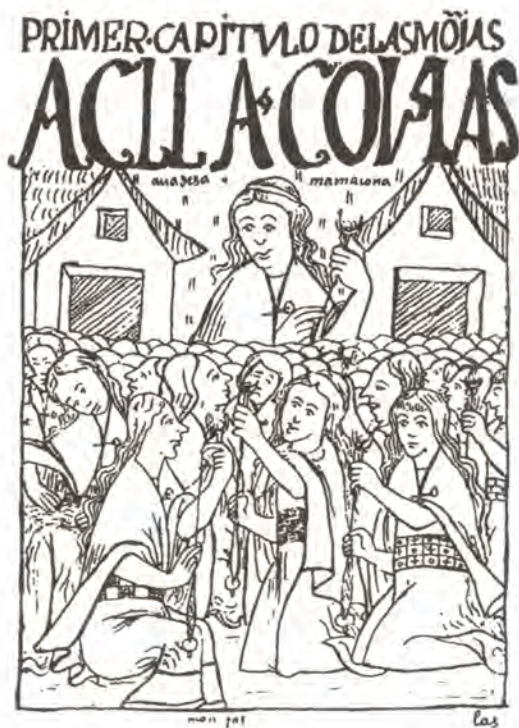

были расположены вокруг озера Титикака, то есть в самом сердце крупнейшей животноводческой зоны *Тауантинсуйу*. В деревушке Мильирайя, построенной при *Уайна Капаке* на северных берегах озера, проживали тысяч ткачей и изготовителей одежды из перьев, доставленных из самых разных регионов Империи. Эта гигантская мануфактура продолжала функционировать до 1553 года, когда главный касик провинции объявил ремесленникам, что «времена инков закончились» и им следует вернуться в родные селения.

Большинство из этих специалистов имели иной, нежели «барщинные» крестьяне, статус — они считались «слугами» (*яна*). **Проживающий вне своей общины, яна не был обязан участвовать в общественных работах, но должен был постоянно работать на благо хозяина или Инки**, который обеспечивал его материальные потребности. Положение этих «вечных» слуг было наследственным. Большинство *кураков* имели собственных *яна*. Нам известен случай одного касика, который отвечал за 8000 хозяйств одной из провинций *лупаку* и на которого работали 40 дворов *яна*. Инкские правители и аристократы держали в домах и имениях множество самых разных *яна* — поваров, носильщиков, счетоводов, ткачей, земледельцев, пастухов и т.д. Некоторые исполняли даже функции *кураков*, возможно, замещая местных вождей, смещенных

Инкой. В имперскую эпоху число яна, судя по всему, резко увеличилась, так как возросла потребность знати в товарах и услугах. Количественный рост этих работников, вероятно, является одним из наиболее примечательных изменений инкской эпохи. Этот переход к интенсивному и специализированному производству, должно быть, произошел в тех регионах, которые обладали самым мощным производственным потенциалом: в провин-

«Избранные женщины»
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

ции Кахамарка и на территориях племен *шауша*, *уанка*, *вилкас*, в долинах Лимы и Кочабамбы.

Но текстильные нужды государства превосходили в качестве и в разнообразии все то, что могли произвести крестьянские хозяйства и отдельные *яна*. Появляется новая категория специализированных работников — *акля*, «избранные женщины». Их забирали из крестьянских семейств примерно в десятилетнем возрасте, после чего они всецело посвящали себя служению Инке или Солнцу в своего рода монастырях-фабриках, существовавших во всех инкских городах. «Избранные женщины» пряли, ткали одежду для воинов и богов — которым, через сжигание, текстиль преподносился в огромных количествах — и изготавливали маисовое пиво для празднеств, которыми государство благодарило трудящихся за совершенную ими работу. Некоторые из них в конце концов становились младшими женами касиков или других достойных особ.

ТОРГОВАЯ

В *Тауантинсуйу* земля, вода, пастбища и работа не могли быть проданы или куплены. **Торговли предметами роскоши не существовало**, так как государство держало монополию на их производство и распределение. Несмотря на стремление горных касиков взять, через колонизацию, под

контроль зоны производства не смежные с их территориями, внутренний обмен товарами первой необходимости (шерсть, мясо, стручковый перец, кока), похоже, был развит повсеместно. Однако этот независимый от систем перераспределения, контролируемых представителями знати, товарообмен, судя по всему, был недостаточно интенсивным для того, чтобы появились (за некоторыми исключениями) коммерсанты, как в прибрежной долине Чинча, торговцы которой водили караваны в Куско и на верхнее плато, чтобы поменять там вяленую рыбу и бутылочную тыкву на медь. Отправлялись они также и в провинции Кито и на побережье современного Эквадора, откуда возвращались с раковинами моллюсков, золотом и изумрудами, которые продавали касикам долин южного побережья Перу.

В Северных Андах, где не существовало обществ «экологических архипелагов», корпорации торговцев, коих колониальные источники называют «mindalaes», **занимались торговлей с удаленными регионами**, образуя отдельную социальную категорию, отличную как от простых людей, так и от аристократии, и выплачивавшую касикам дань излишками товаров. «Mindalaes» отвозили на побережье добытую в высокогорьях соль и промышленные товары, обменивая их на раковины моллюсков (*мулью*) и вяленую рыбу. Наведывались

они и в восточные тропические зоны, где обменивали товары с гор на золото, стручковый перец и коку. По всему побережью шла интенсивная морская торговля. В 1526 году, во время второго рейда к северным границам *Тауантинсуйу*, экспедиция Франсиско Писарро наткнулась на парусное судно, грузоместимость которого составляла примерно пятнадцать тонн. Согласно другому испанскому описанию одного из таких кораблей, последний был достаточно большим для того, чтобы вместить пятьдесят человек и трех лошадей. Эти суда, однако, курсировали лишь вдоль побережья Северных Анд и Центральной Америки, — к югу от Тумбеса навигацию вдоль побережья Перу делало невозможным течение Гумбольдта. Как правило, именно морским путем и благодаря личной инициативе торговцев в империю, через порт Тумбеса, попадал очень ценный товар — раковины обитавших в теплых тропических водах моллюсков, которые преподносились затем богам в виде порошка или небольших кусочков, дабы предотвратить засуху. Также из *мулью*, ценившихся превыше золота, изготавливали украшения и предметы погребального обихода.

В *Тауантинсуйу* не существовало единой валюты, но были в ходу наполовину универсальные средства обмена, со специфическими областями использования: зерна какао, листья коки, раковины

(целые, разрезанные и даже расколотые на части) и бронзовые (точнее — из мышьяковой меди) пластины. Лишь последние имели «международное» хождение, потому что производились вплоть до восточной Мексики. Их ценность заключалась в том, что их можно было переплавить для изготовления сельскохозяйственных орудий.

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Как и в других частях света, **исходной точкой измерения для жителей Анд является человеческое тело.** Единицами длины были «палец» (*фука-на*), от кончика большого пальца до кончика пальца указательного (от 12 до 14 см); «ладонь», *капа* (примерно 20 см); «локоть», *кучуч*, от локтя до конца руки (примерно 45 см); «рука», *фикра* (среднее расстояние между большими пальцами расставленных в стороны рук, примерно 1,60 м). «Рука» служила для измерения земли и применялась в строительстве. Размеры нескольких зданий и террас в регионе Куско и в административных центрах Уануко и Атун-Шауша действительно основаны на числах, кратных 1,60 м. Длинные расстояния измерялись в «шагах» (*татки*) и в «мерах» (*туну*). *Туну*, вероятно, соответствовала расстоянию в 6,2–9,5 км. Выдвинута гипотеза, согласно которой расстояние, соответствующее одной *туну*, варьи-

Весы на ниточках

ровалось в зависимости от рельефа местности и временного фактора: *тупу* могла быть расстоянием, которое можно преодолеть пешком за определенный промежуток времени. Таким образом, на пересеченной местности «мера» могла быть более короткой, нежели на равнине. Судя по всему, инки использовали ее для подсчета расстояний, разделявших различные точки их империи, так как, согласно историческим источникам, вдоль дорог стояли межевые столбы, расположенные в одной *тупу* друг от друга. К сожалению, следов этих столбов археологам обнаружить не удалось. Термин «*тупу*» обозначал также единицу площади, служив-

шую для измерения сельскохозяйственных земель и, вероятно, соответствовавшую поверхности земель, урожая с которых хватало для беспроblemного годичного проживания семейной бездетной пары. Эта площадь сильно разнилась в зависимости от зон производства, качества почвы и урожайности земли. Маис измеряли в *пукча*, деревянных сосудах, вмещавших примерно 27,7 л; жидкости — в кувшинах и кружках; коку и стручковый перец — в одного вида корзинах (*функу*), а фрукты — в корзинах вида несколько иного (*исанжа*). Также жителям *Тауантинсуйу* были известны небольшие весы, на веревочках или на тарелочках, но унифицированной весовой системы не существовало.

В основе счета лежала десятичная система счисления, которая, вероятно, была связана с количеством пальцев на руках. Счетоводы инков производили сложные вычислительные операции, перемещая маисовые зерна, фасолины или камни на своеобразном абаке, представлявшем собой доску, в которой были проделаны пять рядов отверстий, по четыре в каждом; подобные абаки могли быть каменными, терракотовыми или деревянными.

ИНКИ И ПОДЧИНЕННЫЕ ИМ НАРОДЫ

V

ВРЕМЯ

В древнем Перу именно астрономические наблюдения позволили организовать сельскохозяйственные работы и установить определенную временную структуру для всех видов общественной деятельности. В каждой деревне имелись люди, специализирующиеся на наблюдении за движением звезд в интересах общества. Судя по всему, разработанный земледельцами календарь основывался на фазах Луны, наблюдать за которой с точностью было гораздо легче, чем отслеживать на протяжении всего года перемещения Солнца. Однако же смена времен года, по мнению инков, была связана не с Луной, а именно с траекторией Солнца, которое возвращалось в некую особую точку солнцестояния каждые 365, 2422 суток, тогда как лунный год насчитывал всего 354 суток. Именно наблюдение за теми точками, в которых появлялись или исчезали, в начале или в конце ночи, звезды на горизонте, похоже, и позволило выработать, в соответствии с некими

неизвестными нам правилами, этот лунный календарь, фактически совпадающий по длительности с годом солнечным. Инкское государство, в свою очередь, разрабатывало технику наблюдения за изменениями траектории Солнца, благодаря которой правитель мог определять и регулировать ритуальный календарь столицы и всей Империи. Этот, достаточно простой, государственный солнечный календарь играл важную роль в управлении Империей и объяснял то центральное место, которое занимал в инкской религии культ Солнца.

Насколько нам известно, древние перуанцы не заботились о том, чтобы как-то датировать события прошлого. Так как год представлял собой астрономический цикл, начало и конец которого назначались абсолютно произвольно, исключительно для того, чтобы вести годам счет, **определенной даты для «нового года», судя по всему, установлено ими не было.** Как следствие, они не знали своего возраста и не могли сказать, «в каком году» произошло то или иное событие. Таким образом, для инков история не являла собой цепочку последовательных событий, описанных в хронике начиная с некоего «нулевого года», но разворачивалась — под влиянием того дуалистического принципа, в соответствии с которым была организована Вселенная, — в непрерывный ряд сменявших

друг друга этапов, постепенно приведших мир к ситуации порядка, общности и продуктивности, то есть такой, какая, по их мнению, водворилась в *Тауантинсуйу*.

ВРЕМЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Инкский год состоял из двенадцати месяцев по 30 или 31 дню в каждом, что в итоге равнялось солнечному циклу в 365 дней. В краю, где орошение использовалось для посевной перед началом очень короткого сезона дождей, но где слишком рано осуществленный сев мог быть уничтожен заморозками сухого и холодного сезона, было жизненно необходимо определить с точностью тот момент, когда следует заниматься тем или иным видом сельскохозяйственной деятельности, особенно время сева. В силу того, что маис являлся самым ценным пищевым растением, церемониальные календари, насколько нам известно, основывались именно на цикле его выращивания. Инкам удалось создать **фиксированную систему отсчета в солнечном году благодаря так называемым «солнечным столбам», которые *Инка Пачакути* приказал воздвигнуть на некоторых из возвышенностей долины Куско. Эти столбы располагались группами, по четыре штуки в каждой; два больших столба будто бы зажимали между собой**

два других, меньшего размера, и отстояли друг от друга примерно на пару метров. Внешние столбы были призваны сделать это устройство более заметным с наблюдательного пункта, размещенного в центре города. Одни из столбов устанавливались на востоке, другие — на западе. При своем восходе или закате в каждом из участков, обрисованных

Инкский праздник Инти Райми («период Солнца»), согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.

на горизонте этими группами из четырех столбов, Солнце с точностью «сигнализировало» об определяющих этапах годового цикла. Таким образом удавалось четко определить моменты декабрьского и июньского солнцестояния, которые знаменовали собой, соответственно, начало полного сезона дождей (*пукуй мита*), полного сухого сезона (*чирау мита*), а также двух основных религиозных празднеств инков — *Инти Райми* («Периода Солнца») и *Капак Райми* («Главного Периода»).

Другие пары столбов указывали на начало и конец посевной маиса (август — сентябрь). Эти монументальные часы назывались *пача унанчак* («то, что знаменует момент»), и, по всей видимости, именно благодаря им длительность некоторых календарных месяцев доходила до 31 дня. Точное определение положения Солнца при его восходе и закате производилось из одного-единственного наблюдательного пункта. Располагался он на главной площади Куско (*Аукайпата*) и представлял собой некое структурное образование, состоявшее из места Инки, и подземного хода, предназначенного для совершения приношений земле, в виде различных напитков (отсюда — и его название: *усну*, «зарытый, закопанный»). Подобные наблюдения мог проводить лишь правитель. Сотни или даже тысячи человек собирались по этому случаю на площади, чтобы стать свидетелями прибытия

Солнца в один из его временных «домов» — к сдвоенным парам столбов — и исполнения Инкой роли посредника между Солнцем и людьми. Эта система, вероятно, существовавшая еще до инков, функционировала и в других местах, например в Урубамбе, в долине реки Вильканота, где один из таких столбов — настоящая башня — стоит и по сей день.

Солнечные столбы Куско (согласно Хосе де Акосте, 1589 г.)

Чтобы добиться ровного и верного подсчета года, они прибегли к такой хитрости: на холмах, что окружают город Куско (в котором находились двор инкских королей и самый большой храм их королевств, и который, так сказать, был своеобразным Римом), они расположили двенадцать столбов, расположенных на таком расстоянии друг от друга и в таком положении, что на протяжении всех месяцев каждый указывал, где встает солнце и где оно садится. Они называли их *сукканга* и, благодаря этому способу, объявляли праздники, время посевной, жатвы и прочее. Они делали определенные жертвоприношения этим солнечным столбам, в соответствии со своими суевериями. Каждый месяц имел свое собственное и понятное название и свои отдельные праздники.

ВРЕМЯ ОБЩЕСТВА И ВРЕМЯ МИРА

В Андском регионе, где большая часть культов была посвящена предкам, общество постоянно должно было обращаться к своему прошлому. **Историческая память инков и множества других андских племен выражалась в пантомимическом изображении сражений, в которых в древности были одержаны победы, и сопровождавшихся песнопениями танцах, которые исполнялись в честь мумий предков или во время похорон того или иного правителя.** Несмотря на то что некоторые правители, в частности *Пачакутти*, пытались реорганизовать эту память в собственную пользу, инки, похоже, так и не установили настоящей «всеобщей истории», хранителями которой могли бы стать лишь такие специалисты, коих признали бы все без исключения семейства Куско. В основном публичный «показ» событий прошлого лежал на обязанности потомков каждого из предков-родоначальников инкских родов. Каждый *айлью* имел свои собственные «исторические» песни и танцы, которые сосуществовали даже внутри элиты. Подобный способ передачи и прославления исторической памяти привел к тому, что **инкская история начала сливаться с историей правителей и уделять основное внимание их военным завоеваниям.**

Инки не стали доверять память о прошлом исключительно устным преданиям, «записывая» их также и на кипу, содержание которых иногда интерпретировали испанские хронисты. Вероятно, они отмечали события, имена главных действующих в них лиц и места, где эти события произошли. И напротив, ничто не указывает на то, что они также фиксировали даты и сроки. Некоторые более поздние хронисты, вроде Педро Сармьенто де Гамбоа (1572), Мигеля Кабельо де Вальбоа (1586) и Фелипе Гуамана Помы (1615), предлагают даты для правлений различных Инков, но даты эти сильно разнятся. Первый приписывает этим правлениям продолжительность длиною почти в столетие. Несмотря на то что даты, приводимые вторым, более правдоподобны, вследствие чего ими пользуются и некоторые современные историки, опять же, ничто не свидетельствует о том, что они основаны на некоем местном календаре. Ввиду отсутствия даты, обозначающей начало года, не очень понятно, как инки вели годовые подсчеты, и, вероятно, **мы никогда уже не будем располагать полной инкской хронологией**, даже для последних десятилетий империи. Нам известно лишь, что правления *Пачакути*, *Тунака Инки* и *Уайна Капака* были относительно долгими, особенно — первого из них, умершего в весьма преклонном возрасте.

Ни один из терминов языков кечуа или аймара не выражает равномерного и абстрактного времени, выходящего за пределы отдельных моментов. Моменты эти тоже никак не были отделены от реального мира, но упоминая о них, инки мыслили пространственными категориями, поэтому термин, который в некоторых контекстах можно было бы перевести как «момент» или «эпоха» (*пача*), в действительности означает в первую очередь «место». Таким же образом и события, описанные в инкской хронологии, приводятся исходя из тех мест, где они произошли, а не моментов, в которые они случились. Любой случай из прошлого, далекого или близкого, происходил *ньяупа пача* — что можно перевести как «когда-то», но что буквально означает «место (*пача*) перед глазами (*ньяу (и) -па*), — не только потому, что прошлое, будучи известным, являлось очевидным, но также и потому, что оно было вписано в пейзаж: в Куско и его окрестностях было полным-полно мест, созданных самими инками, к которым были связаны те или иные события инкской истории, мест. Многие из этих объектов становились предметом культа, через который инки придавали обрядовый характер своей истории; столица и ее окрестности выступали в роли огромного исторического ковчега. Инки эпохи Испанского завоевания считали, что их государством правили всего двенадцать

правителей, первым из которых был *Манко Капак*. Двенадцать поколений (то есть для нас всего три столетия) — такова глубина, которой инки наделили историческое время.

Согласно устным легендам, однако же, множество событий произошли еще до появления предков-родоначальников нынешних родов, то есть

*Манко Капак, прауродитель инков
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)*

до возникновения современных инкам обществ, в эпоху, которую мы можем назвать первоначальной. Судя по всему, в древних Андах не существовало никакого аналога мифа о создании мира, хотя об этом создании и упоминают такие серьезные хронисты, как, к примеру, Хуан де Бетансос и Кристобаль де Молина (вероятно, они сами или их информаторы попали под влияние христианской обработки инкской мифологии). Так же, как год не имел начала, но был отмечен переходами из одного периода в другой (солнцестояниями, началом посевной и т.д.), **история мира не имела отправной точки, но организовывалась вокруг двух повсеместно знаменательных событий: первого появления Солнца и «Потопа»** (*уну пачакути*, «возвращение эпохи посредством воды»). Первое из них установило чередование дня и ночи, положив конец тем временам, когда люди жили в полумраке. Очевидно, в том, что касалось жизни людей в досолнечную эпоху, устные предания были немногословны. Второе из этих событий — Потоп, частично или полностью уничтоживший человечество, — похоже, чаще упоминалось в легендах многих народов Инкской империи, по крайней мере, в ее центральной и северной части. Воды океана поднялись, покрыв большую часть земли, за исключением нескольких гор, «приподнявших» свои вершины во имя спасения укрывшихся там людей.

Миф о потопе (согласно туземному автору Томáсу, ок. 1608 г.)

Когда-то мир был на грани своего конца. Одна лама, узнав, что море вот-вот выйдет из берегов, принялась бляеть, словно сильно страдала и не могла кушать, несмотря на качество пастбища и приказы своего хозяина. Тогда тот, разозлившись, бросил в нее початком маиса, который уже успел обглодать, и прикрикнул: «Ешь, скотина! Трава, на которой ты пасешься, прекрасного качества!» И тут лама вдруг как заговорит человеческим голосом: «Идиот, о чем ты думаешь? Через пять дней море выйдет из берегов, и миру придет конец». Встревожившись, хозяин спросил у нее: «И что же станет с нами? Где же нам укрыться?» Лама ему отвечала: «Пойдем на гору Вилькакото; там мы будем в безопасности. Захвати еды на пять дней». Хозяин тут же ушел, забрав с собой ламу и еду. Придя на гору Вилькакото, он обнаружил, что там уже полно животных всех видов — пум, лисиц, гуанако, кондоров и многих других. И тут море вышло из берегов. Когда оно покрыло все горы, все эти существа столпились на небольшом горном пике Вилькакото, единственном, до которого не добрался поток. Вода намочила хвост лисице, и тот почернел. Через пять дней вода опустилась и ушла. Отхлынуло и море,

убив всех живых. Впоследствии этот человек, хозяин ламы, начал размножаться. Вот почему и сегодня еще существуют люди.

В соответствии с другими версиями, некоторые нашли прибежище в нетронутых водой впадинах и углублениях (вроде пещер или стволов деревьев), куда добрались на различных плавучих средствах (лодках, барабанах и т.п.). Эти уцелевшие затем вернулись туда, где жили прежде. Если первый восход Солнца дал рождение принципу чередования — ночи и дня — в функционировании космоса, то Потоп, вероятно, породил отношения противопоставления и взаимодополняемости между пространством, населенном людьми (*лякта*) и не «одомашненным» пространством гор (*урку*). Действительно, *уака*, олицетворявшая дикое пространства, окружавшие каждую *лякта*, некогда, до Потопа, были людьми, точнее, правителями племенных объединений, и хотя «допотопные» народы были уничтожены, современные люди продолжали поддерживать отношения со своими прошлыми хозяевами, укрывшись в необитаемых горах.

Инки отдавали предпочтение иной версии происхождения современного им мира. Они полагали, что все люди первоначальной эпохи погибли во время Потопа либо были превращены в камни богом *Виракочей*. Тот заново создал основателей

различных родов будущего *Тауантинсу́йу*, вылепив их из земли или вырезав из камня в Тиуанако и наделив их всеми необходимыми культурными атрибутами (одеждой, головными уборами, знаками отличия, языками и т.д.). Судя по всему, в Куско существовали два варианта развития дальнейших событий. Согласно первому, наименее противоречащему мифу о Потопе (в том виде, в каком он рассказывался другими народами), Виракоча указал предкам-родоначальникам *айлью* подземный путь до их будущей территории или ее ближайших окрестностей. На поверхность земли они вышли из неких пещеры, источника, ствола какого-то дерева и т.д., например, *Манко Капак* появился вместе с тремя своими братьями и четырьмя сестрами из пещеры *Тампу-Туку* («Пещера Постоялого Двора», также известная под названием *Пакарик-Тампу*, «Постоялый Двор Зари»), примерно в сорока километрах к юго-западу от Куско. По другой версии, бог Виракоча «вывел» через эту же пещеру основателей всех этнических групп *Тауантинсу́йу*, причем первыми вышли инки, которые были старейшим из всех народов, следовательно, являлись законными правителями. Во множестве своих толкований инкский миф о происхождении народов *Тауантинсу́йу* имеет существенные отличия от известных нам версий завоеванных племен: он уменьшает значение традиционного полигенизма и делает

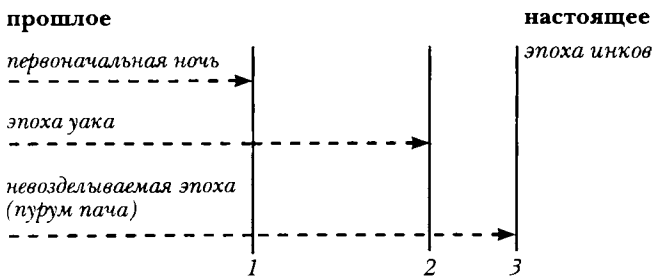
из населяющих Империю племен не потомков допотопных народов, которых ничто не привязывает к некому общему месту происхождения, но сотворенных заново покровительствующим инкам божеством, Виракочей, основателей родов, созданных в одном и том же месте и явившихся в мир из одной и той же пещеры. **В инкском мифе Тауантинсуйу предстает не как нечто совершенно новое в истории мира, но как восстановление целостности в первые же дни после Потопа.**

Этапы истории мира, каковой ее рассказывали инки, ничуть не походят на последовательные «эпохи» средневековой истории, так как они «вставляются» друг в друга. В первом после Потопа восходе Солнца различались два великих этапа: темные времена и солнечную эру. Внутри последней Потоп разделял два периода: тот, когда *уака* еще жили среди людей, и наш, когда они занимают и обустроивают дикое пространство. К этим двум моментам разъединения в истории мира, которые устанавливают различие ночь/день, затем природа/общество, имперская идеология инков добавила третий – создание Империи. По сути, инки утверждали, что семейства (*айлью*) начала периода после Потопа не были объединены в народы (*льякта*), находившиеся под властью касиков, но были разрываемы постоянными войнами, стараясь присвоить себе земли, расположенные на различных

природных ярусах, и прийти к автаркии. Инки называли этот период *пурум пача*, «эпоха невозделанных земель», так как в силу того, что военная деятельность преобладала над сельскохозяйственной, многие земли оставались необработанными (*пурум*). Сравнивая эту «эпоху невозделывания» и времена инков (*инка пача*), имперская идеология пыталась поддержать идею, согласно которой *пурум пача* совпадала с эпохой, предшествовавшей кусканскому господству, и Инки навязали *айлью* соглашения, гарантирующие взаимовыгодные товарообмены во имя мира и развития производительных сил. Образование *Тауантинсуйу* конкретизировало таким образом, в общественном плане, принцип взаимодополняемости между противоположностями, который уже развернулся ранее во временном (1) и пространственном (2) плане:

Последовательность эпох мира

- 1 = Первое появление Солнца
 2 = Потоп (*уну пачакути*)
 3 = Приход империи (*Пачакути*)

Для инков, таким образом, начало мира — первоначальная нераздельность, тогда как мир подвергался постоянному изменению, направленному на еще большее функциональное разнообразие и разделение форм, что свидетельствовало скорее о взаимодополняемости, нежели о соперничестве, а следовательно, о воспроизведении и отсутствии антагонизма. Думая о создании мира, они видели перед глазами не план и Создателя, но базисное устройство, в основе развития которого лежит принцип полярности, выражающийся в противопоставлениях день/ночь, дикое пространство/населенное пространство, эпоха невозделанных земель/эпоха Инки. В имперской идеологии космические и исторические изменения (для инков это одно и то же) следовали друг за другом под воздействием этой полярности, без первопричины, порождая все больше и больше порядка и стабильности. *Тауантинсуйу*, таким образом, являлся результатом глубокой зрелости мира и составной частью безмолвной непрерывности космического процесса. Вероятно, именно поэтому инки никогда не думали о том, чтобы вывести на сцену событие — то есть исключительный факт, — и не знали театра. Их мизансцены истории отдавали приоритет имитации сражений прошлого, то есть ритуальному повторению игры полярностей. Похоже, даже время виделось инкам скорее ци-

кличным, нежели поступательным, раз уж приход новой эпохи предполагал определенный возврат назад. Именно на такую мысль наводит термин *пачакути*, «возвращение эпохи», обозначавший как Потоп, так и Верховного Инку, которого одно из преданий XVI века называло основателем империи, по-видимому, потому, что данное космическое событие и это правление свидетельствовали о некоем «возврате к исходному месту» после истощения сил завершавшейся эпохи.

VI

РЕЛИГИЯ

Нашим сведениям о религии инков мы обязаны главным образом хронистам XVI и XVII веков. Однако же таких, которые изучали бы ее в то время, когда религиозные обряды все еще соблюдались в должной мере, можно пересчитать по пальцам. Действительно, по причине их интеграции в структуры колониальной власти, инки отказались от своих культов относительно рано. Так, *Паулью* и его окружение обратились в христианство в 1543 году. И пусть на похоронах этого Инки (1549 г.) местные ритуалы сочетались с христианскими, судя по всему, религиозные обряды инков не пережили середины XVI века. Конфискация большинства мумий правителей (1559 г.) и их переправка в Лиму, где они были захоронены в неизвестном месте, практически положила конец всем местным культам. Таким образом, наша информация о религии инков по большей части основана на непрямых свидетельствах, которые представляют собой более или менее искаженное — в зависимости от намере-

ний и идеологических позиций их авторов и/или их источников и информаторов — видение реальности. В частности, определенная картина многовековых верований инков отражена в знаменитых «Подлинных комментариях об истории государства Инков» Гарсиласо. Литературный талант их автора и то доверие, которое внушал этот сын конкистадора и внучки *Тупака Инки*, во многом и стали причиной того, что это восхваление Инкской империи получило признание у публики. Автор, метис по происхождению, развивает в нем тезис, согласно которому само Провидение направляло инков в предпринятой ими политической и лингвистической унификации Анд, подготавливая, таким образом, Перу к распространению Евангелия, а подчиненные им племена — к христианскому монотеизму. Инки насаждали Культ Солнца, как высшего божества — форму идолопоклонничества, полагаемого христианской антропологией более значимым, чем, к примеру, культ низших созданий (камней, животных и т.д.), которым поклонялись народы Перу до них. Элита Куско почитала Солнце под именем Пачакамак, что, если верить Гарсиласо, означало «дающий миру душу».

Такая интерпретация инкской религии бытовала до начала XX века, а идея, в соответствии с которой в представлениях инков существовал некий Бог-Создатель, находит поддержку и в со-

временной историографии. Однако же изучение религиозного вокабуляра древнего языка кечуа и анализ документов, составленных теми из служителей культа, что открыто выступали против религиозных обрядов других народов древнего *Тауантинсуйу* (тут уместно будет вспомнить дела, возбужденные в XVII веке по факту идолопоклонничества в архиепископстве Лимы), значительно меняют наше понимание религии инков. **Сегодня уже более заметна глубокая общность религиозных систем Центральных Анд.** Они являются продуктом одного и того же процесса культурного развития, коему на протяжении веков были присущи постоянные контакты и взаимное влияние, позволяющее обнаружить у различных народов и под разными именами одно и то же божество: кусканские *Виракоча* и *Ильяпа* соответствуют *Уафи* и *Льивиаку* в центре Перу. Гораздо меньше нам известно о религиях обитателей побережья, так как последние вымерли прежде, чем Церковь начала проявлять интерес к их «идолопоклонничеству». Культы народов Крайнего Севера и юга Империи задокументированы еще в меньшей степени. Поэтому я опишу здесь общую основу религий высокогорий Центральных Анд на момент Испанского завоевания, показав, как именно инки развили на этой основе культы, укрепившие их имперское господство.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ

Народы древнего Перу уделяли большое внимание своим усопшим, за которыми тщательно ухаживали. Тела хранились в защищенных от влажности и контактов с почвой, хорошо продуваемых ветрами местах, где усыхали, не подвергаясь разложению. Основатель рода являлся предметом настоящего культа. Один или несколько человек отвечали за обслуживание его мумии, которой делались подношения в виде пищи, напитков и коки. Периодически мумию выносили из склепа, чтобы позволить ей поесть и попить в обществе живых и других мумий предков, а также для смены одежды. Мумию расспрашивали о важных вещах, с ней танцевали и даже превозносили ее подвиги во время ежегодных праздников, которые *айлью* посвящал своему основателю.

Культе мертвых в Куско, согласно Педро Писарро (1571 г.)

Большинство жителей столицы прислуживали этим мертвым и каждый день приносили их на площадь и рассаживали по ранжиру, в порядке старшинства. Затем их слуги и служанки ели и пили рядом с ними. Они разводили для мертвых, прямо перед ними, костры из сухих поленьев очень правильной формы, и как толь-

ко костры разгорались, сжигали все то, что разложили перед мертвецом, чтобы тот отведал того же, что ели живые. Также они ставили перед этими мертвецами большие золотые, серебряные или глиняные сосуды (которые называли *бирками*), наливали в них маисовое пиво и преподносили мертвецу, ставя перед ним. Мертвецы предлагали пиво друг другу, как, впрочем, и мертвые – живым, а живые – мертвым. Как только эти *бирки* наполнялись, они выливали их на некий посреди площади установленный круглый камень, которому они поклонялись как идолу и вокруг которого был сооружен небольшой бассейн, откуда маисовое пиво утекало по подземным канализациям.

Считалось, что предок-родоначальник, главным образом за счет войн, обеспечил себя собственной территорией, дав происходящему от него *айлью* возможность существовать в качестве автономной группы. Почитание его памяти прежде всего должно было подтвердить права его потомков на их земли и ирригационные каналы. В провинциях *Уайлья* и *Касатампу* по отношению к предкам применяли термин *мальки*, которым на языке кечуа в первую очередь называется любое растение, посаженное человеком. Таким образом устанавливалась аналогия между захватом прародителем-воином терри-

тории и укоренением в земле растения, призванного приносить плоды — его потомков. В древних источниках перевод «предок» (*progenitor*), который дан для термина *мальки*, дабы сделать эту метафору понятной, иногда дублируется другим — «семя» (*semilla*). Инки верили, что умирая, основатели раз-

Резной монолит (уанка) культуры Рекуай, представляющий предка-родоначальника

личных *айлью* раздваивались, превращаясь в продолговатые монолиты, которые вкапывались в землю в деревнях или на полях и назывались *уанка* в центре Перу и *уанк'а* в Куско.

Так, *Манко Капак* и его братья превратились в скалы, и двойной камень прародителя инков находился в главном святилище Куско, «Золотом Храме», *Кориканче*. Эти монолиты являлись осязаемым выражением первоначального акта захвата некой территории, а их фаллическая форма воскрешала в представлении завладение плодородной землей (женского рода) предком-мужчиной. **В обмен на такое поклонение основатель *айлью* должен был гарантировать плодородность полей и жизненную силу людей.**

Если Инка после своей смерти переходил в статус прародителя и автоматически удостоивается поклонения потомков, то большинство основателей родов, о которых идет речь в наших исторических источниках, совершали нечто героическое, практически мифическое в далекую эпоху. Приписываемые им подвиги действительно можно считать сверхъестественными: один был способен сделать так, чтобы кукуруза или картофель взошла, лишь дунув на землю, тогда как другой облетал свою территорию, превратившись в кондора.

Кроме того, за исключением довольно-таки особенного случая инкских правителей, **основатели**

Возможное изображение предка-родоначальника племени уафи, несущего маис (на керамике наска)

айлью не имели человеческого происхождения. **Некоторые из них появились из подземного океана и пришли в этот мир через некую пещеру или источник. Другие вылупились из яиц, упавших с неба и оставленных на вершине какой-либо горы.** На языке кечуа эти места происхождения назывались пакарина, «место появления», и сами становились предметами культа. Прародитель обычно «появлялся» вместе с братьями, которые вылезали из соседних дыр или яиц. Эти братья впоследствии порождали **айлью**, которые, благодаря связям, объединявшим их родоначальников, образовывали союз. Таким образом, все люди происходят не от первоначальной пары, как в христианстве, но от различных предков, которые узаконивают автоно-

мию каждого рода и неотчуждаемость ее территории и ресурсов. Этот полигенизм, который тесно связан с организацией андского общества, явится одним из основных камней преткновения для христианизации.

К бальзамированию, даже для правителей, инки прибегали лишь в исключительных случаях. Хуан Поло де Ондегардо, испанский чиновник, который в 1560 году обнаружил и конфисковал мумии Инков, свидетельствует о том, что лишь некоторые из них были забальзамированы. Чаще всего инки довольствовались тем, что подвергали тела умерших воздействию сухого и холодного горного воздуха, дабы высушить их, не извлекая внутренностей. Кожу иногда обмазывали некоей субстанцией, благоприятствовавшей консервации (как правило, перцовой камедью, смешанной с известью). Благодаря сухости андского климата трупы могли сохраняться в приличном состоянии на протяжении нескольких столетий. Мумию оставляли в сидячем положении, с подтянутыми к подбородку коленями, в каком-нибудь святилище или доме.

Описание мумий трех инкских королей и двух королей (согласно Гарсиласо, 1609 г.)

[Инка Виракоча] процарствовал более пятидесяти лет; об этом же говорил вид его тела, когда я видел его в Куско в начале тысяча пятьсот ше-

стидесятого года, когда я, вынужденный уехать в Испанию, заходил в дом лиценциата Поло Ондегардо, урожденного Саламанки, который был коррехидором того города, чтобы поцеловать ему руки и проститься с ним по причине моего путешествия. Среди других благодеяний, которые он оказал мне, он предложил: «Поскольку ты едешь в Испанию, войди в это помещение; ты увидишь кое-кого из своих предков, которых я извлек на свет, чтобы у тебя было что рассказать там». В помещении я увидел пять тел королей инков — три мужских и два женских. Один из них, как говорят индейцы, был тот Инка Виракоча; было видно, что он прожил долгую жизнь; у него была белая как снег голова. Вторым, говорят, был великий Тупак Инка Юпанки, который доводился правнуком Виракоче Инке. Третий был Уайна Капак, сын Тупака Инки Юпанки, праправнук Инки Виракочи. Двое последних не казались столь старыми, хотя и у них были седые волосы, но не столько, сколько у Виракочи. Одна из женщин была королева Мама Рунту, супруга этого Инки Виракочи. Другая была Койа Мама Окльо, мать Уайна Капака. [...] Тела их были сохранены полностью; все было на месте — каждый волосок с головы, из бровей и ресниц. Они были в тех своих одеждах, которые носили при жизни: на голове только льяуту и никаких других королевских знаков отличия. Они сидели [на кор-

*Инка угощает маисовым пивом
мумии некоего правителя и его супруги*

точках], как обычно садятся индейцы и индианки: руки скрещены на груди — правая поверх левой; глаза опущены вниз, словно они смотрели на пол. [...] Я вспоминаю, что трогал палец на руке Уайна Капака; казалось, что это — деревянная статуя, настолько он был твердым и крепким. Тела были настолько легкими, что любой индеец переносил их на руках или на плечах из дома в дом, когда каба-

льеро просили об этом, чтобы посмотреть на них. Их несли, закрывая в белые покрывала; на улицах и площадях индейцы падали на колени, поклоняясь им со слезами и стенаниями; и многие из испанцев снимали перед ними шляпы, ибо это были тела королей.

УАКА

Другой крупной категорией почитаемых инками существ были *уака*, которые, в отличие от предков-родоначальников (исключительно мужчин), могли быть как мужского, так и женского рода. Некоторые из людей, живших в первоначальные времена, еще до создания нынешних родов, вследствие некоего исключительного поведения, превратились в тот или иной элемент пейзажа, как правило, в гору, сделавшись *уака*. Последние существуют и в эпоху Инков — в виде переносных резных камней — или представляют собой нечто совершенно особенное. Пока что не очень хорошо понятно, каким образом память о подвигах или проступках *уака* передалась современным людям. Возможно, при посредничестве предков-родоначальников, которые, как предполагается, были порождены *уака* неким неизвестным нам образом. Даже будучи прародителями основателей *айлью*, *уака* не могут считаться предками в прямом смысле этого слова.

По сути, отношения, которые соединяют тот или иной род с его *уака*, являются скорее генеалогическими, нежели территориальными: устраиваясь на новой территории, *айлью* зачастую перенимает местный культ *уака*. Насколько известно, с «поселившимися» там предками-родоначальниками родов все обстоит иначе.

Прародители современных *айлью* создавали свои земельные владения не на пустом месте. По крайней мере, первые из них заняли территории, контуры которых уже были определены их предшественниками, *уака*. Таким образом, многие роды располагали собственным *уака*, коему они были обязаны самобытностью своей территории. Культ *уака*, присущий тому или иному роду, в какой-то степени дублировал культ предка-родоначальника. Но каждый *айлью* поклонялся также и какому-либо *уака* высшего ранга, не имеющему эквивалента среди предков, такому, который покровительствовал сразу нескольким родам, объединившимся в один «народ» (*лякта*). Например, гора *Париакака* являлась *уака*-покровителем провинции *Уарочири*, тогда как гора *Раку* патронировал провинцию *Чинчакуча* и т.д. Что до инков, то их основным *уака* была гора *Уанакаури*, возвышающаяся над долиной Куско. Согласно историко-мифическим преданиям инков, последняя, однако же, не являлась их изначальной территорией, но так как *Манко Капак* завоевал эту

долину, его предки поклонялись олицетворявшему ее *уака*.

Язык кечуа противопоставляет термин «*льякта*» («обитаемое место») термину *урку*, «гора», так как последний представляет собой прообраз не относящегося к человеку пространства, выражает суть *уака* и является необходимым дополнением деревенского мира. Для обитателей долин это дополнение означает прежде всего воду, которая спускается с гор и орошает возделываемые земли. По крайней мере, в некоторых случаях, насколько нам известно, местные жители видят в *уака* сформировавшуюся в горах подземную гидрографическую систему, а также выходящие на поверхность озера и источники. **Таким образом, для земледельцев культ *уака* в первую очередь ориентирован на добычу воды.** Но, как и прародители, *уака* передают людям, занимающим их территорию, свою производящую силу, делают плодородными их поля и скот. По сути, *уака* в большей степени, нежели предки-родоначальники, наделены жизненной мощью, и рассказы об их подвигах в первоначальные времена еще более удивительны, чем те, которые повествуют о *мальки*. Так, *уака Самуна* из провинции Уарочирри в те времена, когда был человеком, имел способность превращаться в тысячу воинов, чтобы защитить свой народ от врагов. В обмен на благодеяния, которые они распределяли здесь и

сейчас, *уака* получали подношения, аналогичные тем, каковые делались основателям *айлью*. Будучи покровителями *лякта*, они могли насылать на людей болезни и бедствия в случае уклонения от религиозных обязанностей или нарушения определенных нравственных или социальных правил.

УАРИ/ВИРАКОЧА И МОЛНИЯ

Множество прародителей и *уака*, которым поклонялись в Империи, объединялись в две большие взаимопроникающие структуры: как считалось, одни *уака* происходили от *Виракочи*, другие — от Молнии. Таким образом, в андском пантеоне доминирует диада, разделяющая мир на две противопоставленные и взаимодополняющие сферы, — если *уака* являются местными божествами, «духами» тех или иных мест, то *Виракоча* и Молния — божествами космическими.

Божество, которое инки и обитатели бассейна озера Титикака называли *Виракочей*, в центре современного Перу было известно под именем *Уари*. Это имя происходит от слова *уари-и*, что в диалектах языка кечуа этого региона означает «занимающийся день». Форма *Виракоча*, вероятно, образовалась от него через перестановку звуков (*уари* > *вира*) и добавление термина *коча*, «озеро». Таким образом, имя *Виракоча* означает

«озеро занимающегося дня». Действительно, известно, что *Уапу/Виракоча* был божеством, происходящим из подземного океана (или самим этим океаном), по которому плавала земная кора и из которого поднимались воды, снабжавшие озера и родники. Солнце каждый вечер погружалось в этот океан, чтобы снова выйти из него утром, откуда, по всей видимости, и пошло имя, которое носило это божество подземных вод. *Виракоча* покровительствовал ирригационному земледелию, существование которого зависело от избытка воды в снабжавших каналы источниках и озерах. В древние времена он объезжал мир, создавая пригодные для обработки участки земли, разграничивавшие их низкие стенки и системы орошения, распределяя эти ресурсы между различными *айлью* и обучая людей земледельческим технологиям. Одним из основных эпитетов, которыми инки наградили *Виракочу*, был *пача ячачик*, «тот, кто приводит в порядок почву». Это выражение обозначало как первоначальный акт создания сельскохозяйственной инфраструктуры, так и постоянное вмешательство данного божества в годовые циклы производства. Появление этого типа сельского хозяйства и этого нового порядка встретил противодействие со стороны *уака*, или некоторых из них, которых *Уапу/Виракоча* победил и превратил в камни.

Что до Молнии, то он был тройственным божеством, олицетворяя различные, но тесно связанные между собой феномены: молнию, гром и грозу. В зависимости от регионов, ему давали разные названия: *Львиуак*, «Ясное Небо» — в центре Перу, *Ильяпа*, «Молния» — в Куско, *Какиа*, «Гром» — в районах, расположенных к югу от столицы. Это космическое божество имело, помимо прочего, несколько ипостасей, представлявших собой региональные божества, вроде *Катекилья*, в провинциях Кахамарка и Уамачуко, или *Париакки* («Ярко-красная скала»), в провинции Уарочирри. Если *Виракоча* был богом подземного мира и вод, исходивших оттуда через родники и озера, **Молния был божеством неба, атмосферных явлений и дождя.** Его представляли в виде высокого, худого мужчины, который инспектировал небо с палицей в одной руке и пращой — в другой. Гром был щелканьем пращи; молния — мерцанием блестящих украшений, покрывавших его тело; град — камнями, которыми он обстреливал землю. Он мог низвергнуть дождь Млечного Пути, который полагали широкой рекой, пересекающей небо. **Так диада, возглавлявшая андский пантеон, определяла космическое противопоставление нижних и высших вод.** В равной степени она воплощала два принципа, «руководивших» чередованием времен года: влажную жару периода дождей, проявление

Уапу/Виракочи, и сухую жару месяцев засухи, за которые отвечал Молния. Отсюда и идет имя *Львиак*, которое носило это божество в центре Перу и которое испанцы иногда переводили как «ясность неба» (*claro del cielo*), а также оно называлось *рунай*, «жгучая жара».

Этот фундаментальный дуализм основывался на принципе социальных и экономических противопоставлений и комплиментарности, которые существовали в недрах каждого местного общества между *айлью*, разрабатывающими умеренные долины — область ирригационного земледелия, — и *айлью*, занимающимися животноводством и выращиванием корнеплодов в *пуне*. *Уапу/Виракоча*, покровительствовавший ирригационному земледелию, по сути, являлся богом-покровителем жителей долин, тогда как обитатели высокогорных степей считались «сыновьями Молнии». Действительно, на высоте более 4000 м грозы более сильные, а туман особенно густой. Молния к тому же был тем божеством, которое передавало свои способности шаманам-целителям, чей терапевтический арсенал основывался главным образом на дикорастущих растениях, располагающихся на высоте более 3800 м. На этом высшем уровне андского пантеона установился своеобразный договор об обмене богами между теми, кто выращивал маис, и пастухами: чтящие *Уапу/Виракочу* периодически поклонялись

богу-покровителю «сыновей Молнии» и наоборот. Таким образом, культ одного или другого из великих богов не являлся эксклюзивным культом той или иной группы, но проявлялся в большей или меньшей степени в зависимости от *айлью*. Для тех, кто выращивал маис (инки), *Виракоча* представлял бóльшую значимость, нежели *Ильяпа*, в то время как индейцы *чика*, пастухи и возделыватели корнеплодов из провинции Уарочири, основным из своих богов считали *Париакаку*, местная ипостась Молнии. Следовательно, культ *Уару/Виракочи* и Молнии укреплял отношения противопоставления и взаимодополняемости, существовавшие между обитателями каждой из двух горных природных зон.

СОЛНЦЕ, ЛУНА И УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

В кусканском Золотом Храме статуи *Виракочи* и *Ильяпы* располагались по обе стороны от статуи третьего бога, которого называли *Пунчау* («День»), то есть Солнце, и которого инки почитали, по крайней мере, в той же мере, что и *Виракочу*.

По всей Империи они возводили в его честь храмы, в которые помещали все самое лучшее. Тем не менее они рассматривали Солнце не как высшее божество по отношению к двум другим,

Возможное изображение Солнца на керамике побережья

но как еще одно проявление принципа, определяющего нижнюю часть космоса, в некотором роде схожее с *Виракочей*. Отношения, которые объединяли *Виракочу* и Солнце, являлись одним из аспектов инкской религии, которую испанцы даже не пытались понять и которая и сегодня еще отнюдь не истолкована. В некоторых случаях эти два божества, судя по всему, были почти взаимозаменяемы. Так, бог, представший перед принцем *Инке Юпанки* — будущим *Пачакути*, — дабы заверить того в своей поддержке и пообещать ему победу над племенем чанка, одними хронистами идентифицируется как Солнце, другими же — как *Виракоча*. Последний к тому же имеет ярко выраженный солнечный характер. Кроме того, что

этимология его имени, как мы уже видели, — «озеро занимающегося дня», *Виракоча* и *Пунчау* еще и являются единственными божествами, которых туземные информаторы испанцев изображали с бородой — символом лучей дневного светила. Наши современные познания не позволяют с точностью сказать, полагали ли инки Солнце неким посланником *Виракочи*, или же оба они представляли собой разные ипостаси одного и того же космического принципа. Возможно, не было это понятно и самим инкам, которые, скорее всего, переняли культ Солнца у народов побережья и ввели его в свой пантеон, в то время как один из богов, *Виракоча*, уже располагал некоторыми его (Солнца) свойствами.

Солнце, однако же, отличалось от *Виракочи* одной функцией, которой владело самостоятельно и которая, быть может, объясняет тот интерес, который проявили к нему инки при установлении своей системы власти. Если *Виракоча* предстал в качестве божества исключительно аграрного, то культ Солнца имел колоссальное политическое значение. Верховный Инка провозглашал себя «сыном Солнца» (*интип чурин*) и заявлял, что его способности и качества перешли к нему от этого дневного светила, тогда как способности и качества его главной жены, *койи*, происходили от Луны (*килья*), касиков, его подчиненных, — от утренней

звезды (*часкакойльур*, «взъерошенная звезда»), той самой, чье сияние угасает с восходом Солнца. Согласно одной легенде, связанной с храмом *Пунчау*, который инки приказали возвести на острове Титикака, Солнце впервые появилось именно в этом месте, после чего поднялось в небо, чтобы сразиться с утренней звездой, чье сияние освещало мир слишком ярко. Потерпев поражение, звезда закрыла лицо вуалью и отныне светила лишь едва-едва. Идентифицируя правителя, его главную жену и касиков соответственно с Солнцем, Луной и утренней звездой и вспомнив древний миф о победе восходящего Солнца над Венерой, Инка вписывал в космический порядок свое верховенство над касиками завоеванных народов. Именно на этом превосходстве инкского правителя над представителями местной знати держалось, как мы уже видели, государство.

В 1536 году *Манко Инка* переправил изображение *Пунчау* в свое прибежище в Вилькабамбе. Уезжая в 1572 году его сына, *Тунака Амару*, в Куско, испанцы забрали с собой и золотую статую Солнца, которую вице-король Толедо отправил испанскому королю. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна. К счастью, мы располагаем несколькими ее изображениями. *Пунчау* был представлен в виде сидящего мальчика, помеченного по меньшей мере двумя отличительными знаками инков: повязкой во-

круг головы (*ляяту*) и большими кольцами в ушах. Кроме того, он носил нагрудник — знак власти. За его спиной и плечами расходились во все стороны солнечные лучи; по бокам располагались две змеи и две пумы, судя по всему, символизировавшие могущество. В своего рода коробе, помещенном в его живот, хранились превращенные в золу внутренности инкских правителей, что свидетельствовало как о том, что они являлись воплощениями *Пунчау*, так и том, что их «душа» вернулась к нему после их смерти.

БОЖЕСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОТВЕТ

Прародители, *уака*, высшая диада, Солнце и другие звезды — все они воздействовали на людей, землю, возделываемые растения и скот одним и тем же образом — перенося на них часть себя, и потому именовались *камак*, «передающий свою сущность». Так, предок-родоначальник «проливал» свою сущность не только на потомков, но и на культивируемые ими растения и возделываемые земли. Тот или иной *уака* передавал часть себя тем, кто занимал его территорию; Молния — своим «сыновьям». Что до Солнца, то оно считалось *камаком* инков. Некоторые животные, вроде лам и лисиц, имели собственного *камака* и созвездие,

которое носило название их вида и управляло их поведением.

Перенося частичку себя на живое существо, эти создания передают ему жизненную силу, делая его могучим, здоровым и плодовитым. От всех потусторонних сил, чей культ свято чтился, местные жители ожидали, что они будут нерушимо выполнять свою роль камака по отношению к людям, а также растениям и животным, с которыми люди неразрывно связаны. Земледельческое божество побережья, *Пачакамак*, был «тем, кто оживляет почву», так как он мог не только делать ее плодородной, но и сотрясать за счет землетрясений. Земля, также считавшаяся божеством, называлась *камак альта*, «оживляющая земля», так как она передавала свою силу посаженным или посеянным в ней растениям. Пастухи *пуны* делали приношения созвездию Ламы, дабы то способствовало размножению скота, тогда как обитатели восточных предгорий приносили жертвы небесной кошке *Чукичинча*, определявшей поведение пум, ягуаров и медведей, чтобы те на них не нападали. Доза этой жизненной силы не была одинаковой для всех. Некоторые, коих величали *анча камаска*, «совершенно оживленные», получали ее в больших количествах, что наделяло их необычайными способностями (к примеру, они легко могли обратиться в птиц, чтобы отправиться в далекие края).

Камак также передавал получателю какое-нибудь специфическое качество, некий общечеловеческий принцип. Сведение довольно-таки фрагментарных историко-филологических сведений с современными этнографическими наблюдениями позволяет понять, каким именно древние перуанцы представляли себе человека. **Каждый человек состоял из нескольких сущностей, «пришедших» из различных источников, и из комбинаций этих сущностей, совершенно разных, «рождались» люди, каждый из которых был единым целым.** Считалось, что в процесс формирования человека, до или после его рождения, вмешиваются самые разные создания, особенно животные, воздействуя на тот набор качеств (общий для всех членов *айлью*), который был унаследован им от предков. Это объединение различных сущностей гнездилось в *сунку* (базовое значение этого термина — «внутренний»), что метонимически и означало эту «душу», состоящую из множества образующих. *Уака* (а, вероятно, — и растения с животными) также имели *сунку*. «Внутренний мир» человека имел невидимые очертания, идентичные очертаниям тела, в котором он обитал. Он мог покинуть тело, но долго оставаться без своей защитной оболочки был не в состоянии. Он придавал человеку силу и способность роста, являясь также источником его «состояний души».

Таким образом, андские божества были прежде всего элементами, структурирующими окружающую среду — горы, озера, звезды, атмосферные явления — и происходившими от перевоплощения людей, живших в первоначальные времена. Воплотившись в небе или в пейзаже, люди древних эпох становились звездами, *уака* или прародителями и передавали частичку себя существам нынешним, гарантируя таким образом постоянство организации мира. Ввиду того, что эти могущественные силы были, так или иначе, близки к людям, древние перуанцы поддерживали со своими богами отношения самого что ни на есть интимного характера. Матримониальные союзы между людьми и сверхъестественными существами делали эти генеалогические и онтологические связи еще более крепкими. Один из способов для того или иного рода заручиться расположением *уака* — пожертвовать ему в жены какую-либо девушку. Та должна будет посвятить всю свою жизнь на приготовление ему еды и напитков и, конечно же, уже не сможет обручиться ни с одним смертным. *Уака*, таким образом, становится зятем и свояком (*катай*) для всех мужчин из рода супруги и должен обеспечить плодovitость и процветание своей новой семьи.

Создавая и развивая институт акल्या, или «избранных женщин», Инка преподносил тысячи и

десятки тысяч женщин в дар Солнцу, делая того своим должником. В то же время *акля* исполняли для Инки, воплощения дневного светила, одну из тех же супружеских обязанностей, что и для своего «мужа»: они готовили еду и маисовое пиво, которые получали от правителя те, что работали на его землях или строили его дома и дороги, — словом, то же самое, что должна была сделать любая супруга для соседей, явившихся помочь ее мужу возделывать почву или заменить кровлю. Отношения между богами и людьми становились, таким образом, столь же близкими, как и те, что связывают, через брачный союз, два семейства: как зять во всем помогает родителям жены, так и бог распространял на своих новых сородичей всю свою плодородную силу, в обмен на домашние, кулинарные и сексуальные услуги жены или даже жен.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Посвящение человеческой жизни предку или кому-либо божеству иногда требовало жертвоприношений. **Приношения в жертву людей, однако же, никогда не достигали такого масштаба, какой им придавали ацтеки, центральноамериканские современники инков.** В большинстве своем они совершались в двух исключительных

случаях. Первым была смерть некоего знатного инки или же правителя: часть его жен и слуг приносили себя в жертву, после чего их должны были захоронить вместе с усопшим. Так, вместе с умершим *Уайна Капаком* в потусторонний мир отправились примерно 1000 человек. Другим поводом для жертвоприношения являлась одна из самых торжественных церемоний религиозной жизни в Инкской империи, проходившая при участии множества людей. То был большой акт приношений, называемый *капак хуча*, что переводится как «долг правителя» или «большое подношение». Проходила сия церемония в критических для Инки обстоятельствах, как то: приход к власти, рождение сына (которому, в силу крайне высокой детской смертности, грозила опасность), болезнь или же подготовка к трудной войне. Когда назначался *капак хуча*, каждая деревня (и даже каждый род) собирала подношения (дорогие ткани, золото, серебро, скот, детей примерно десятилетнего возраста и т.д.), которые затем перевозились местными священниками и касиками в Куско. Все дары, в том числе и сопровождаемые матерями дети, выстраивались на площади *Аукайпата* и представляли перед великими богами и мумиями правителей, которых по этому случаю выносили из их обиталищ. После совершения серии обрядов и молитв переходили к пожертвованию

части этих даров: предметы сжигались или предавались земле, тогда как у большого количества лам и некоторых детей вырывали сердца, чтобы преподнести их богам. «Плоды», так сказать, этих жертвований распределялись затем по окрестным храмам. Освященные пребыванием в религиозном центре мира, прочие дары развозились по провинциальным святилищам, где приносились в жертву *уака*. Умерщвленные дети становились объектами местных культов. По всей Империи каждый взрослый мужчина получал в каком-либо сосуде немного крови принесенных в жертву лам, крови, которую должен был отвезти в одно из святых мест, располагавшихся на его территории. Участвовать в этом **обряде общности** были обязаны все главы семейств империи, и кровь, прибывшая из ее сердца — Куско — растекалась по всему *Тауантинсуйу*. Представители провинций возвращались затем в столицу, где пировали и принимали подарки от Инки (текстиль, предметы, изготовленные из перьев птиц, золотые и серебряные изделия, женщин и слуг). С собой они привозили *уака* завоеванных народов, которые тоже получали дары либо оставались без оных — в зависимости от того, правильно ли они сами (или представляемые ими провинции) сотрудничали с Инкой. После этого сановники и *уака* возвращались домой. По сути, *капак хуча* являлся возможностью

для Инки провести новые переговоры и укрепить отношения с каждым народом Империи, в особенности — в экономической и военной сферах. Также он служил для подтверждения верности местных вождей Инке, так как умерщвленные дети зачастую принадлежали именно к семье касика, который благодаря этой жертве продлевал свои полномочия. С другой стороны, получая от своих подданных множество лам и детей, приносимых затем в жертву *уака*, **Инка позиционировал себя в качестве крупного поставщика жизненной силы для этих божеств** и мог надеяться на то, что они наделят его могуществом, которое поможет победоносно противостоять той критической ситуации, которая и подтолкнула его к этому «великому подношению».

ИНЫЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ

В андском представлении все существа были персонами, наделенными неким внутренним миром, аналогичным тому, каким обладают люди, что позволяло им соблюдать приличия и даже вступать в отношения обмена. Относилось это правило и к маису с картофелем (для земледельцев), и даже к драгоценным металлам (для рудокопов). Однако же не каждое растение, фрукт или самородок ста-

новились объектом подобных отношений, и уж тем более культа. Напротив, получение хорошего урожая или достижение прекрасного качества металла освобождали от такого обмена, к примеру, самый крупный початок маиса, самую большую картофелину или золотой (либо серебряный) самородок. Этот «анормальный» образчик получал название *мама*, то есть «мать» маиса, картофеля или металла, так как его выдающиеся размеры свидетельствовали о том, что именно от него исходит та плодородная сила, которая позволяет расти другим. «Матери», таким образом, становились «собеседниками» более высокого статуса по сравнению с тем, коим обладали обычные съедобные растения или же самородки. С ними можно было на равных обсуждать плодородие того или иного поля либо рудника (к слову, по отношению к руднику применялся тот же термин, что обозначал «поле»: *чахра*). «Матери маиса» (*сарамамы*) даже считались второстепенными женами предка-родоначальника *айлью*, а иногда — и самого *Уару*. Стало быть, сам итог сельскохозяйственного размножения есть плод, появившийся на свет в результате брака между жаркой и влажной сущностью, представляющим *Уару* (или воплощающего его прародителя), и некой растительной породой. *Сарамамы* хранились под амбарами, предназначенными для маиса. Логика такой «матери» определяла два важных куль-

та. С одной стороны, то был культ *Пачамамы*, «матери Солнца», объединявший духов мест (*уака*) и соблюдавшийся в регионе Куско и в высокогорьях. С другой стороны, то был культ *Мамакучи*, «матери озер», который обозначал океан и, как предполагалось, должен был в изобилии обеспечивать андские озера, с отходившими от них многочисленными ирригационными каналами, водой.

Равным образом возведены в культ и камни, вырезанные в форме растений или животных, *чанча* или *кунупа*, и передающие жизненную силу тем всему тому, что они представляют морфологически: маису, картофелю, ламе и т.д. В первоначальную эпоху эти камни преподносились *уака* в дар заслуживающим того человекам, тем, кого они встречали на своем пути и узнавали по странной форме. В отличие от культа *уака*, культ *кунупа* соблюдался не всем обществом, но отдельными его ячейками, так как **камни эти представляли собой исключительно семейное имущество**, которое переходило от отца к старшему сыну. Многие хронисты сравнивают *кунупа* с пенатами древних римлян. Как и камни, воплощавшие *уака*, *кунупа* иногда также были резными; в задней части у них проделывалось отверстие, предназначенное для приема подношений в виде животного жира. Ухаживали за *кунупа* практически так же, как и за *уака*. Две эти категории были так близки между

собой, что *кунупа* зачастую выставлялись с камнями, воплощавшими *уака*, подношением к которым они являлись.

ХРАМЫ

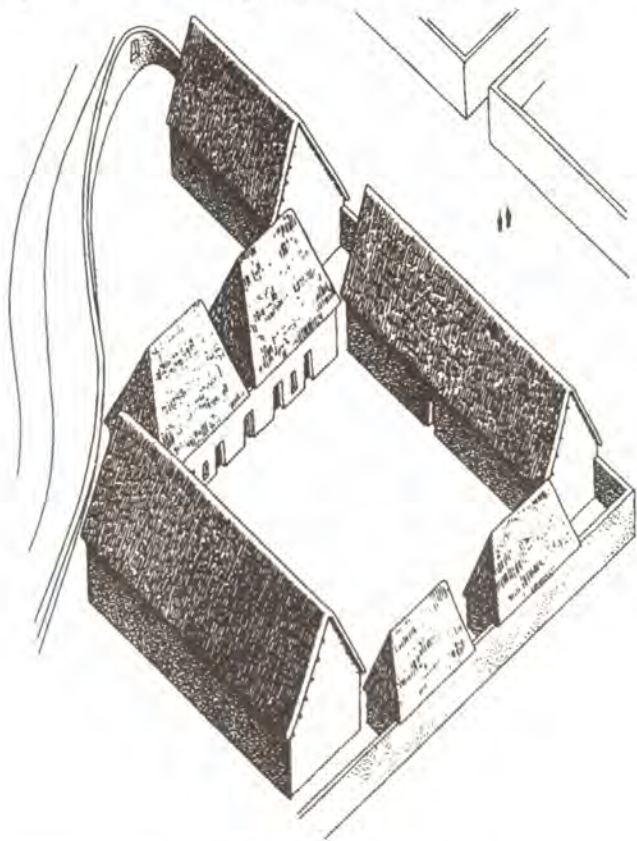
Инки возвели множество святилищ по всему *Тауантинсуйу*, в особенности храмов Солнца в столицах провинций. Не столь тесно связанный с имперской идеологией, *Виракоча* тоже почитался некоторыми важными храмами, к примеру, кусканским *Кисуарканча* или впечатляющим святилищем в Каче (сегодня известным под названием Ракчи), что в провинции Кана. Я опишу здесь лишь три самых важных храма Империи, а также наиболее распространенный, хотя и наиболее скромный, тип святилища — тот, в котором хранился *уака*.

Золотой Храм

В столице, в месте слияния двух рек, что разграничивали зону дворцов, на естественном отроге, находился Золотой Храм (*Кориканча*), комплекс святилищ, посвященных различным божествам: *Виракоче*, Молнии, Солнцу, Луне и звездам. Построенный при *Пачакути* на месте более древнего и более скромного святилища, Золотой Храм состоял из шести прямоугольных строений, пять из которых располагались вокруг внутреннего

двора. В самом большом здании хранилась статуя *Пунчау*, дитя-солнце. По сути, в том, чтобы выступать в роли «храма Солнца», и заключалась главная функция этого святилища, которое инки называли также *инти уаси*, «дом Солнца». Здесь же размещались и основные *уака* провинций, иногда прибывавшие на временный «постой». То был аб-

Золотой Храм (Кориканча)

солютный центр Куско и *Тауантинсу́йу*, куда допускались лишь представители высшей аристократии. Храм мало чем отличался от других дворцов Куско — такие же стены из искусно отполированного камня, такие же высокие четырехскатные крыши. Но **многочисленные золотые предметы**, которые там хранились, делали его особенно роскошным. Посреди главного двора находился **золотой фонтан**, многие внешние стены были целиком покрыты золотыми пластинами, такими же была облицована, с внешней стороны, крепостная стена комплекса, самым же необычным украшением храма являлось **маисовое поле, выполненное в натуральную величину и также из чистого золота**.

Описание Золотого Храма (согласно Педро Сьеса де Леону, 1553 г.)

Этот храм был в окружности более 400 шагов, весь обнесенный крепкой стеной; все сооружение было сделано из превосходного высококачественного тесаного камня, отлично уложенного и размещенного; и некоторые камни были очень крупными и величественными, между ними не было ни земляного, ни известкового раствора, а только обычно используемый ими для постройки их зданий битум [или смола], столь тщательно эти камни

обработаны, что не заметен в них ни раствор, ни стыки. [...] Имелось множество дверей и очень хорошо отделанных порталов; опоясывала эту стену золотая лента, шириной в две пяди и толщиной в четыре пальца. Портала и двери были облицованы пластинами из того же металла. Дальше внутри стояло четыре не очень больших дома, точно так же отделанных, и их стены изнутри и снаружи облицованы золотом, равно как и деревянное сооружение; покрытие было соломенное, служившее в качестве крыши. В той стене было две скамейки со спинками, с которых оглашали о восхождении солнца, и стояли тщательно просверленные камни, а в отверстия было вставлено множество драгоценных камней и смарагдов. На эти скамейки садились короли; если это делал [кто-либо] другой, то его карали смертной казнью.

«Тот, кто оживляет почву»

После Золотого Храма наиболее значимыми считались святилища Пачакамак и Титикака. Храм бога *Пачакамака* («того, кто оживляет почву»), являвшийся важнейшим местом паломничества, находился на центральном побережье Перу, в городке, местное название которого было Ичма, но который инки называли по име-

ни того божества, которому там поклонялись. Расположенный на берегу Тихого океана, город Пачакамак вел свое существование с начала I тысячелетия н.э. и на момент прибытия на континент испанцев являлся одним из самых крупных в *Тауантинсуйу*. **Инки использовали Пачакамак в качестве административного центра**, возведя с этой целью большую площадь, с *усну* и домом «избранных женщин». Туда стекалась дань, уплаченная обитателями всего побережья. Инки увеличили религиозную значимость этого места, украсив святилище одноименного божества, воздвигнутого на естественной возвышенности, нависавшей над зоной храмов и дворцов, присоединив к ним храм Солнца. Как и Кориқанча, храм Пачакамака изобиловал изделиями из серебра и золота, а его стены и крыши были украшены золотыми пластинами. Опять же, инкской эпохой датируется и вся система проходов и коридоров, призванная направлять поток паломников, иногда прибывавших из самых отдаленных регионов, чтобы спросить совета у бога, чья деревянная фигурка хранилась в крипте, на верхнем ярусе храма, — *Пачакамак*, отвечавший за рост маиса, славился и своими целительными способностями. К слову, рядом со святилищем были обнаружены многочисленные могилы людей, умерших от серьезных болезней, вроде рака, туберкулеза или сифилиса.

Доктора *Уйна Капака* консультировались с *Пачакамаком* относительно неизвестного недуга, от которого страдал правитель — сегодня мы знаем, что речь шла об оспе, завезенной испанцами. Бог посоветовал Инке чаще бывать на солнце, что ускорило смерть правителя...

Свинцовая Скала

Название озера Титикака происходит от названия скалы, расположенной на одном из его островов, «Свинцовой Скалы» (*Titiqaqa*). Согласно одной инкской легенде, которая, очевидно, бытовала и среди народов юга Империи, именно от этой скалы родилось Солнце. Как и святилище Пачакамака, храм Титикака — чрезвычайно древний; похоже, он был возведен еще до нашей эры и перестроен в крупный региональный храм примерно в VII веке н.э. в период существования государства Тиуанако. Инки превратили его в центр огромной священной зоны, которая включала в себя не только остров Титикака (сегодня известный как «остров Солнца»), но и соседний — «Луны», а также полуостров Копакабана, расположенный напротив, на континентальном берегу озера, где находился одноименный региональный административный центр. Инки заселили зону *митма* и оборудовали перед скалой эспланаду. Та часть Титикаки, которая выходила

на площадь, была облицована золотыми пластинами, тогда как заднюю часть святилища защищала искусно отделанная стена. У подножия храма были обнаружены могилы принесенных в жертву детей. Свинцовая Скала располагала более чем 600 слуг и 1000 «избранных женщин», посвятивших себя приготовлению маисового пива, коим угощали местное божество, наливая в расположенный на площади бассейн для жертвенных возлияний. По свидетельствам очевидцев, среди этих «избранных женщин» находились две дочери *Уайна Капака*. Прибывших в этот священный комплекс паломников, совершенно бесплатно, селили на постоялом дворе, где они получали еду и питье, а самые бедные — еще и одежду. Пройдя пешком до дальнего конца полуострова Копакабана, они на лодках переплывали пролив, отделявший Копакабану от острова, после чего, вновь — пешком, добирались до противоположного конца острова, где размещался храм. Прежде чем достичь Свинцовой Скалы, им приходилось пройти через трое ворот и очиститься на каждом из этих этапов. Судя по всему, лишь представители знати допускались за последние ворота, после чего могли приблизиться к священному месту. Простолюдины у третьих ворот останавливались, опускали на землю свои подношения и уже оттуда, издали, могли лицезреть храм Титикака.

Святылища высокогорий

Переносные камни, воплощавшие *уака*, зачастую хранились в скромных храмах, возведенных неподалеку от тех горных вершин, где обитали эти божества. Одним из самых известных подобных храмов *Тауантинсуу* был тот, что располагался на самом высоком (5571 м) пике Париакаки, заснеженного горного массива, пролежавшего в провинции Уарочири. Если верить хронике, составленной в 1608 году на языке кечуа местным автором Томасом, инки доставили в Париакаку огромные богатства: тридцать жрецов, золотые и серебряные предметы культа, дорогие одежды, слуг для работы на земле и пастухов со скотом. По длинной веренице ступеней паломники поднимались к месту культа от инкской дороги, что вела из Пачакамака в Атун-Шаушу. На высоте 4575 м ступени заканчивались у небольшого проема, в котором находился *уака*, коего даже еще в начале XVII века потчевали маисовым пивом и кровью морской свинки. Подобные же горные храмы инки, к примеру, возводили и на крайнем юге Империи, на территориях современных Аргентины и Чили. Один из них — Льюльйальяко, расположенный в нынешней провинции Сальта на высоте 6739 м, является самым высоким в мире поселением, где когда-либо производились раскопки. Там были обнаружены останки двух *капак*

хуча, девушки и юноши, в роскошных одеждах и в окружении золотых и серебряных фигурок, как мужских, так и женских, а также миниатюрной посуды. Обустроивая такие святилища во всех провинциях своей Империи, Инки утверждались в роли привилегированных собеседников с местными *уака*.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Инки, практически вся деятельность которых сводилась к войнам и управлению их Империей, очень много дней в году проводили в церемониях и увеселениях. Едва ли не каждый месяц имел какой-либо праздник. Тремя основными были *Инти Райми*, «Период Солнца», *Ситуа* (этимология слова не ясна) и *Капак Райми*, «Главный Период». Первый начинался в середине мая и длился около месяца, до зимнего солнцестояния. Он наступал после последней жатвы и знаменовал собой конец сельскохозяйственного года. Почти ежедневно в жертву различным божествам, обитавшим в Золотом Храме в Куско, в частности, Солнцу, Молнии и Виракоче, дабы те «не старели» в конце растительного цикла, приносились сотни лам, альпак и гуанако. Мумии прежних правителей и статуи основных богов выносились из их жилищ и устанавливались на площади Куси-

пата, где «пили» с живыми и удостаивались танцев и песен. *Ситуа* также длился около месяца, с середины августа до середины сентября. Он проходил прямо перед началом сезона дождей, способствующего распространению инфекционных болезней. По этому случаю из всех провинций Империи привозились *уака*, которых умоляли не забирать людские жизни. Хроническим больным полагалось на какое-то время покинуть город, дабы их «горе» не нарушало, в этом начале земледельческого цикла, абсолютного счастья в центре мира. Группы воинов проносились по улицам столицы, издавая вопли, призванные напугать смертоносную нечисть, которую они гнали перед собой до ближайшей реки, где они обмывались и тщательно чистили оружие. Река должна была унести болезни к морю. По окончании этих обрядов очищения инки пировали, пели и танцевали на протяжении нескольких дней кряду. Чужакам и больным, проживавшим в городе, наконец-таки дозволялось вернуться и присоединиться к всеобщему веселью. Такие же празднества проходили и в центрах провинций. *Канак Райми* начинался в середине ноября и длился также около месяца, совпадая с летним солнцестоянием. Чужаков, не относящихся к инкскому племени, церемониально изгоняли из центра мира, коим был Куско, так как они воплощали возможное ненастье, и при-

мерно с месяц они были вынуждены проживать где-нибудь в окрестностях города. Именно в этот период подростки проходили обряд перехода во взрослый возраст, уарачикуй, в Куско и в тех провинциальных центрах, где находились резиденции Инков. В жертву приносились множеством лам, которых сжигали перед выносимыми на главную площадь статуями богов. После таких церемоний продолжались празднества, центральную роль в которых играли выпивка, песни и танцы. Завершались они обрядом возвращения чужаков.

VII

ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ

С точки зрения лингвистики, Южная Америка является наименее изученным континентом, характеризующимся крайним разнообразием языков и языковых семейств, — и сегодня эта часть света насчитывает порядка шестидесяти автохтонных лингвистических семейств, причем, по мнению ученых, до Испанского завоевания языков там было почти вдвое больше. Территория древней Инкской империи составляет ту часть субконтинента, где, начиная с XVI века, угасло наибольшее количество языков, замененных либо испанским, либо двумя основными языками, на которых проходило общение в вице-королевстве Перу, — кечуа и аймара. В большинстве своем исчезнувшие языки не задокументированы никакими текстами, лексикой либо грамматическим описанием. Топонимические исследования и некоторые упоминания в испанских источниках, однако же, позволили идентифицировать существование и область

распространения некоторых из них. Несмотря на лексическую разобщенность, или благодаря ей, коммуникацию между различными частями Инкской империи обеспечивали три или четыре языка-посредника.

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЕДИНСТВО

Первые испанские наблюдатели были поражены этим чрезмерным языковым разнообразием. В 1553 году Педро Сьеса де Леон писал, что местные языки «столь многочисленны, что если я начну их перечислять, мне не поверят». В 1577 году иезуит Хосе де Акоста сравнивает почти скандальную ситуацию в Перу с той, что сложилась в мире на следующий день после вавилонского столпотворения: «Говорят, когда-то семьдесят два языка внесли сумятицу в людское общество; но у этих варваров их больше семи сотен, в каждой более или менее крупной равнине имеется свой». Это раздробление объясняется прежде всего тем состоянием рассредоточения и изоляции, в котором долго, даже после перехода на оседлый образ жизни и зарождения сельского хозяйства, жили заселившие Анды людские группы. В отличие от большинства других регионов мира, Анды действительно познали несколько очагов окультуривания растений

и приручения диких животных, что выражается в отличии — в любой паре андских языков и даже диалектов кечуа — терминов, обозначающих картофель, маис, стручковый перец, фасоль, хлопок, ламу или морскую свинку. В первые тысячелетия своего существования кочевые, затем неолитические андские племена оставались практически изолированными друг от друга на протяжении примерно 6000–8000 лет, чего обычно бывает достаточно для того, чтобы два языка, происшедших от одного и того же первоисточника, приобрели такие различия, что родство между ними уже невозможно было обнаружить. Таким образом, даже если первые обитатели Анд говорили всего на нескольких языках, местные географические условия благоприятствовали разделению этих языков в огромное количество семейств, сопротивляющихся сегодня всем попыткам лингвистов объединить их.

Развитие цивилизации (начиная с III в. до н.э.) никогда даже не пыталось сдержать или разрушить эту тенденцию к лингвистическому разнообразию: урбанизация всегда оставалась хрупкой, зависящей от государств-однодневок, и политическое раздробление преобладает на протяжении большей части доиспанской истории Перу. Несмотря на то что некоторые языки долго обеспечивали межэтническую коммуникацию, они крайне редко вытесняли языки местные, а когда это происходи-

ло — как в случае с кечуа, примерно 2–2,5 тысячелетия тому назад, — они затем разветвлялись в диалекты и многочисленные языки. Даже в наши дни внутреннее разнообразие семейств кечуа и аймара сопоставимо с разнообразием романских или славянских языков.

Крайнее лингвистическое раздробление *Тауантинсу́йу* связано также с тем фактом, что, по подобию «народов», на них говорящих, языки не были привязаны к определенной территории: стремление некоторых из этих обществ к созданию экономических анклавов в местах, удаленных от их территориальной группы, а также перемещения народов, производимые Инками, повлекли за собой сосуществование на ограниченных пространствах жаждущих автаркии групп, которые сохраняли свой собственный язык. Эта языковая мешанина тем не менее компенсировалась тем, что испанцы признавали «тримя основными языками Перу», обеспечивавшими межэтническую коммуникацию в Инкской империи: мочика, кечуа и аймара.

«Основные языки» Перу (согласно Бальтасару Рамиресу, 1597 г.)

Языки индейцев Перу сильно отличаются друг от друга и крайне многочисленны, так как почти каждая провинция и каждая долина имеют собственный. Но есть среди них и три

общих: юнга [=мочика], кечуа и аймара. На языке юнга говорят главным образом на побережье, от Лимы до Гуаякиля, несмотря на то что в [прибрежных] долинах есть также и свои языки. Язык кечуа используется повсюду в горах, от Кито до Куско, пусть и некоторыми разговорными отличиями в зависимости от провинций, — его понимает каждый, что кто хоть средне владеет языком той или иной провинции. Язык аймара наиболее общий из всех; он распространен от Уаманги, что в начале епархии Куско, почти до Чили и Тукумана [в Аргентине].

КЕЧУА

Вопреки тем представлениям, что бытовали до тех пор, пока, в 1960-х годах, к изучению андских языков не начали применяться методы лингвистики, инки не несут никакой ответственности за распространение языка кечуа в Андах. Языковое разнообразие семейства кечуа, действительно, слишком велико для того, чтобы его можно было объяснить всего пятью веками истории. Хотя еще многое предстоит сделать для описания диалектов, сравнительной грамматики и исторической лингвистики языка кечуа, современные ученые сходятся в том, что первоначальная «колыбель»

этого языка находилась в чрезвычайно удаленной от Куско зоне, в центре или в северной центральной части нынешнего Перу. Первая волна экспансии кечуа, вероятно, восходит к I тысячелетию до н.э., а именно к так называемой эпохе «древнего горизонта». Язык прото-кечуа, должно быть, распространился тогда, в эпоху расцвета культуры Чавин, на широком пространстве от Кахамарки до Аякучо. В регион Куско и в Эквадор кечуа, вне сомнения, пришел в гораздо более позднее время, относительно которого пока еще не было выдвинуто каких-либо обоснованных предположений. Замечено, однако, что по сравнению с другими диалектами кусканский кечуа отличается довольно-таки радикальными нововведениями, которые частично объясняются сильным влиянием языка аймара. **На большей части Боливии и на северо-западе Аргентины кусканский кечуа распространился лишь в колониальную эпоху.**

Даже в конце XVI века инки вспоминали о том, что кечуа происходит не из Куско, как о том свидетельствует хронист Мартин де Муруа: «Утверждают, Инка Гуайна Капак [*Уайна Капак*] приказал, чтобы по всей стране говорили на языке Чинчасуйу, который сегодня повсеместно называют «общим кечуа» или «из Куско». Впрочем, язык, который способствовал управлению *Тауантинсуйу*, не был тем кечуа, который жители региона Куско из-

менили под влиянием языков, на которых они разговаривали ранее, в частности аймара. **Инкская элита, как и элиты завоеванных провинций, действительно пыталась «насадить» разговорный кечуа в наиболее значимых поселениях центрального побережья, например в Пачакамаке.** В отличие от горных вариантов, в береговом кечуа взрывные согласные, следовавшие за согласными носовыми (м, н), имели звонкое произношение. Именно от этой формы кечуа, использовавшейся элитами *Тауантинсуйу*, происходит большинство терминов, заимствованных у этого языка (через испанский) французским, к примеру «Andes» (< *andi*) или «condog» (< *kundur*), а не от более консервативных горных форм, где эти термины произносятся соответственно [*anti*] и [*kuntur*].

Крайне маловероятно, что существовало доколумбово наименование для всей совокупности языкового семейства, которое выглядит некой абстракцией на фоне разнообразия местных вариантов. В большинстве современных диалектов кечуа язык обозначается термином *рунасими* — или родственной формой, — что означает «язык индейцев». Название «кечуа», впервые приведенное в некоем тексте 1560 года, происходит от термина *кечуа*, которым обозначается умеренная горная область, такая, где можно выращивать маис. В эпоху Испанского завоевания на юге Перу в горах преиму-

щественно разговаривали именно на кечуа, тогда как обитатели *пуны* повсюду пользовались языком аймара. Некоторые авторы полагают, что именно испанцы первыми назвали этот язык именем области, где он применялся столь характерным образом. Но нельзя отвергать и другую гипотезу, согласно которой это наименование существовало и до Конкисты, по крайней мере, на юге Перу. Действительно, во всех регионах, расположенных к югу от Куско, скорее термин *кечуа* (или его современные варианты *кесуа* и *кишуа*), а не *рунасимми* в самом этом языке встречается чаще. Если перенос наименования с экологического яруса в область языка был произведен испанцами, можно предположить, что термин, использовавшийся в кечуа, должен был сохранить след своего перехода через испанский, то есть поменять свое увулярное произношение (несуществующее в испанском) на произношение велярное, и стал **кечуа* или **кесуа*. Следовательно, вполне возможно, что уже сами инки называли *кечуа* тот язык, который заимствовали у своих западных соседей, выращивавших маис.

АЙМАРА

В инкскую эпоху географическая область языка аймара была гораздо более широкой, нежели сегодня. Куско находился на самой южной передо-

вой полосе географической области языка кечуа, но был со всех сторон окружен провинциями, в которых пользовались аймара, не только с южной стороны, но и также и в областях *пуны*, расположенных к северо-западу от столицы, вплоть до окрестностей Лимы. Одна из этих провинций, та, которую испанцы называли «des Aymares» (она находится в современном перуанском департаменте Апуримак), и дала свое имя этому языку, возможно, потому, что инки считали обитателей этой провинции, к слову, своих ближайших соседей, носителями именно этого языка. Все указывает на то, что язык аймара знаком инкам с чрезвычайно давних времен. Те скудные свидетельства, коими мы располагаем относительно форм языка аймара, которые были разговорными в тех регионах, где сегодня этого языка уже не существует, указывают на то, что уровень его диалектического разнообразия вполне сопоставим с тем же уровнем языка кечуа, более распространенного между Куско и Лимой, нежели между Куско и южными возвышенностями. Согласно современным гипотезам, **первый очаг распространения языка аймара** находился в горах восточной части перуанских департаментов Аякучо и Уанкавелика. На юге Перу на аймара заговорили во времена Империи уари, тогда как в бассейне озера Титикака и в южных высокогорьях он, вероятно, появился уже после

падения Империй «среднего горизонта». Нынешний уровень наших познаний позволяет опровергнуть традиционную гипотезу, в соответствии с которой язык аймара мог быть языком Тиуанако. Языки семейства аймара структурно очень похожи на языки кечуа, как с фонологической, так и с грамматической точки зрения, и какая-то часть их лексики идентична либо очень близка. Однако наибольшую часть лексического запаса этих двух языков, а также их грамматических форм нельзя свести к общему первоисточнику, из чего следует, что **структурное сходство между языками кечуа и аймара объясняется их глубоким и продолжительным контактом в одном и том же географическом пространстве.**

ЯЗЫКИ СЕВЕРА ИМПЕРИИ

На крайнем севере Империи, в высокогорьях современного Эквадора, говорили по меньшей мере на шести языках. Речь идет, с севера на юг, о пасто (семейство барбакоа), отавало (семейство барбакоа), пансалео (неклассифицирован), пурууа (неклассифицирован), каньяри (неклассифицирован) и пальта (семейство хиваро). Все они исчезли в колониальную эпоху (будучи замененными кечуа), оставив следы лишь в топонимии и в некоторых терминах, перенятых языком, пришедшим

из Перу. Из того немногого, что нам известно об этих языках, можно сделать вывод, что в определенных аспектах они похожи на те языки, которыми пользовались больше на севере, в современной Колумбии, а не на языки центральных Анд, вроде мочика, кечуа и аймара.

На северном побережье Перу, в долине Пиуры, говорили на сечура и тальяне, из которых мы располагаем коротким перечнем слов. Мочика является единственным языком побережья, который был должным образом задокументирован (посредством письменной грамматики XVII века и нескольких наставлений новообращенным, опубликованных в колониальную эпоху). Вымер язык мочика, на котором говорили на побережье от долины Мотупе до долины Чикамы, но который был «основным языком» на значительно более широкой территории, в середине XX века. Он имел крайне ограниченный набор общих слов с кечуа и аймара — результат обоюдных заимствований — и глубоко отличался от них со структурной точки зрения. От долины Чикамы до долины реки Санта, в самом сердце того, что некогда было Империей чиму, говорили на кингнаме, из которого до нас дошли лишь несколько слов.

Язык кечуа не получил широкого распространения в горах севера Перу, даже несмотря на то, что в некоторых местах укоренился весьма проч-

но. В инкскую эпоху одним из наиболее значимых языков этого региона был кулье, которым пользовались в провинции Уамачуко и который известен нам лишь небольшим перечнем слов и топонимией. На восточных склонах Анд, к западу от реки Мараньон, в провинции Чачапояя, на не менее обширной территории, говорили на языке чача, — нам он знаком еще меньше, чем кулье. Языком чолон пользовались в той области, что простиралась от бассейна реки Мараньон до бассейна реки Укаяли, где сегодня находятся руины поселений Гран-Пахатен и Эль-Абисео. Народы, которые говорили на этом языке, судя по всему, держали под контролем торговлю между высокогорьями центральной части северного Перу и Амазонии. Чолон нам известен грамматикой колониальной эпохи.

ЯЗЫКИ ЮГА ИМПЕРИИ

Горные регионы, расположенные между реками Санта и Апуримак, были почти исключительно областью языков кечуа и аймара. На юге эти два языка или два лингвистических семейства «сосуществуют» со многими другими. Несмотря на то что инки говорили на кечуа и аймара, сохраняли они и свой собственный язык, который не пережил первых десятилетий колонизации, но оставил некоторые следы в лексике кусканского кечуа. Конкиста-

дор Педро Писарро называет его «самым заумным из всех [языков Перу]», вероятно, намекая тем самым на то, что он был похож на два основных языка горной части Империи и был знаком разве что инкам, но не другим народам.

Также прописавшееся на юге могущественное племя *колья*, которое долгое время соперничало с инками, пользовалось языком *пукина*, который нам знаком лишь по нескольким письменным наставлениям новообращенных и спискам слов, позволяющих констатировать, что язык этот не был близок к аймара или кечуа. В XVI веке на пукина говорили на севере и востоке бассейна озера Титикака, в нескольких регионах современной Боливии, а также в зоне, тянувшейся примерно от Арекипы до Такны. Благодаря присутствию на столь обширной территории, пукина признавался испанскими колониальными властями четвертым «основным языком» Перу. Высказывалось предположение, что он мог быть языком Тиауанако.

На языке урукилья говорили в южной части верхнего плато, к югу от озера Титикака. В эпоху Испанского завоевания носители этого языка сосредоточились по всей западной части горного боливийского плато, от озера Титикака до провинции Липес. Зачастую, но не всегда, говорившие на этом языке отличались своим образом жизни от окружающих их пастушеских и земледельческих

народов, которые пользовались аймара: они жили у озер, рыбака, охотясь или создавая изделия из тростника. В инкскую эпоху территории, занимаемые пукина и урукилья, выглядели едва сохранившимися островками на фоне господствовавшего в южных регионах языка аймара.

На крайнем юге *Тауантинсу́йу* лингвистическая разнообразие возрастает. На атакаменьо (или кунса) говорили в регионе пустыни Атакама, а также, чуть севернее, вдоль русла рек Лоа и Саладо и на территориях, примыкающих к Аргентине. Вымер этот язык в конце XIX века. На северо-западе Аргентины наиболее распространенным языком был диагите или какан. На нем говорили в части современных провинций Кахамарка, Ла Рьоха, Сальта, Сантьяго-дель-Эстеро и Тукуман, а также на севере Чили, где он выступал в качестве языка-посредника между атакаменьо и мапуче. В провинциях Тукуман и Сантьяго-дель-Эстеро диагите «сосуществовал» с тонокоте. В этих регионах говорили и на других языках, так, например, знаменитая долина Умауака тоже имела собственный язык.

КИПУ

В Андах основным средством художественного выражения был текстиль, который и стал основой для системы письма, разработанной древними пе-

руанцами. Андская цивилизация была единственной из всех древних цивилизаций, кому удалось развить трехмерную систему письма, то есть такую систему, в основе которой лежат не знаки, начерченные или выгравированные на ровной поверхности, но веревки, снабженные узелками, кипу. Последние исследования действительно свидетельствуют о том, что кипу не были «помощниками» памяти, мнемотехническими средствами, но состояли из знаков, наделенных условными значениями. Из исторических источников нам известно, что они позволяли одновременно и подсчитывать имущество и услуги, и записывать стихотворные или повествовательные тексты. До нас дошло примерно 600 экземпляров кипу, две трети из которых, как представляется, служили для записи цифровой информации. Ученым удалось дешифровать те знаки, что указывают на количество, но не те, которыми обозначены подсчитываемые единицы. Таким образом, можно прочесть на кипу цифровое значение 234, но нельзя ответить на вопрос: «234 чего?»

Кипу состоит из первичной веревки диаметром от 0,5 до 1 см, на которой закрепляются вторичные веревки различных цветов, снабженные узелками. Зачастую к вторичным веревкам привязываются веревки третьего порядка и т.д., вследствие чего многие из кипу таким содержат по не-

сколько сотен веревочек. Одна из самых больших (среди тех, что известны нам) насчитывает их более 1500.

Большинство операций, которые предполагали использование кипу, были бинарными, то есть состояли в выборе между двумя возможностями: крутить веревку влево или вправо, кверху или книзу, позади или спереди другой веревки, выбрать

Счетовод с его «кипу» и абаком
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)

веревку из хлопка или из шерсти, окрашенную или же нет. Судя по всему, каждое понятие складывалось за счет некой особой комбинации этих выборов, наподобие того, как какая-либо вычислительная система кодифицирует каждую букву алфавита. Подсчитано, что кипу могли таким образом кодифицировать 1536 знаков, что позволяло им функционировать как скоропись, сопоставимая с иероглифическим письмом древних египетян или майя. Одной из уникальных черт этой системы является то, что чтение кипу было не только визуальным, но и тактильным.

Кипу (согласно иезуиту Хосе де Акоста, 1589 г.)

Кипу — это памятные книжки или реестры, сделанные из сложных веревочных сплетений различных цветов и узелков, обозначающих всевозможные вещи. То, чего им удалось выразить в этой области, невероятно; так как все то, что могут передать книги относительно истории, законов, ритуалов и счета, кипу подменяют так точно, что это уму непостижимо. Держали эти кипу или реестры специальные служащие — сегодня их называют «*кипу камайю*», — которым, как здесь публичным писателям, предписывалось вести учет каждой вещи; таковым приходилось доверять во всем. Суще-

ствовали различные кипу или «разветвления» для различных тем, вроде войны, управления, налогов, церемоний, земель. И каждый пучок имел такое же [как и тем] количество узелков, малых и больших, и привязанные к нему нити; одни были красные, другие — зеленые, третьи — синие, четвертые — белые; и наконец, имелось столько различий, что пояснение их заняло у нас восемьдесят писем.

По всей видимости, главной функцией этой системы письма являлся учет трудовой деятельности и подсчет произведенных товаров. Но кипу позволяли также картографировать пространство, в котором записывались эти экономические данные. Нам, к примеру, известно, что от находившегося в Куско храма Кориқанча отходили 42 воображаемые линии, или *сику* (испанцы транскрибировали их как «секе»), которые не были прямыми, но соединяли, не пересекаясь, 333 (по другим свидетельствам — более 400) мест культа — скал, пещер, холмов, ущелий, источников, храмов — в окрестностях столицы. Различные роды инков несли ответственность за их содержание. Вербочки с узелками, на которых были представлены эти священные места, позволяли вести подсчет жертвований, людей, их совершавших, и земель или же скота, связанных с культом этих мест.

Испанская колониальная администрация быстро поняла, какую выгоду она может извлечь из существования в каждой общине лиц, способных вести подсчет податей или налогов, поставляемых королевству. На протяжении десятилетий она поощряла сохранение этой семиотической системы, которую испанцы, насколько мы знаем, никогда даже не пытались понять или описать. Таким образом, бухгалтерские кипу продолжали использоваться андскими общинами и после краха инкской империи, а в некоторых случаях — до начала XX века.

VIII

ИСКУССТВО

Выражение «инкское искусство» распространяется на предметы и постройки, произведенные в стиле, присущем элите Куско начиная с первой половины XV века. Художественные традиции покоренных народов отнюдь не меняют направленности инкского стиля (за некоторыми исключениями, вроде тех случаев, когда к инкской керамике примешиваются традиции племен *чиму* или *чинча*). Ознакомиться с образцами этой продукции подданным Инков удавалось главным образом во время празднеств, периодически проводившихся в провинциальных центрах. Подобные пиршества проходили в окружении произведений инкской архитектуры, с привлечением всевозможных инкских керамических изделий; в качестве приношений *уака* и Солнцу публично сжигались одежды инкского стиля; касики получали в дар ценные инкские ткани и золотые изделия. Этими обстоятельствами можно объяснить две основные характерные черты инкского искусства. **Первой**

*Возможное абстрактное изображение пещеры,
из которой вышли Манко Капак, его братья и сестры
(согласно местному хронисту Пачакути Ямки)*

является его высокая степень стандартизации: так как инкская художественная продукция должна была быть легко опознаваема среди множества местных стилей, производством ее занимались ремесленники, работавшие непосредственно на государство, которое неукоснительно следило за тем, чтобы выпускаемые ими изделия сохраняли свою самобытность. **Его вторая черта — это поиск гармонии и радости:** поставляя украшения на празднества, воспевающие щедрость Инки, имперское искусство не могло состоять из образов правителей, армий и карающих богов. Оно предпочитало идти путем геометрической абстракции и натуралистического представления животных, растений и людей. По этим причинам оно «классично» в своем поиске ясности, понятности, равновесия и симметрии. Между архитектурой или керамикой Куско позднего переходного периода и имперской эпохи не наблюдается никакой последовательной эволюции, из чего можно сделать

вывод, что инкский стиль есть плод художественной революции, возникшей, судя по всему, в результате вмешательства власти в эстетические вопросы. Инкское искусство пожелало быть новым искусством для новой эры.

ТЕКСТИЛЬ

С самых своих истоков андская цивилизация отдает приоритет текстилю как средству художественного выражения и предмету ценности. Свидетельством тому, например, служит тот факт, что эмблема инкской верховной власти, *маскапайча*, была полоской ткани, покрывавшей лоб правителя, а не короной из драгоценного металла, как в Европе. Наиболее древние андские ткани из числа нам известных датируются примерно 9000 г. до н.э., и их декор оказал немалое влияние на те узоры, что появлялись на инкской керамике, золотых и серебряных изделиях и даже в архитектуре. В середине II в. до н.э. на побережье начинают выращивать хлопок, а ближе к 1800 годам до н.э. возникает ткачество. Даже та система письма, которой пользовались древние перуанцы, кипу, проистекает от искусства обработки текстиля. Ничто не представляло для инков бóльшую ценность, чем ткани. Именно ткани они преподнесли в дар испанцам, когда те высадились на берег в Кахамарке,

и очень удивились тому, что чужеземцы совсем не оценили эти подарки, обратив свои взоры лишь на серебро и золото.

Андские ткачи производили главным образом одежду. То был главный подарок, который получали юноши, совершая ритуал перехода в зрелый возраст, и который Инки делали представителям своей знати. Испанцы обнаружили множество складов, заполненных одеждой, производившейся по приказу Верховного Инки для поощрения служивших у него солдат и *кураков*. Текстильная продукция, несомненно, являлась вторым экономическим приоритетом инков после сельского хозяйства. По причине дождливого климата Анд до нас дошло не так уж и много образчиков инкского стиля. И напротив, пески побережья, где никогда не идут дожди, сохранили тысячи тканей, датированных более ранними эпохами, зачастую — в очень хорошем состоянии. По сути, все производившиеся текстильные изделия можно разделить на два типа. С одной стороны, существовали обычные — гладкие и одноцветные — ткани, называемые просто *ауаска* («ткань»), которые изготавливались в домашних условиях и предназначались для простонародья. Они были из шерсти альпаки в высокогорьях и из хлопка на побережье. Шерсть ламы, менее нежная и мягкая, нежели шерсть альпаки, обычно использовалась для производства одеял,

сумок и веревок. С другой стороны, наличествовали и дорогие материи, называемые *кумпи* и распространявшиеся среди представителей элиты общества, — производство этих тканей контролировалось властями. Несмотря на то что во многих дворцах и храмах имелись гобелены и ковры, основную часть текстильной продукции все же составляла именно одежда. *Кумпи* изготавливались из шерсти альпаки или викуны согласно технике вышивки по канве, в соответствии с которой узор полностью покрывает ткань. Характерной их особенностью является очень яркий декор, причем наибольшую слабость инки питали к красному, желтому и пурпурному цветам. Некоторые из *кумпи* полностью покрывались маленькими переливающимися перьями птиц, обитавших в тропических лесах. Конкистадор Педро Санчо де ла Ос упоминает о существовании склада, содержавшего примерно 100 000 сушеных птиц, перья которых предназначались для производства текстильных изделий. Некоторые одежды обшивались золотыми и/или серебряными зернами бисера или даже жемчугом, обнаруженным в раковинах моллюсков, так что не было видно ни одной нитки, будто это была очень густая кольчуга. Золото и серебро у инков ассоциировались с Солнцем и Луной соответственно, поэтому такие наряды надевали, как правило, во время проведения различных рели-

гиозных церемоний. Поверхность *кумпи* столь плотна и однородна, что испанские хронисты сравнивали эти ткани с фламандскими гобеленами и даже с шелком. Те немногие туники-*кумпи*, что дошли до нас, доказывают, что ткачи, работавшие на Инку, в совершенстве владели одной из лучших техник вышивания в мире. В некоторых тканях на один квадратный сантиметр приходится до нескольких сотен нитей.

Одеяние Атауальпы (согласно Педро Писарро, 1571 г.)

Женщины приносили ему еду и ставили ее перед ним на тонкие зеленые побеги тростника... Они ставили все сосуды из золота, серебра и глины на этот тростник. Он указывал на то, чего бы ему хотелось, и это ему подносили. Одна из женщин брала это блюдо и держала в руке, пока он ел. Так он ел, когда я однажды присутствовал при этом. Кусочек еды поднесли ему ко рту, и одна капля упала на его одежду. Подав руку индианке, он встал и ушел в свою комнату, чтобы переодеться, и вернулся, одетый в темно-коричневую тунику и плащ. Я подошел к нему и потрогал плащ, который на ощупь был мягче шелка. Я спросил у него: «Инка, из чего сделана такая мягкая одежда?» Он мне ответил: «Она сделана из тех птиц, что

летают по ночам в Пуэрто-Вьехо и Тумбесе, которые кусают индейцев, как и испанцев во время их конных прогулок, и пьют их кровь». Так он объяснял, что она сделана из кожи летучих мышей, цвет которых она имела. «А где можно собрать столько летучих мышей?» — спросил я. «Эти псы в Тумбесе и Пуэртовьехо только тем и занимались, что ловили летучих мышей, чтобы изготовить этот плащ, предназначавшийся для моего отца», — ответил он.

Узоры, появлявшиеся на инкских текстильных изделиях, являются абстрактными и в этом резко отличаются от гораздо более фигуративных мотивов предыдущих культур. Похоже, они задумывались как знаки, указывающие на статус и должность того, кто эту одежду носил. Действительно, эти наряды однообразны и выполнены в ярких тонах, словно и создавались для того, чтобы уже один их вид говорил о многом большинству людей. Нижняя часть мужских туник и женских платьев кимпу напоминает настоящее панно, состоящее из небольших квадратов, в которых изображены различные геометрические фигуры, *токапу* («великолепные»). В одном из испанских документов XVI века говорится о том, что эти фигуры представляли собой провинции, завоеванные или контролируемые тем, кто эту одежду носил.

Этим, на наш взгляд, объясняется, почему распределение *кумпи* среди членов провинциальных элит являлось прерогативой правителя или его представителей: вынуждая *кураков* носить одежды инкского стиля, на которых были символически изображены племена и провинции, находящиеся под его властью, Инка напоминал своим подданным, что своей властью местные вожди обязаны именно ему.

АРХИТЕКТУРА

Наряду с текстилем архитектура является тем средством художественного выражения, к которому инки проявляли наибольший интерес. Почти вся территория Империи инков несет на себе след их архитектуры, пусть даже в провинциях та менее изысканна, чем в столице и в столичном регионе. Инки создали такой архитектурный стиль, который разительно отличается от стиля местных построек: двери, окна и ниши имеют трапециевидную форму (прежде история подобных примеров не знала); стены немного наклонены внутрь, под углом от 4 до 6 градусов; в наиболее престижных жилищах у дверей и окон — двойные косяки и рамы соответственно, камни, из которых сложены стены, тщательно подогнаны друг к другу и искусно отполированы. В строениях наивысшего статуса

Кладка стен, покрывающих склон холма в Тамбомачай

(храмах, дворцах) камни обтесаны так, что имеют форму полушук, что создает игру тени и света, которая меняется по мере движения солнца.

Благодаря этому методу инкские строения хорошо видны даже с большого расстояния, притом что угол наклона соломенных крыш, иногда поднимающихся втрое выше, нежели стены постройки, которую они покрывают, составляет порядка 60 градусов. Для обтесывания и шлифовки камней инки использовали речные валуны, которые заменяли им молотки. Затем каменные блоки поднимались за счет силы рук и при помощи растительных веревок до места строительства, где собирались воедино. Большинство зданий воздвигались из наполовину обтесанных или вовсе не обтесанных камней, которые скреплялись глиняным раствором.

Другие жилища строились из самана, в том числе и самые изысканные. У многих нижняя часть стен была из камня, верхняя — из кирпича-сырца. Стены, обработанные зачастую небрежно, как правило, обмазывались затем мастикой и выкрашивались в яркие цвета, — такая расцветка, впрочем, была присуща всем жилищам на побережье с самых древних времен. Археологами на инкских постройках были обнаружены следы красной, черной и кремовой краски. **На центральном и южном побережье**, где они возвели относительно

Дворец Инки на острове Титикака (Кольясуйу)

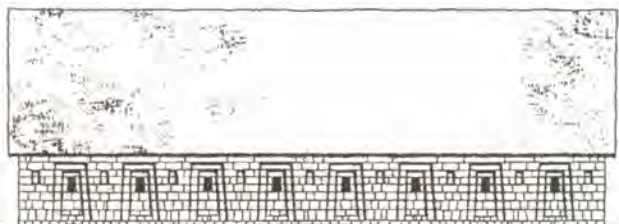
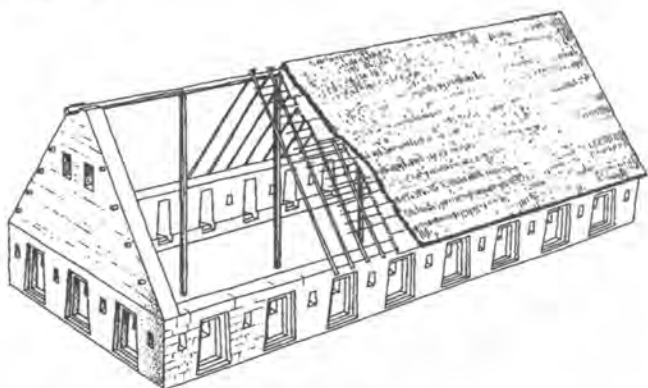
немного жилищ, **инки применяли системы строительства, подходящие для данного региона.** Наиболее характерной, сугубо инкской чертой является трапециевидная форма дверей, окон и ниш. Все остальное (саманные стены, земляной пол, плоские крыши, сложное устройство внутренних помещений) выдает местные традиции. Прекрасным примером инкской постройки, возведенной в соответствии с техникой и согласно концепции, присущей побережью, может послужить административный центр Тамбо-Колорадо: в нем мы находим множество комнат, соединяющихся одна с другой и выходящих на дворы и коридоры, — всё, как в жилищах местной знати.

Набор декоративных форм крайне ограничен. Инки «не тратят времени» на лепные орнаменты, карнизы, пилястры и берельефы. Их архитекту-

ра контрастирует в этом с архитектурой племени *чиму*, которая, однако же, им прекрасно известна. О важности, значимости здания свидетельствует качество обработки камней. Такой выбор, вероятно, обусловлен задачей быстро пометить завоеванные территории печатью инкской архитектуры: государственные служащие, призванные повсюду контролировать ход работ, проходят — судя по всему, в Куско — простой курс, достаточный для того, чтобы четко и точно применять полученные сведения на практике, благодаря мобилизации по всей Империи рабочих, ремесленников и местного сырья.

До имперской эпохи инки не имели какой-либо определенной архитектурной традиции. Их архитектура — новое творение, в котором присутствуют черты самых различных моделей. Обработка стен весьма напоминает ту, которую можно наблюдать в Тиауанако. Хронист Педро Сьеса де Леон сообщает, что он слышал «утверждения индейцев, что Инки строили свои огромные сооружения в Куско по форме, какую, как они увидели, имеет крепостной вал или стена в этом селении [Тиауанако]». Похоже, тиауанакское искусство обтесывания камней поддерживалось вплоть до инкской эпохи каменщиками-индейцами из племен *лупака* и *колья*, которых инки мобилизовали для возведения построек в Куско. Что до концепции

Храм Солнца в Уайтаре (Чинчасуйу)

канча, то она, как представляется, была позаимствована у архитектуры индейцев *чиму*, — в их столице, Чан-Чане, инки могли восхищаться самыми величественными дворцами из существовавших тогда в Южной Америке. Жители Куско переняли модель, пришедшую из того края, где нет дождей, но которая абсолютно не подходит к суровому горному климату: в *канча* не существовало внутреннего сообщения между комнатами, так что для того, чтобы перебраться из одной в другую, необходимо было покинуть дом, выйдя на холод или под дождь.

Быстро перейдя от простой сельской жизни к существованию могущественной аристократии, инки, судя по всему, попросту не успели создать удобное и подходящее для их среды жилище.

Правители Тауантинсуйу стремились к созданию таких архитектурных конструкций, которые могли бы увековечить и возвеличить их имя. По сути, для любого Инки архитектура была главным способом занять достойное место в династической памяти и гарантировать после своей смерти авторитет того рода, основателем которого он являлся, поэтому сразу же после восшествия на престол каждый из них приступал к строительству нового дворца. Даже *Атауальпа*, правление которого получилось крайне коротким, успел возвести таковой – в Каранки, рядом с Кито. Так как дворцы являлись своеобразными памятниками тому или иному правителю, всякий Инка старался создать свой собственный архитектурный стиль, не нарушая тем не менее эстетических канонов, установившихся в первой половине XV века. **Архитекторы Пачакути играли на контрасте между формами возводимыми и формами естественными:** становясь частью ландшафта, здания находили опору в виде скал самой причудливой формы, которые в итоге оставались нетронутыми либо лишь слегка обработанными, иногда получая «дополнение» в виде стен; из окон открывались самые

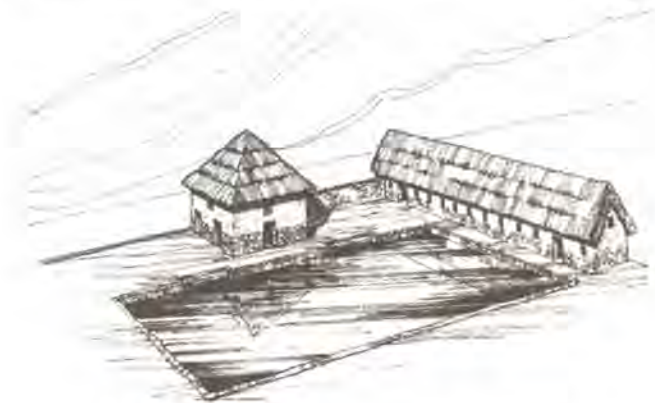

Внешний вид дворца Киспигуанка

восхитительные виды. Уайна Капак делал все для того, чтобы превзойти предшественников, приказывая возводить здания более массивные и высокие, нежели уже имевшиеся. Уже не так сливаясь с пейзажем, архитектура его правления «смотрела» внутрь, во двор, в частности на бассейны, в которых отражались строения. Одним из наиболее ярких примеров такого зодчества является дворец *Киспигуанка*, находящийся неподалеку от современного городка Урубамба.

Дом Инки в Кахамарке (согласно Франсиско де Хересу, 1534 г.)

Дом Атабалипы [= *Атауальпы*], расположенный в центре его владения, хоть и небольшой по размерам, но выделяется среди других домов индейцев; это квадрат с внутренним двором, в котором устроен бассейн, туда течет

Деревенская резиденция эпохи Уайна Кака

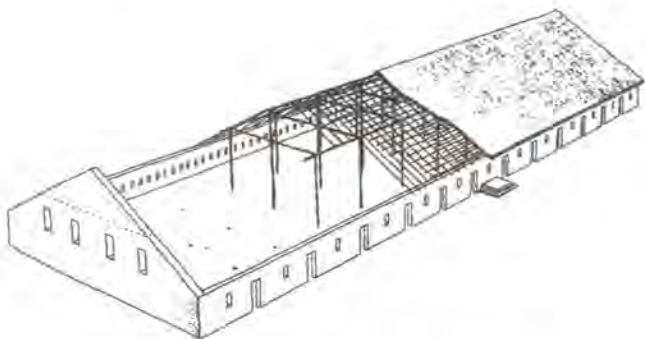
по трубе такая горячая вода, что в нее нельзя даже опустить руку. Горячая вода вытекает поблизости из горной скважины. По другой трубе подведена холодная вода, неподалеку эти трубы соединяются, и вода, смешавшись, попадает в бассейн; когда же нужна только холодная или только горячая вода, одну из труб перекрывают. Бассейн большой и выложен камнем, а за домом выложен еще один бассейн, но сработанный гораздо хуже; в него спускаются для купания по каменным ступеням. Целый день Атабалипа проводил на нависшей над садом террасе, с которой попадал прямо в спальню; окно этой комнаты выходит во внутренний двор с бассейном, а с террасы тоже можно спуститься во внутренний двор. Стены в доме просмолены и покрыты охряной кра-

ской, этот ярко-красный цвет выглядит очень красиво, и деревянные балки, поддерживающие крышу, выкрашены в тот же яркий цвет; у комнаты, в противоположной спальне, потолок разделен на круглые, как колокол, четыре свода, собирающиеся в центре; стены здесь покрыты известью, белые как снег. Два других помещения предназначены для слуг. Дом этот стоит на берегу реки.

Среди наиболее величественных сооружений, воздвигнутых инками, фигурируют огромные, очень длинные строения с двускатной крышей, поддерживаемой столбами, врытыми в землю на протяжении всей продольной оси, — археологи называют их «кальянка».

Подобные постройки могли достигать 70 с лишним метров в длину и имели множество дверей с одной стороны — той, что выходила на площадь, на краю которой эти здания всегда располагались. Самой большой «кальянкой», несомненно, является та, что являлась частью дворца *Уайна Капака* в Куско и выходила на «Площадь Отдыха» (*Аукайна-та*). Огромные деревянные балки, установленные на каменных фундаментах, поддерживали ее крышу, и конкистадор Педро Писарро утверждает, что в ней могло вместиться 4000 человек. Другое здание этого типа, обнаруженное в Инкальякте (древ-

«Кальянка» в Инкальякте (Кольясуйу)

няя Покона), к востоку от Кочабамбы, в Боливии, имело еще большую вместимость — до 6000 персон. Его размеры — 78×26 м, то есть 2028 кв. м, а фасад насчитывает двенадцать дверей, перемежающихся с тринадцатью окнами. После Храма Виракочи в Ракчи (древняя Кача), площадь которого составляет 2323 кв. м, это самое большое сохранившееся инкское сооружение.

Даже созданная инками сельскохозяйственная инфраструктура свидетельствует о том, что беспокоило ее творцов: широкая сеть орошаемых террас, изрезающих склоны долин рек Уатанай и Вильканота, вокруг Куско, являлась не только экономической необходимостью, но и выражением заявленного инками идеала продуктивного развития, и эстетика здесь выглядит столь же важной, как и функциональность. В сезон жатвы маисовые поля, громоздившиеся друг над другом на террасах

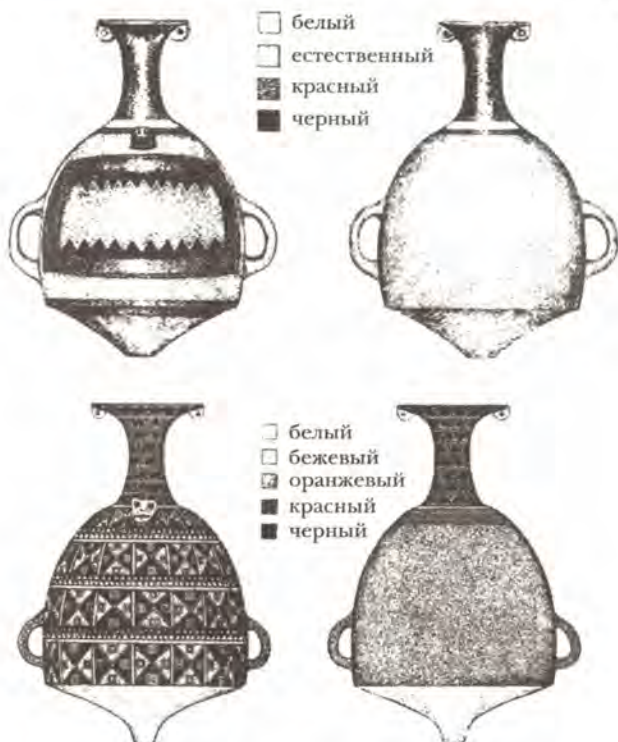

из серого песчаника в Писаке — владении *Пачакутти*, — представляли собой золотисто-серебристые дали, и это множество раз воплощали инкские мастера в своих ювелирных изделиях.

КЕРАМИКА

Равным образом инки создали и характерный керамический стиль. За пределами метрополии инкская керамика обнаруживается главным образом в столицах провинций, тогда как продукция коренных народностей крайне редко имитирует продукцию инкскую. Ради того чтобы иметь в своем распоряжении все необходимое для выражения церемониального гостеприимства, государство всячески поощряет обучение гончаров, их размещение и сосредоточение в крупных городах или в ремесленных деревнях, находящихся в непосредственной близости от залежей глины. Так, 40 % керамики, обнаруженной в резиденциях элиты уанка, в деревнях верховья реки Мантаро, принадлежат к инкскому стилю и были изготовлены в *Атун-Шауше*, центре провинции, созданной жителями Куско.

Наиболее типичной формой инкской керамики, несомненно, является «**арибалл**» (*макас* на языке кечуа), сосуд для переноски маисового пива. Судя по изображениям, арибалл носили на спине,

Арибалл (макас) с открытым горлышком

где он закреплялся посредством веревки, пропускавшейся через ручки сосуда.

Этот сферической формы сосуд имеет коническое основание, которое позволяет ему надежно стоять в углублении, специально проделанном для этой цели в земле. Его более или менее продолговатое горлышко представляет собой расширяющийся венчик. Именно в арибалле наилучшим образом выражается коллективное велико-

*Красная
с черным
ваза (айсана)*

*Красная
с черным
тарелка (пуку)
в форме
кондора*

*Каменная
скульптура,
изображающая пуму*

душие Инки, потому что он содержит напиток, который правитель преподносит своим подданным во время периодических собраний в центрах провинций. Простота, строгость и элегантность являются правилом в использовании линий и небольшого числа цветов, обычно сводящегося к двум: на темно-красный либо оранжевый фон черным, оранжевым, желтым или белым цветом наносится некий рисунок, практически всегда состоящий из геометрических фигур — ромбов, кругов, полос, лент и треугольников.

ПРОИЗВОДСТВО ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Если в производстве ткацких изделий и росписи керамики одной из отличительных черт инкского искусства является геометрическая абстракция, с круглыми скульптурами из металла или камня все обстоит иначе — они в высшей степени натуралистичны.

От своих предков инки унаследовали одну из совершеннейших металлургических технологий в мире; они очень ценили гибкость, прочность и чистоту золота и серебра, металлов, которые для них представляли гораздо меньшую ценность, чем для европейцев. Не развив излишнее, по их мнению, искусство в доимперскую эпоху, инки перевезли в

Куско золотых и серебряных дел мастеров из племени чиму, которые и занялись производством предметов в новом стиле. Как правило, они старались изображать людей, животных и растения, иногда – в натуральную величину.

Рассказывая о разграблении дворцов и храмов Куско (1534 г.), конкистадор Педро Санчо пишет: «Среди других диковинок нельзя было не восхититься четырьмя большими золотыми баранами [=ламы] тончайшей работы и десятью или двенадцатью статуями женщин, того же роста, как у всех женщин этого края, – все они были изготовлены из чистого золота, да так искусно, что казались живы-

Серебряная лама

ми». Описывая те же статуи, его товарищ Мигель де Эстете замечает: «Должно быть, они были созданы по образу неких умерших дам, так как за каждой из них ухаживали пажи и женщины, которые прислуживали им и обмывали их с такими покорностью и почтением, словно они были живыми». К сожалению, лучшие золотые и серебряные инкские изделия были переплавлены испанцами в слитки.

Серебряные человеческие фигурки

*Инкский полководец, «выпивающий» с Солнцем
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)*

Мастера, работавшие на Инку, изготавливали также и чеканные золотые или серебряные кубки — *акилья*, — всегда используемые попарно и предназначенные для ритуального выпивания маисового пива.

Подобные кубки производились в том числе и из дерева, вследствие чего назывались «коро» (от

слова *кифу*, «дерево»). Из таких сосудов пили исключительно представители элиты общества. Когда какой-нибудь знатный инка наносил визит одному из себе подобных, он являлся в гости с парой кубков, в которые хозяин приказывал налить майсового пива, после чего они вместе «выпивали». Затем гость и радушный хозяин пили уже из пары кубков, принадлежавших последнему. Как и на одеждах *кумпи*, на инкских чеканных *акилья* либо инкрустированных *кери* были изображены те же абстрактные фигуры квадратной формы (*токапу*), которые можно обнаружить на одеяниях элиты. Правитель преподносил эти пары кубков представителям провинциальной знати в дар вместе с одеждами *кумпи*. Так он оказывался вовлеченным в церемониальные отношения, которые поддерживали между собой эти местные богачи, когда, одевшись в подаренные Инкой тунки, они выпивали из *акилья* или *кери*.

В верхней, открытой своей части все эти кубки — как золотые и серебряные, так и деревянные — имеют диаметр несколько больший, нежели в основании, что придает им расширяющуюся форму. Однако предшественник этой очень характерной фигуры находится в Тиауанако, чью культуру инки могли знать разве что с «археологической» стороны. В Куско даже были обнаружены инкские копии тиауанакских керамических кубков. То же касается и некоторых элементов архитектурного

стиля правления *Пачакути*, например, тщательной кладки стен Кориқанчи в Куско, «торреона» Мачу-Пикчу или Интиуатаны Писака, которая (кладка) с виду ничем не отличается от той, какую имеют постройки в Тиауанако. Складывается впечатление, что в этих стилистических элементах для жителей Куско материализовались некие мифические отношения с этим поселением. Таким образом, можно сказать, что искусство *Тауантинсу́йу* частично задумывалось в виде возврата к стилю метрополии верхнего плато, которым инки дорожили как местом, где появились на свет предки-родоначальники всех их родов, прежде чем отправиться завоевывать территории, занимаемые теперь их потомками. **Имитируя стиль изначальных мест проживания людей, инкское искусство, как представляется, воспекает воссоединение мира, на какое-то время распавшегося на части в результате рассеивания предков-родоначальников и последовавших за этим войн.**

ИНКСКОЕ ИСКУССТВО ПОД ИСПАНСКИМ ГОСПОДСТВОМ

Колониальное искусство Перу есть результат сложной истории разрушения и воссоздания. В 1570 году вице-король Толедо запретил изготов-

ление лепных изделий, производимых в соответствии с местными традициями. Эта мера, похоже, заметно повлияла на фигуративное искусство (керамику и производство золотых и серебряных изделий), но не на ткачество, которое, по мнению гражданских и религиозных властей, в сущности своей, никак не было связано с язычеством. После конкисты центральное место в андском художественном производстве занимают именно ткачество и обработка серебра и золота. Благодаря упорству местной элиты региона Куско, очень привязанной к инкской самобытности, которая узаконивает ее привилегии и политическую власть, **некоторые из фундаментальных выражений инкской эстетики сохранялись до начала XIX века.** В течение почти ста лет после Конкисты золотых и серебряных дел мастера продолжали изготавливать *акилья*, но, по причине высокой цены драгоценных металлов, наибольшую креативность местные жители проявили в производстве тканей и деревянных кубков (*кери*). Именно в XVII и XVIII веках искусство *кери* достигает апогея своего развития в регионе Куско и бассейне озера Титикака. **В первой трети XVI века здешние ремесленники обучаются техникам западного фигуративного искусства и начинают не только воспроизводить христианское религиозное искусство, но создают также и *кери*, иллюстрирующие сцены, которые вызывают в**

памяти инкскую историю, традиционные праздники и сельскохозяйственный цикл.

После краха *Тауантинсуйу* ткачи, специализирующиеся на изготовлении *кумпи*, покидают созданные Инками ремесленные деревни, начиная работать на представителей местной власти или состоятельных испанцев. За некоторыми исключениями, качество продукции падает, ткачи становятся менее искусными, хотя и подтверждают свой высочайший уровень еще на протяжении многих десятилетий. По сути, местные элиты заказывают одежды *кумпи* не для ежедневной носки — так как отныне они одеваются по испанской моде, — но для использования во время процессий и городских праздников, где касики и потомки инков дефилируют, вырядившись правителями и знатными особами былых лет. Таким образом, **ткани *кумпи* лишь поддерживают память о славных доколониальных временах**, а на парадной одежде возникают все новые и новые символы присоединения к инкскому прошлому. Все больше места занимают *токапу*, а на некогда однородном фоне одежд, по контрасту с геометрическим характером доиспанского набора текстильных узоров, все чаще и чаще появляются цветы, насекомые и представители семейства кошачьих.

IX

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДОСУГ

Хронисты крайне мало интересовались повседневной жизнью обитателей *Тауантинсуйу*, которую они иногда изображали заполненной одной лишь работой и регулируемой вплоть до самых интимных ее аспектов (вроде выбора супруга) представителями государства. Многие разрозненные сведения опровергают эту мрачную и суровую панораму, которую некоторые монументальные труды об инках продолжают, однако же, развивать и поддерживать. Праздников и увеселений, похоже, у инков хватало, и все они были неразрывно связаны с выполнением коллективных работ и религиозными церемониями. Иконография всех периодов истории древнего Перу изобилует изображениями музыкантов, инструментов и танцоров, а исторические источники подчеркивают важность музыки, пения и танца в будничной жизни андских народов XVI и XVII веков. Различные стороны частной жизни, особенно жизни семейной, образования и полового поведения,

к сожалению, все еще мало изучены, как не становилась объектом серьезных исследований и система инкского родства.

ИМЕНА

На протяжении жизни инки и подчиненные им народы неоднократно меняли имена. При рождении ребенок получал первое имя, за-

*Праздник в провинции Контисуйю
(согласно Фелипе Гуаману Поме, 1615 г.)*

частую обусловленное неким произошедшим в этот момент событием (например, словами, произнесенными его отцом или матерью или даже появлением какой-нибудь птицы). Имя он менял по случаю первого переходного жизненного обряда — «стрижки волос», — который отмечался, когда ему исполнялся один или два года. Второе изменение имени происходило во время обряда перехода во взрослую жизнь, лет в 14–15. Эти имена, как правило, складывались из двух слов, первое из которых было указанием или определением ко второму: *Сулька Уаман* «Младший Ястреб», *Чуки Льянту* «Тень Копья» (жена Уаскара). Эти составляющие, как представляется, иногда бывали заимствованы из наследия имен знаменитых предков и зачастую обозначали некое могущественное животное: пуму (*пума*), кондора (*контур*), змею (*амару*), ястреба (*уаман*) и т.д., так как предки-родоначальники, в представлении инков, дабы сразить врагов, были способны превращаться в животных.

Некоторые из компонентов инкских имен не находят объяснения в языке кечуа; вероятнее всего, своим происхождением они обязаны языку, присущему той или иной этнической группе: *Юпанки* (*Инка Юпанки*; *Тунак Юпанки*) — «Блестательный», *Рока* (*Инка Рока*) или *Майта* (*Майта Капак*) — «Могущественный». В XVI веке инки рассматривали

термин *юпанки* как некий почетный титул; в отношении женщин похожим образом использовался термин *окльо* («чистая»), который входит в состав многих женских имен, к примеру супруги и сестры *Манко Капака*, *Мамы Окльо* — «Матери Окльо». Те из имен инкских правителей, которые поддаются интерпретации, намекают на некую реальную характеристику того, кто их носит: *Льоке Юпанки* — «Юпанки Леворукий», *Атауальпа* — «Удачливый в Войне», *Тунак Амару* — «Блистательный Змей», *Атау Римаши* — «Тот, кто заставляет говорить Удачу». Похоже, правители получали новое имя сразу же после восшествия на престол, как *Инка Юпанки*, который хотел, чтобы его считали основателем империи, и приказал называть себя *Пачакути* — «Возвращение Эпохи», или *Тунак Куси Уальпа* — «Счастливый и Блистательный», — который стал *Уайна Капаком* — «Молодым Господином». Таким же образом имена, под которыми были известны некоторые персоны, похоже, являются не полученными ими в отрочестве, но говорящими, подобно фамилии, о некой характерной черте, приобретенной уже в зрелые годы: *Руминьяви* «Каменный Глаз» был безжалостным полководцем *Атауальпы*; *Атук* «Лис» — генералом *Уаскара*, вероятно, очень хитрым; *Утурунку Ачачи* «Старый Ягуар» — полководцем *Тунака Юпанки*, завоевавшим амазонский регион и убившим там ягуара. Некоторые были из-

вестны по названию места их рождения: *Кивар Ту-пак*, «Блистательный из Кивара», сын *Тупака Инки*, вероятно, родился в Киваре, неподалеку от Куско; *Уанка Ауки*, «Господин уанка», полководец *Уаскара*, был сыном *Уайна Капака* и некоей женщины из племени *уанка*.

Термины, составляющие имена женщин, зачастую указывают на элементы, относящиеся к женской сфере: *Кури Ильпай* «Женское Лоно», жена *Инки Роки*; *Куси Римай* «Слово Счастья», супруга и сестра *Уайна Капака*; *Чимпу Урма* «(Упавшая с неба) Частица (Лунного?) Сияния», жена *Инки Роки*; *Киспи Сиса* «Ясный Цветок», дочь *Уайна Капака* и сожительница Франсиско Писарро. Как и мужчины, женщины иногда получают имя по месту своего рождения: *Мама Рунтукайан*, «Матушка Рунтукайан», жена *Инки Виракочи*, была из одноименной деревни, а *Мама Анаварки*, «Матушка Анаварки», супруга *Пачакути*, родилась на возвышенности *Анаварки*, рядом с Куско.

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ

Для инков самыми знаменательными моментами жизни были первая стрижка волос, посвящение во взрослую жизнь, женитьба и смерть. Эти переходы сопровождались важными обрядами. Рождение, напротив, не давало повода ни к какой

особенной церемонии, вероятно, по причине высокой степени смертности новорожденных детей, так что **настоящим вхождением в жизнь считался переход из категории «грудное дитя» в категорию «ребенок», примерно в двухлетнем возрасте.** Переход этот сопровождался церемонией первой «стрижки волос» (*путучикуй*). По этому случаю родители и их друзья собирались вместе, чтобы выпить и потанцевать. Каждый отрезал прядь волос ребенка, которые тщательно хранились на протяжении всей его жизни.

Первая стрижка волос (согласно Гарсиласо, 1609 г.)

Их прекращали кормить грудью после двух и более лет и состригали первые волосы, с которыми они родились и которые до этого не трогали. Затем им давали собственное имя, которое они должны были иметь, для чего собирались все родственники, из которых выбирался один крестный отец ребенка, и он выстригал первый пучок волос. Ножницами служили ножи из камня, поскольку индейцы не сумели еще изобрести ножницы. За крестным отцом шли другие в соответствии со своим рангом, возрастом или достоинством, чтобы отстричь свой пучок волос у отлученного от груди; закончив стрижку, они давали ему имя и вручали

свои подарки, которые принесли; одни — одежду, другие — скот, другие — различные образцы оружия, другие давали ему золотые или серебряные кувшины для питья, и эти подарки должны были иметь признаки королевского отличия, которыми простым людям разрешалось пользоваться только по личной привилегии от инки.

Как только заканчивались подношения, наступало торжество пития, ибо без него не было доброго праздника. Они пели и плясали до ночи, и это ликование длилось два, три или четыре дня, а то и больше, в зависимости от родства ребенка.

Уже с детских лет человек в той или иной степени участвовал в хозяйственной деятельности: девочки помогали матери готовить и ткать, тогда как мальчики защищали скот от хищников. Наиболее сложным и запутанным обрядом был переход девушки или юноши во взрослый возраст, что давало им право создавать семью. Ритуал, который совершали мальчики лет четырнадцати—пятнадцати, инки называли *уарачикуй* («набедренная повязка»). Проводился этот обряд в декабре, в момент летнего солнцестояния, и состоял он из нескольких испытаний, имевших целью проверить способность юношей стать воинами. После нескольких

дней поста им предстояло бегом пересечь долину Куско, затем вступить в бой с другой такой же группой, причем в бой не шуточный, — зачастую после таких сражений уносили раненых, а случалось, и убитых. По окончании серии военных упражнений, юношам прокалывали уши, чтобы вставить в них традиционные для инков толстые кольца, затем им вручали набедренные повязки, которые свидетельствовали об их свежеприобретенном мужском статусе, давали им новые имена, и старейшины произносили речи. Равнозначный ритуал для девочек, *кикучикуй* («(первая) менструация»), был менее продуманным. После нескольких дней воздержания от пищи девушке наносили визит родственники, которым она подавала еду и напитки. По этому случаю ей давали взрослое имя, новые одежды и прочие подарки, после чего также осыпали наставлениями.

Женитьба — ключевой момент жизни: после нее каждый получает все свои права и обязанности. Создавая семью, то есть новую хозяйственную единицу, общинник в полной мере принимал повинности в пользу господина. Мужчины женились в возрасте 20–25 лет, девушки выходили замуж между 16 и 20 годами. Новая ячейка общества считалась окончательно созданной после строительства дома. Браки заключались внутри своей *лякта*, а возможно, даже и своего *айлью*, и селились моло-

дожены неподалеку от дома родителей молодого человека. Среди элит правилом были полигамия и браки с представителями других народов, очень распространенные, так как они позволяли укрепить политические союзы.

Бракосочетания простолюдинов (согласно Гарсиласо, 1609 г.)

При бракосочетаниях простолюдинов советы каждого селения были обязаны построить дома для своих молодоженов, а приданым их обеспечивала родня. Им не был дозволен брак ни между жителями одной и другой провинциями, ни между жителями одного селения с другим; все они женились в своих селениях и внутри своей родни (как племена израильтян), чтобы не смешивать род и не перемешать бы народы одни с другими. Исключение составляли только сестры, а все жители одного селения и даже одной провинции считались родственниками (наподобие пчел из одного улья), поскольку они принадлежали к одному народу и говорили на одном языке. Им было также запрещено переходить жить из одной провинции в другую, или из одного селения в другое, или из одного городского квартала в другой, дабы декурии [общности из десяти хозяйств], которые составлялись из жителей каждого се-

ления и квартала, не перепугались бы, а также потому, что дома строились советами, и они не должны были строить их более одного раза, и делалось это в том же квартале или по соседству со своими родственниками.

О концепциях, относящихся к рождению и воспитанию человека, нам почти ничего не известно. В любом случае, как представляется, жизнь рассматривалась инками не в виде пути, который имеет свое начало и свой конец, но как некое становление с размытыми границами, состоящее из сменяющих друг друга жизненных периодов, возможно, наподобие сельскохозяйственного года, который также не имел ни начала, ни конца.

Смерть виделась инкам продолжением жизни.

Тела усопших помещались в сидячем положении в каменные укрытия или в погребальные башни, где, защищенные от дождя, контакта с землей и продуваемые ветрами, они усыхали, несколько не разлагаясь. Их облачали в лучшие одежды, ставили с ними рядом посуду, оружие и рабочие инструменты (веретена, сети для рыбной ловли и т.д.), чтобы они и в загробном мире могли заниматься необходимой для их существования деятельностью. В течение пяти дней после кончины душа умершего (*супай*) продолжала скитаться в тех местах, которые имела обыкновение посе-

щать во время его жизни. Затем она «отбывала» к месту происхождения общины (*пакарина*), где и вела вторую жизнь. Тела усопших, однако же, и дальше, время от времени, получали подношения в виде еды и напитков от живых.

Касикам и государству, которые периодически занимались мобилизацией рабочей силы среди населения, было крайне важно проводить регистрацию людей по возрастным категориям сообразно их физическим кондициям и роли в производстве. То были категории не сугубо административные, но соответствующие организации труда, причем такой, каковой ее определяли сами крестьяне.

Возрастная классификация

ЖЕНЩИНЫ		МУЖЧИНЫ	
уауа	грудное дитя	уауа	грудное дитя
уарма	ребенок (3—7 лет)	уарма	ребенок (3—7 лет)
таски	девочка, еще не достигшая того возраста, когда можно создавать семью (8—13 лет)	мактя	мальчик, еще не достигший того возраста, когда можно создавать семью (8—15 лет)
сипас	незамужняя девушка, но уже достигшая того возраста, когда можно создавать семью	уайна	холостой парень, но уже достигший того возраста, когда можно создавать семью
пукуска	замужняя	пукуска	женатый
уарми	женщина	руна	мужчина

ЖЕНЩИНЫ		МУЖЧИНЫ	
пайя	женщина преклонного возраста	мачу	мужчина преклонного возраста
руку	дряхлая старуха	руку	дряхлый старик

ЖИЛИЩЕ

Как правило, инки не разрушали жилища завоеванных народов — те продолжают проживать в тех же деревнях, что и раньше. На возвышенностях эти деревни располагались в непригодных для пахоты местах, на краю холма либо на крутых отрогах, отвесно спускающихся в долины. Укрепленные с «досягаемой» стороны, эти орлиные гнезда были хорошо видны из им же подобных, за несколько километров, что позволяло их обитателям всегда быть начеку и защищать свою территорию. Некоторые деревни — их не так много — выглядели как настоящие города, вмещая до 10 000 жителей, но большинство все же их насчитывало всего несколько сотен. Иногда в таких деревнях имелась небольшая площадь, но они никогда не строились в соответствии с каким-либо планом, и между домами в них — в том, что касается стиля или архитектурного качества — не существовало никаких различий. Вокруг зон проживания, по внутреннему периметру крепостных стен, располагались заго-

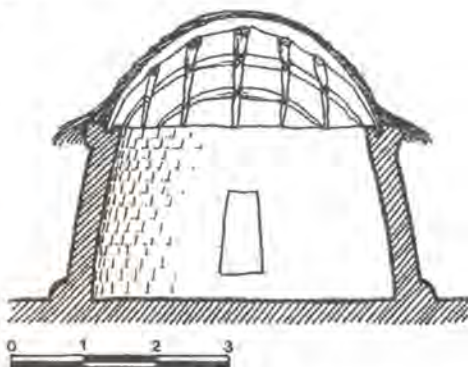
План деревни чупайчу в Керо (Чинчасуйу)

ны для животных и хлебные амбары, чаще всего в количестве от 20 до 50 единиц.

На возвышенностях жилища людей состояли из патио, ограниченных каменными стенами, внутри которых находились одна или несколько круговых построек, от трех до шести метров во внутреннем диаметре. Одна из таких построек служила кухней, другие – комнатами, третьи – снова складами.

Стены, в зависимости от региона, были сложены из нетесаного камня или кирпича-сырца и даже комьев земли, крыши покрыты соломой.

Касики располагали более просторными жилищами, где в сезон дождей принимали своих подданных. Небольшие размеры семейных домов большинства населения объясняются климатом:

*Схематическое изображение кругового дома
в Чирайе (Боливия)*

днем, на протяжении всего года, было тепло и солнечно, что позволяло всем находиться по большей части во дворе; согласно некоторым наблюдениям, днем небольшие дома без окон поглощали солнечные лучи и удерживали их всю ночь. **Во дворе** перед домом перебирали урожай и сушили его на солнце. Здесь же шили и ткали. Жилища простых людей, построенные в рамках градостроительных программ государства, отличались от традиционных домов своей прямоугольной формой, которая копировала форму престижных инкских строений.

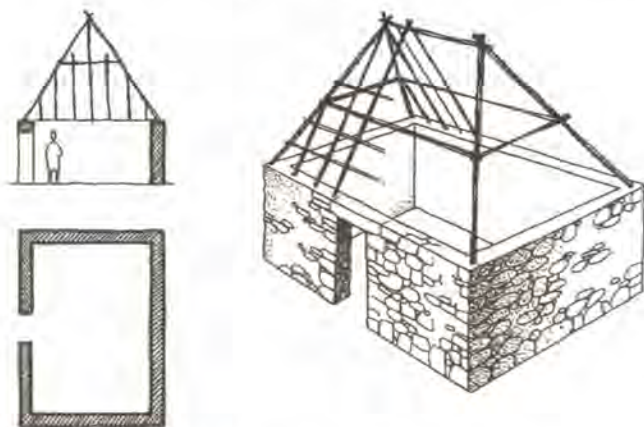
На побережье большинство народа возводило дома из плетеного камыша, тогда как представители знати жили в глинобитных строениях.

В Кольясуйу мумии умерших хранились в **погребальных башнях**, неверно называемых археологами *чупна* (этот термин, который обозначает

«увядший, высохший», является в действительности современным обозначение находящихся там иссохших тел) и построенных по модели домов. Круглые или квадратные, из камня или из самана, эти башни, однако же, были гораздо более высокими, нежели обиталища людей живых, и уходили ввысь, к небу, в форме цилиндра или параллелепипеда. Некоторые из них, случилось, достигали 12 метров в высоту. Даже те, которые повторяли инкские архитектурные формы и были прямоугольными, имели циркулярную внутреннюю структуру с ложным сводом.

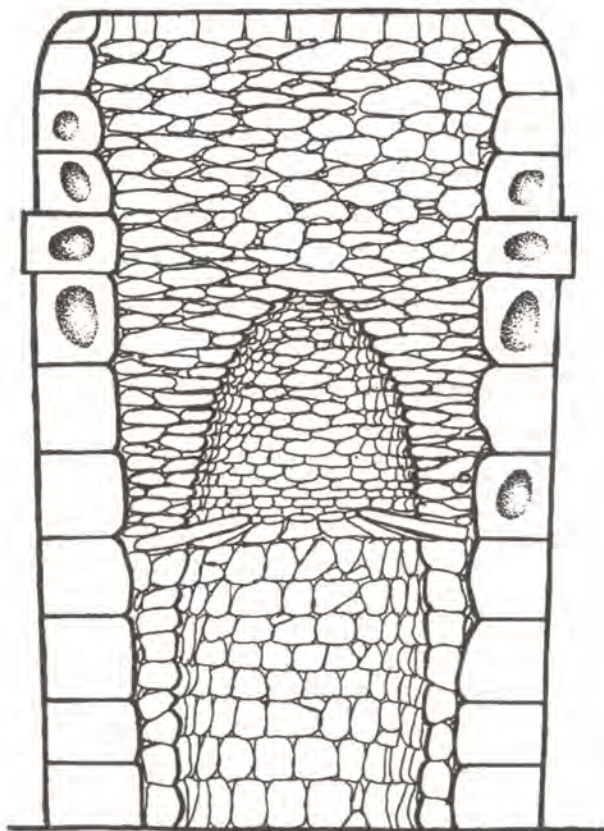
Ввиду редкости деревьев как в Андах, так и на побережье, традиция обставлять дома мебелью у древних перуанцев совсем не получила развития. Вся их нехитрая утварь — котелки, глиняные

Инкский дом простейшего типа

кувшины, кружки, тарелки и чашки – выставлялась в ряд на земле или в устроенных в стенах нишах либо подвешивалась к перекрывающим крышу балкам. Пища хранилась в больших кувшинах внутри дома или в амбарах, снаружи. В некоторых зонах очаг складывался всего из нескольких камней. Раз-

*Схематическое изображение погребальной башни
в Сильюстани (Кальясуйу)*

мещался он в середине жилища, по меньшей мере в метре от стены. В других местах пользовались очагами из терракоты, прислоненными к стене. Дым выходил через отверстия, проделанные в крыше. Этот очаг был, как правило, двойным, так как, в целях экономии столь редких дров, зачастую ставили разогреваться сразу два котелка одновременно. Там, где было развито скотоводство, дрова удачно заменял высушенный навоз лам или альпак. Для того чтобы поесть, инки опускались на землю, ставя перед собой (иногда на отрез ткани) керамические, деревянные или из бутылочной тыквы тарелки и чаши. Женщины ели, сидя спиной к мужчинам и глядя на очаг. Высшие классы общества также ели на земле, но из роскошной керамики и даже из золотой и серебряной посуды, поставленной на дорогие ткани. На кухне обитали морские свинки, которые питались очистками и создавали жилища в углублениях стен. Простые люди, как правило, спали на одеяле, расстеленном прямо на земле. Некоторые дома высшего статуса имели платформу, служащую кроватью для всей семьи, с хлопковыми матрасами и шерстяными одеялами. Обстановка королевских резиденций практически сводилась к скатертям, посуде, матрасам и покрывалам. Единственная форма сидений, *тийана*, предназначалась для персон самого высокого ранга. То был низкий, слегка во-

гнутой стул, вырезанный из единого куска дерева, зачастую в форме какого-то животного.

ПИЩА, ПИТЬЕ И КОКА

Инки не славились такими кулинарными традициями, какие были присущи в то время другим королевским и имперским элитам. На пиршествах ели мало и много пили, в силу того, что маисовое пиво представляло собой крайне питательный напиток. **Повседневное питание большинства населения было вегетарианским.** Пища либо варилась в котелке, либо жарилась на огне. Многочисленные растения, выращиваемые в андском регионе, позволяли готовить множество супов и рагу, приправленных перцем, ароматическими травами, а иногда и мясом. Как и современные андские крестьяне, обитатели *Тауантинсу́йу* ограничивались **двумя приемами пищи в день**; первый, наиболее плотный, происходил в районе восьми часов утра, второй — в четыре или пять часов пополудни. В середине дня инки, как правило, находились в поле или на пастбище, где подкреплялись легкой закуской, состоявшей из картошки и/или вареного или жареного маиса.

В горах основу питания составлял картофель, многочисленные вариации которого имеют самые разнообразные вкусовые качества и структуры. Как

и сегодня, он перерабатывался, как правило, двумя способами, после чего получал совершенно разный вкус: *чуньо* (замороженный картофель) — это продукт, который получают путем высушивания картофеля в течение трех суток, днем на солнце, а ночью — на морозе. Затем клубни мнут ногами, дабы устранить оставшуюся влагу; *морайю* получают, также выдерживая картофель в течение трех суток на морозе, после чего его опускают в воды какой-нибудь реки, где оставляют усыхать на солнце на три недели. **Эти процессы позволяют хранить картофель на протяжении как минимум пяти лет** и в равной мере применимы и к другим корнеплодам (например, к *оке*, из которой добывают *кайю*), даже к маису (из которого получают *чучуку*). Без подобной возможности долго хранить продукты питания было бы просто невозможно жить в *пуне*, где заморозки всего за ночь могут уничтожить весь годовой урожай.

В отличие от обитателей побережья, которые в огромных количествах потребляли маис, те инков, что жили в горных районах, ели кукурузу разве что в качестве дополнительного продукта, вареной или жареной, или же, во время праздников, в форме бриошей. Однако с возникновением Инкской империи потребление маиса, похоже, начало возрастать. Мясо (сушеное — лам или альпак, жареное — морских свинок) большинство населе-

ния ело только по особым случаям. Жители побережья, напротив, при желании всегда могли отве­дать рыбного рагу. Древние перуанцы никогда не пили молоко, не ели сыр или яйца, даже несмотря на то что многие имевшиеся в их распоряжении животные могли вполне снабдить их этими про­дуктами.

Инки предпочитали пить не воду, но пиво, кото­рое производили из маиса (называлось такое пиво либо *ага*, либо *асуа*), киноа, оки, перечного дерева, каньиау, зерен цератонии и т.д., — с очень малым содержанием алкоголя в повседневной жизни и с гораздо бóльшим — по праздникам. Для того чтобы приготовить маисовое пиво, зерна в течение не­скольких дней выдерживали на влажной соломе, чтобы они начали пускать ростки. Затем эти про­ростки слегка высушивали, раздавливали и бро­сали в кипящую воду. Полученную таким образом жидкость пропускали через сито, затем разливали по герметично закрытым сосудам, где ей предстоя­ло забродить.

Прием пищи (согласно Гарсиласо, 1609 г.)

Еда имелась в самом великом изобилии, по­скольку ее заготавливали для всех сородичей Инки, которым хотелось откусать с ним, и для слуг королевского дома, которых было не-

сметное множество. Время основной еды для Инков и для всех простых людей приходилось на утро — от восьми до девяти; вечером они ужинали еще при дневном свете, ужинали легко, и, кроме этих двух раз, они больше ничего не ели. Как правило, они были плохими едоками; я хочу сказать, что они ели мало; в питье они были большими грешниками; во время еды они не пили, однако возмездие наступало после еды, ибо питье длилось до ночи. Это имело место среди богатых, ибо бедные, каковыми являлись простые люди, испытывали во всем нехватку, однако не нужду.

Кока — это выращиваемое в теплых и влажных регионах деревце, листья которого заключают в себе стимулирующую субстанцию, сходную с кофеином или теином. Ее жевали при любом удобном случае с тестом на основе извести или растительной золы, что позволяло высвободить алкоголь, содержащийся в ее листьях.

**Кока (согласно Бласу Валере,
1590—1596 гг.)**

Кока является неким деревцом высотой и толщиной с виноградную лозу; у него мало ветвей, а на них много нежных листьев, шириной с большой палец и длиной с половину того же

пальца, с приятным, но немного слабым запахом; эти листья индейцы и испанцы называют *кока*. Индейцам так нравится кока, что они ценят ниже нее золото, и серебро, и драгоценные камни; ее высаживают с великим вниманием и заботой, а с еще большими — собирают; потому что они снимают сами листья руками и сушат [533] их на солнце, и так сухими их едят индейцы, но не заглатывая их; они только смакуют запах и глотают сок. О том, какую пользу и силу таит в себе кока, можно заключить из того, что индейцы, которые едят ее, проявляют больше силы и больше предрасположенности к труду; и множество раз, удовлетворенные ею, они трудятся целый день без еды.

МЕДИЦИНА

Древние перуанцы объясняли болезни (*ункуй*) двумя причинами. Первой было проникновение в человека некой инородной сущности, от которой исходила сверхчеловеческая сила. Идентифицировать эту сущность, «засевшую» в теле больного, позволяли симптомы. Подобное проникновение обычно считалось наказанием, наложенным на заболевшего каким-то божеством (как правило — *уака*) за некий проступок, нечестивость, допущенную по отношению к данному божеству

небрежность или нарушение какого-либо запрета самим больным либо кем-то из его близких. Больной не обязательно осознавал совершенный им или кем-то из родственников проступок, так что распознать его входило в задачу знахаря. Как только ставился диагноз, болезнь можно было изгнать различными способами. Например, «высосав» боль из тела, лекарь предъявлял затем больному какой-то предмет или камень, якобы извлеченный из его тела и конкретизировавший заболевание. Иногда для «поглощения» болезни и освобождения от нее больного пациента натирали живой морской свинкой. Однако не все эти «проникновения» являлись следствием той или иной оплошности. Нередко инки винили в случившемся тела умерших (как бы давно ни ушли те из жизни), которые считали очень опасными и способными заражать живых своими эманациями.

Также человек мог заболеть по причине потери «души» (*сунку*), которую теперь удерживала в особом месте (*пача*) некая сверхъестественная сила. Целителю предстояло вернуть «душу» в тело пациента, иначе того бы ждала неотвратимая смерть. Симптомами потери души могли быть депрессия, необъяснимое исхудание, жар, тошнота, рвота, диарея, астения или бессонница. Зачастую одним из способов установления диагноза являлось гадание: знахарь делал заключение, исходя из того по-

ложения, которое принимали листочки коки, коим он позволял упасть на какой-либо отрез ткани.

Психотерапевтическую эффективность приведенных выше процедур оценить сложно. **Терапия древнего Перу основывалась, однако же, в том числе и на исключительно богатой фармакопее и прекрасном знании анатомии.** Местным целителям было известно множество обезболивающих и кровоостанавливающих средств, растительных и минеральных субстанций, обладавших умеренным антисептическим свойством. Судя по всему, инки обладали и глубокими хирургическими познаниями. Они практиковали трепанацию черепа; извлекали инородные тела при помощи бронзовых щипцов; накладывали на раны нечто вроде марлевых повязок. Как и их предшественники, инки умели проводить и ампутации, о чем свидетельствуют обнаруженные деревянные протезы.

ОДЕЖДА

Большинство людей, в любом уголке Анд, носили практически одинаковую одежду; на принадлежность к тому или иному племени указывали в первую очередь прическа и головной убор. Простые инки ходят с наголо остриженной головой, тогда как привилегированные инки, подобно индейцам *колья*, носили очень длинные волосы. Жен-

ские прически, судя по всему, были менее вариативны: женщины расчесывали свои длинные волосы на прямой пробор посередине, и те спадали свободно. Отличительной частью прически инков являлась шерстяная повязка (*лъяуту*), создаваемая многократным оборачиванием вокруг головы и перевязыванием плетеными шнурами тесьмы. Некоторые племена практиковали деформацию черепа: у индейцев *колья* он был продолговатый и заостренный и украшался шапочкой той же формы. *Каньяфи*, напротив, имели немного приплюснутую голову.

Обычная мужская одежда состояла из **набедренной повязки** (*уара*) и **туники без рукавов** (*унку*), доходившей почти до колен, а также прямоугольной формы плащ (*якалья*), который надевали в холода или же по церемониальным случаям. *Унку* изготавливалась из хлопка на побережье и из шерсти — в Андах. Она существовала с древнейших времен — самые старые дошедшие до нас ее образцы датируются серединой I тысячелетия до н.э. Обувь была одинакова для обоих полов: как мужчины, так и женщины ходили в сандалиях либо мокасинах. **Женщины носили платье** (*аксу*) и **тонкую накидку** (*лыкля*), ниспадавшую с плеч и спускавшуюся до самой земли. Платье представляло собой большой прямоугольный отрез ткани, который инкские женщины оборачивали вокруг тела. Вокруг талии

они повязывали широкий, искусной работы пояс (*чумпи*), который стягивал и закреплял платье. Дабы скрепить накидки, они закалывали их двумя фибулами в форме диска (*тупу*). Такое одеяние легко можно было открыть на уровне груди, чтобы покормить младенца. Другая булавка (*типки*), более короткая, позволяла закрепить платье внизу, когда оно не было завязано на груди на узел. Волосы подвязывались изящной *винча*. Голову инкские женщины покрывали полоской ткани (*ньяньяка*), сложенной втрое или вчетверо (в длину) таким образом, что один ее край удерживался на макушке, а другой свисал на спину. Когда солнце палило слишком нещадно, *ньяньяка* раскручивалась, превращаясь в своеобразную мантилью. Туника, плащ и платье, как правило, были черного или каштанового цвета в сьере и белыми — на побережье, где изготавливались из хлопка. Структура, направление рисунка и горловой вырез в тунике были вертикальными в мужском наряде и горизонтальными — в женском. Так одежда визуальнo воплощала один из фундаментальных аспектов андского дуализма, согласно которому мужчина и женщина являли собой пару дополняющих друг друга противоположностей.

Одежда изготавливалась не из выкроенных и сшитых отрезков ткани, но из полностью вытканых на станке, включая орнамент и бахрому. Задачей ткача было произвести законченный продукт,

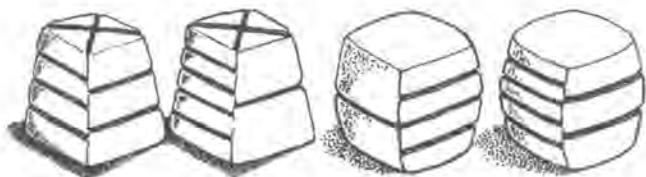
так как одежда не могла быть скроенной. Действительно, исходя из современных этнографических данных, можно прийти к выводу, что **одежда и даже мешки и сумки рассматривались инками как живые существа**, впрочем, как и дома и прочие предметы, которые мы бы сочли неодушевленными. Перечень частей одежды, похоже, подтверждает такое восприятие: туника, например, состояла из «сердца», «рта», «внутренностей», «ягодиц» и т.д. Этнологи отмечают, что иногда даже сейчас в представлениях местных жителей сумка «является» жабой, веревка — змеей, а праща — ящерицей. Таким образом, андские ткачи должны были ясно представлять себе все аспекты будущего наряда — размер, форму, пропорции и компоновку — еще до начала работы. Даже *унку* изготавливалась из единого куска ткани, а отверстие для головы проделывалось на ткацком станке. В одежде практически не существовало никакой вариативности форм. Так, **знатных инков можно было отличить от простолюдинов лишь по качеству ткани их нарядов**, первые носили *ауаска*, вторые — *кумпи*. **Жители Тауантинсуйу спали полностью одетыми и не стирали одежду, а лишь периодически ее меняли.** Праздники являлись возможностью на время облачиться в более красочные одеяния. Инка никогда не ходил в одном и том же наряде больше одного дня, преподнося его

в дар тому из своих приближенных, которого хотел выделить. **Украшения носили представители обоих полов.** В ушах у инков красовались огромные, около 5 сантиметров в диаметре, подвески цилиндрической формы, деформировавшие мочки ушей, вследствие чего испанцы называли их *офехонами* — «вислоухими». Мужчины определенного ранга носили также металлические браслеты или диски на шее или на голове. У женщин в ушах ничего не было; их украшения ограничивались колье и брошами.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Увеселения подданных Инков практически неразрывно связаны с экономической и ритуальной жизнью. Основным поводом для развлечений являлся совместный труд, так как тот, кто приглашал некую группу людей совершить какую-то работу, должен был предложить им плотный обед и побольше маисового пива. **Работа, таким образом, рассматривалась не как наказание, но как праздник.** Это была возможность укрепить связи между членами одного *айлью*, так как алкоголь открывал сердца и сближал людей. Словом, одна и та же деятельность соединяла в себе экономическую, социальную, символическую и игровую функции. **Большое место в жизни подданных Инки за-**

*Деревянные кости, обнаруженные в Пачакамаке
(Чинчасуйу)*

нимал танец: церемонии, посредством которых оказывали почести какому-либо божеству, предку, знатной особе или Инке, состояли прежде всего в танцах перед ним под звуки всевозможных флейт, барабанов, колокольчиков и бубенцов (струнные инструменты инкам не были известны), иногда с использованием весьма продуманных костюмов и масок.

Самой популярной игрой в древнем Перу была *пичка*. Играли в нее с помощью раскрашенных каменных или деревянных кубиков в форме усеченной пирамиды, называвшейся *пичка*, «пять».

Наименьшая сторона игральной кости, на которой был нарисован крест, была равна пяти баллам, четыре другие стороны имели достоинство от одного до четырех, в зависимости от количества имевшихся на них параллельных полос. Разбившись на две команды, игроки по очереди бросали кость и передвигали фишки (зачастую – фасолины различных цветов) по деревянной игровой доске, разделенной на секции, каждая из которых имела

в значении 10, 20, 30, 40 либо 50 очков. Подсчет баллов велся при помощи маисовых зерен двух различных цветов. Всякий раз, когда одной из команд удавалось опередить другую, поведшие в счете восклицали: «*Мисайки!*», «Мы обогнали ваш цвет!» Игра продолжалась до тех пор, пока одна из участвующих сторон не одерживала верх шесть раз. Нередко играли на интерес, и тогда на кон ставились морские свинки, скот или ткани. В ритуальных обстоятельствах игра *пичка* могла служить также и способом гадания. Силы, которые вызывались по случаю ритуала, должны были, как предполагалось, действовать в соответствии с тем, как падала кость, что позволяло по окончании сеанса установить отношения, существовавшие на тот момент между невидимыми силами. Такое использование *пичка* имело место в критические моменты перехода между двумя периодами, вроде начала сезона дождей или первыми днями после чьей-либо смерти. По сути, то была излюбленная игра инков на протяжении тех пяти ночей, что им предстояло провести у гроба умершего.

Простолюдинам запрещалось охотиться на викуний, гуанако и представителей семейства оленевых без особого на то разрешения. Примерно каждые четыре года Инка или его представители организовывали большую охоту (*чаку*), в которой принимало участие все деревенское население. То

была как забава для знати, которая играла в охоте главную роль, так и развлечение для участвовавших в ней простых людей, а также хорошая возможность распределить среди и тех, и других мясо. Тысячи загонщиков формировали огромный, в несколько километров диаметром круг и двигались к его центру, стараясь произвести как можно больше шума и гоня дичь перед собой в ту сторону, где находился Инка. По мере продвижения охотники убивали пум, очковых медведей, лисиц и диких кошек. Оленух, а также самцов-производителей отпускали. Других самцов забивали, а их шкуры делили между всеми участниками облавы. Пойманных викуний и гуанако остригали, после чего большинство из них также отпускали на волю; некоторых по мере необходимости убивали, и шкуры их распределяли между семействами. Шерсть гуанако, более грубая, отдавалась простому люду, тогда как мягкая шерсть викуний предназначалась для Инки, который раздавал ее затем тем, кого хотел вознаградить. Добытое таким образом мясо высушивалось так, чтобы его можно было хранить несколько лет, до следующей охоты. Во время подобной облавы правитель предстал перед своими подданными в качестве главного поставщика мяса. Известно, что *Инка Манко* организовал *чаку* в честь Франсиско Писарро, выведя на охоту 10 000 человек, которые закололи около 11 000 животных.

БИОГРАФИИ

Атауальпа

Верховный Инка (ок. 1500—1533), сын *Уайна Капака* и дочери правителя одного из покоренных народов. В 1530 г. восстал против своего брата *Уаскара*. Оплот его власти — Кито, где он вырос, но вокруг него объединились и другие народы Империи, например *чинча*. Пленный оставшимися верными Уаскару *индейцами-каньяри Томебамбы*, он бежал, собрал войска и нанес войску брата сокрушительное поражение у *Томебамбы*, которую приказал стереть с лица земли. После серии побед, одержанных над Уаскаром, Атауальпа дружелюбно принял в Кахамарке экспедицию Франсиско Писарро, который 16 ноября 1532 г. взял его в заложники. 26 июля 1533 г. казнен испанцами через удушение гароттой.

Виракоча

Верховный Инка (начало XV в.). Покоритель племени *колья*, *Виракоча*, по всей вероятности, и

был инициатором имперской экспансии. Придя к власти после победы над племенем *чанка*, его сын *Пачакуту* продолжил завоевательную политику отца. Согласно официальной истории, оставив атакованный индейцами-чанка Куско, *Виракоча* укрылся в своем имении в *Какиа-Шакшагуана*, и, встав во главе сопротивления, *Пачакуту* разбил *чанка* и принял на себя всю полноту власти, определив отцу окончательным местом жительства его деревенское имение. Виракоча является основателем рода *Соксо Панака*.

Гарсиласо де ла Вега

Литературное имя писателя и историка Гомеса Суареса де Фигероа (1539–1616), метиса, незаконнорожденного сына одного испанского конкистадора, капитана Себастьяна де ла Веги, и Исабель Чимпу Окльо, внучки Тупака Инки Юпанки. В двадцатилетнем возрасте Гарсиласо поехал в Испанию, чтобы ходатайствовать перед Советом по делам Индий о вознаграждении за услуги, оказанные короне его отцом в Перу. Ничего не добившись – его отца обвинили в пособничестве мятежнику Гонсало Писарро, – Гарсиласо поступил на военную службу и отличился в ходе итальянской кампании и подавления восстания морисков в Альпухаррасе (1569–1570), после чего получил звание капитана. Затем он оставил службу ради пи-

сательской деятельности и 1590 г. издал в Мадриде «Письма любви» итальянца-платоника Леона Эбрео. В 1605 г. он издал роман «Флорида», затем, в году 1609, знаменитые «Подлинные комментарии об истории государства инков», и наконец, в 1617 г., уже после смерти Гарсиласо, вышел в свет «Завоевание Перу». Гарсиласо написал «Комментарии» для того, чтобы подправить касающиеся инков рассказы испанских конкистадоров и историков, которые зачастую полагал ошибочными, и чтобы реабилитировать непонятый и презираемый мир своих предков по материнской линии. Он опирался на рассказы, которые слышал в семье матери, примкнувшей к *Паулю* и испанцам, использовал утраченную хронику Бласа Валеры, метиса, как и он сам, а также многочисленные документы, присланные из Перу. В силу статуса Гарсиласо как потомка инков, подлинность большинства приведенных в его сочинении описаний признается исследователями, и все же пользоваться «Комментариями» следует с осторожностью. Их автор преувеличивает доброжелательность инков, тогда как культ Солнца, наиболее полезного светила как для людей, так и для природы, изображается им в виде высшей категории идолопоклонства. Даже полагая этот культ конкретного и очевидного бога «ложным», Гарсиласо считает его насаждение инками ниспосланным Провидением, пожелавшим

морально и религиозно подготовить перуанцев (которые прежде признавали других, низших, божеств) к почитанию бога абстрактного и невидимого, всемогущего создателя мира. Его стремление к восхвалению инкской цивилизации приводило Гарсиласо к многочисленным подтасовкам, например к такой, благодаря которой завоевателем племени *чанка* становится не *Пачакути*, а *Виракоча*.

Манко Инка

Сын *Уайна Капака*, *Манко Инка Юпанки* родился в 1515 г. Когда, в ноябре 1533 г., в Куско прибыли испанцы, он заручился их поддержкой, дабы распространить свою власть на весь *Тауантинсуйу*. Будучи признанным Франсиско Писарро законным Инкой, он одержал ряд побед над войсками Кито. Вскоре, однако, он обнаружил, что стал марионеткой в руках испанцев. В 1536 г. Манко Инка восстал против них и осадил Куско, где находились христиане. Провал этой осады вынудил Манко и часть инков уйти в горы Вилькабамбы, к северу от столицы. Там, в 1544 или 1545 г., он погиб от рук соперничавшего с Писарро конкистадора-испанца *Диего де Алмагро*, которому предоставил убежище.

Манко Капак

Прародитель инков и первый правитель Куско. Если Манко Капака и можно в каком-то роде рас-

смаатривать как исторического персонажа — инки хранили его мумию до середины XVI в., — то приписываемые ему поступки покрыты густой пеленой легенды. Вышедший вместе с тремя братьями и четырьмя сестрами (одной из которых была его будущая супруга *Мама Окльо*) из пещеры *Тампу-Токо* (называемой также *Пакарик-Тампу*) вскоре после Потопа, Манко Капак довел их до долины Куско, где они обосновались в том поселении, где впоследствии возникнет Золотой Двор (*Кориканча*). Является основателем рода *Чима Панака*.

Паулью Тупак

Верховный Инка (около 1518—1549), сын Уайна Капака и Аньас Кольки, женщины из элиты племени *уайлья*. Занимал важное положение в Куско, когда правителем стал *Манко Инка*. Временно замещал Инку, когда тот отсутствовал в Куско, сопровождая Франсиско Писарро и Эрнандо де Сото в их поездках в 1534 г. По возвращении в столицу *Манко* поставил *Паулью* во главе войска, которое выехало из Куско в июле 1535 г., чтобы сопровождать Диего де Альмагро в его походе в Чили. В июле 1537 г., после отступления *Манко* в Вилькабамбу, *Паулью* сменил его на троне Куско благодаря поддержке Диего де Альмагро, которому он помог в борьбе со сторонниками Писарро, предоставляя в его распоряжение воинов. Получив при крещении в 1543 г.

имя Кристобаль, по имени его крестного отца, губернатора Кристобаля Вако де Кастро, Паулью выучил испанский язык, обучался чтению, письму и верховой езде.

Пачакути (Инка Юпанки)

Верховный Инка (XV в.), сын *Виракочи*. Инка *Юпанки* пользуется победой, которую одерживает над атаковавшим Куско племенем *чанка*, чтобы отстранить от власти отца и его наследника, и начинает править Империей под именем Пачакути («Возвращение Эпохи»). Он завоевывал обширные территории к северо-западу от Куско, изменил облик столицы (работы по устройству каналов и водоснабжению), восстановил «Золотой Двор» (Кориканчу) и переписал историю, став отныне истинным основателем Империи. Умер Пачакути уже в весьма почтенном возрасте, прожив, вероятно, более 80 лет. Является основателем рода *Иньяка Панака*.

Сайри Тупак

Верховный Инка (?–1561), сын *Манко Инки*. Сменил отца во главе сопротивления Вилькабамбы в 1545 г. После долгих переговоров, 5 января 1558 г. *Сайри Тупак* оставил Вилькабамбу и в сопровождении 200 человек свиты отправился в Лиму, где с величайшими почестями принял вице-короля.

Сайри Тупак получил богатое имение в Юкае, неподалеку от Куско, где и живет в уединении до самой своей смерти.

Титу Куси

Верховный Инка (около 1529–1571–1572), сын *Манко Инки*. В 1537 г., отходя в горы Вилькабамбы, Манко забрал Титу Куси Юпанки с собой. В 1539 г., будучи захваченным в плен конкистадорами во время похода на Вилькабамбу Гонсало Писарро, *Титу* возвратился в Куско, где и провел следующие четыре года под присмотром одного испанца, в результате чего познакомился с культурой завоевателей. В конце концов *Манко Инка* удалось вызволить сына и вернуть в Вилькабамбу. В 1558 г. *Титу Куси* сменил Сайри Тупака во главе инкского сопротивления. В 1569–1570 гг., в сотрудничестве со своим метисом-секретарем Мартином де Пандо и Маркосом Гарсией, монахом-августинцем, переехавшим в Вилькабамбу из Куско, *Титу Куси* составил «Наказ лиценциату Лопе Гарсиа де Кастро, губернатору Перу». В этом, написанном по-испански, документе Инка просил губернатора донести до испанского короля его, Титу Куси, условия возможной капитуляции. Благодаря этому, пусть и составленному испанским монахом документу мы имеем инкскую точку зрения на события 1532–1570 гг.

Тупак Амару

Верховный Инка (?—1572), сын *Манко Инки*. В июне 1572 г. сменил *Титу Куси* во главе Вилькабамбы. Плененный испанцами 24 августа того же года, 22 или 23 сентября был обезглавлен на главной площади Куско.

Тупак Инка

Верховный Инка (вторая половина XV в.), сын *Пачакуту*. *Тупак Инка Юпанки* завоевал нынешний Эквадор, где основал города *Томебамбу* и *Кито*, а также ту часть Анд, которая сейчас относится к территориям республик Боливия, Аргентина и Чили. Отца у власти он сменил гораздо позже, когда *Пачакуту* скончался в преклонном возрасте. Именно при нем была возведена бо́льшая часть крепости *Саксайуаман*, что возвышается над Куско. Основатель рода *Капак Айлью*.

Уайна Капак

Верховный Инка (?—1524—1529), сын *Туака Инки*. Родился у северной границы империи в то время, когда его отец участвовал в войнах за *Кито*. Назначенный *Туаком Юпанки* своим преемником, *Уайна Капак* получил верховную власть в конце XV в. Желая обновить отношения, установленные его предшественниками с местными вождями, лично провел всеобщую инспекцию Им-

перии, подавив несколько мятежей, в том числе и крупномасштабное восстание племен на северных границах — каямби, каранги и пасто. Он завоевал *Чачапойю* и провел последние двенадцать лет своего правления в Томебамбе, которую перестроил и увеличил. Дворец *Пумапунку*, построенный там по его приказу, является самым большим из существующих инкских дворцов. Большую часть своего правления он посвятил управлению империей и умер в Кито, став жертвой завезенной европейцами оспы. Уайна Капак является основателем рода *Томебамба*, который Атауальпа приказал истребить и в живых из которого осталось лишь несколько человек.

Уаскар

Верховный Инка (около 1500—1532), сын *Уайна Капака*. Придя к власти в середине или в конце 1520-х годов, вел ожесточенную борьбу с несколькими населявшими Империю племенами, сплотившимися за спиной его сводного брата *Атауальпы*. После череды сокрушительных поражений, в 1532 г. был пленен в окрестностях Куско одним из военачальников *Атауальпы*, который увез его на север, где правил его сводный брат. В январе или феврале 1533 г. был убит близ *Атун-Шауши* по приказу находившегося в заложниках у испанцев Атауальпы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
------------------	---

ПЕРУ

I. ИСТОРИЯ.....	10
ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВЕКА.....	11
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНКСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	20
ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ.....	24
КРИЗИС ДИНАСТИИ И ИСПАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ.....	30
ОСНОВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ.....	44
II. ИМПЕРИЯ.....	47
РЕГИОНЫ ПРОИЗВОДСТВА.....	49
ИМПЕРИЯ «ЧЕТЫРЕХ СТОРОН СВЕТА».....	54
КУСКО.....	56
ОБЛАСТЬ МЕТРОПОЛИИ.....	64
ЦЕНТРЫ ПРОВИНЦИЙ.....	66
ДОРОГИ, ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ, ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ.....	71
III. СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.....	76
АЙЛЬЮ, БАЗОВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА.....	77
НАРОДЫ И ПРОВИНЦИИ.....	80

КАСИКИ.....	81
ИНКСКАЯ ЭЛИТА.....	84
ПРАВИТЕЛЬ.....	88
АДМИНИСТРАЦИЯ.....	94
ВОЙСКО.....	97
IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.....	103
ПРОИЗВОДСТВО.....	105
СТРЕМЛЕНИЕ К АВТАРКИИ.....	112
УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА.....	114
МОБИЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ.....	117
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ.....	120
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И УСЛУГИ.....	126
ТОРГОВЛЯ.....	129
ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ.....	132

ИНКИ И ПОДЧИНЕННЫЕ ИМ НАРОДЫ

V. ВРЕМЯ.....	136
ВРЕМЯ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.....	138
ВРЕМЯ ОБЩЕСТВА И ВРЕМЯ МИРА.....	142
VI. РЕЛИГИЯ.....	154
КУЛЬТ ПРЕДКОВ.....	157
УАКА.....	165
УАРИ/ВИРАКОЧА И МОЛНИЯ.....	168
СОЛНЦЕ, ЛУНА И УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА.....	172
БОЖЕСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОТВЕТ.....	176
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.....	180
ИНЫЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ.....	183
ХРАМЫ.....	186
РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.....	194

VII. ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ.....	197
ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЕДИНСТВО.....	198
КЕЧУА.....	201
АЙМАРА.....	204
ЯЗЫКИ СЕВЕРА ИМПЕРИИ.....	206
ЯЗЫКИ ЮГА ИМПЕРИИ.....	208
КИПУ.....	210
VIII. ИСКУССТВО.....	216
ТЕКСТИЛЬ.....	218
АРХИТЕКТУРА.....	223
КЕРАМИКА.....	234
ПРОИЗВОДСТВО ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ.....	237
ИНКСКОЕ ИСКУССТВО ПОД ИСПАНСКИМ ГОСПОДСТВОМ.....	242
IX. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И ДОСУГ.....	245
ИМЕНА.....	246
ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ.....	249
ЖИЛИЩЕ.....	256
ПИЩА, ПИТЬЕ И КОКА.....	262
МЕДИЦИНА.....	266
ОДЕЖДА.....	268
ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.....	272
БИОГРАФИИ.....	276

Научно-популярное издание

Гиды цивилизаций

Итье Сезар

ИНКИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *Н.В. Гришина*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.08.2013. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «NewBaskervilleС». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Печ. л. 9. Тираж 2500 экз. Заказ 3568/13.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь.

www.pareto-print.ru

Сезар Итье

ИНКИ

Из малочисленного и безвестного племени долины Куско инки с течением времени смогли превратиться в могущественных правителей Анд.

Они создали великую империю, поразившую пришельцев из Европы своими грандиозными сооружениями и научными знаниями.

Империя инков была крупнейшим по площади и численности населения государством в Южной Америке. Территория ее протянулась от нынешнего Пасто в Колумбии до реки Мауле в Чили и включила в себя земли нынешних Перу, Боливии, Эквадора и частично Чили, Аргентины и Колумбии.

Правителем этих обширных территорий был Инка, так индейцы называли своего государя. Дословно «инка» означает «повелитель», «король». А само слово «инка» являлось неотъемлемой частью имени вождя империи. Со временем «инками» стали называть не только главу государства, но и других представителей господствующего класса. А с появлением завоевателей понятие «инка», или «инки», распространилось на все племя индейцев, населявших империю.

Книга французского исследователя доколумбовых цивилизаций Сезара Итье послужит читателю увлекательным путеводителем в путешествии по древнему государству.

ISBN 978-5-4444-0526-0

9 785444 405260

